

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 14 АПРЕЛЬ 1988

МИСС ВОЗДУШНЫЙ ОКЕАН

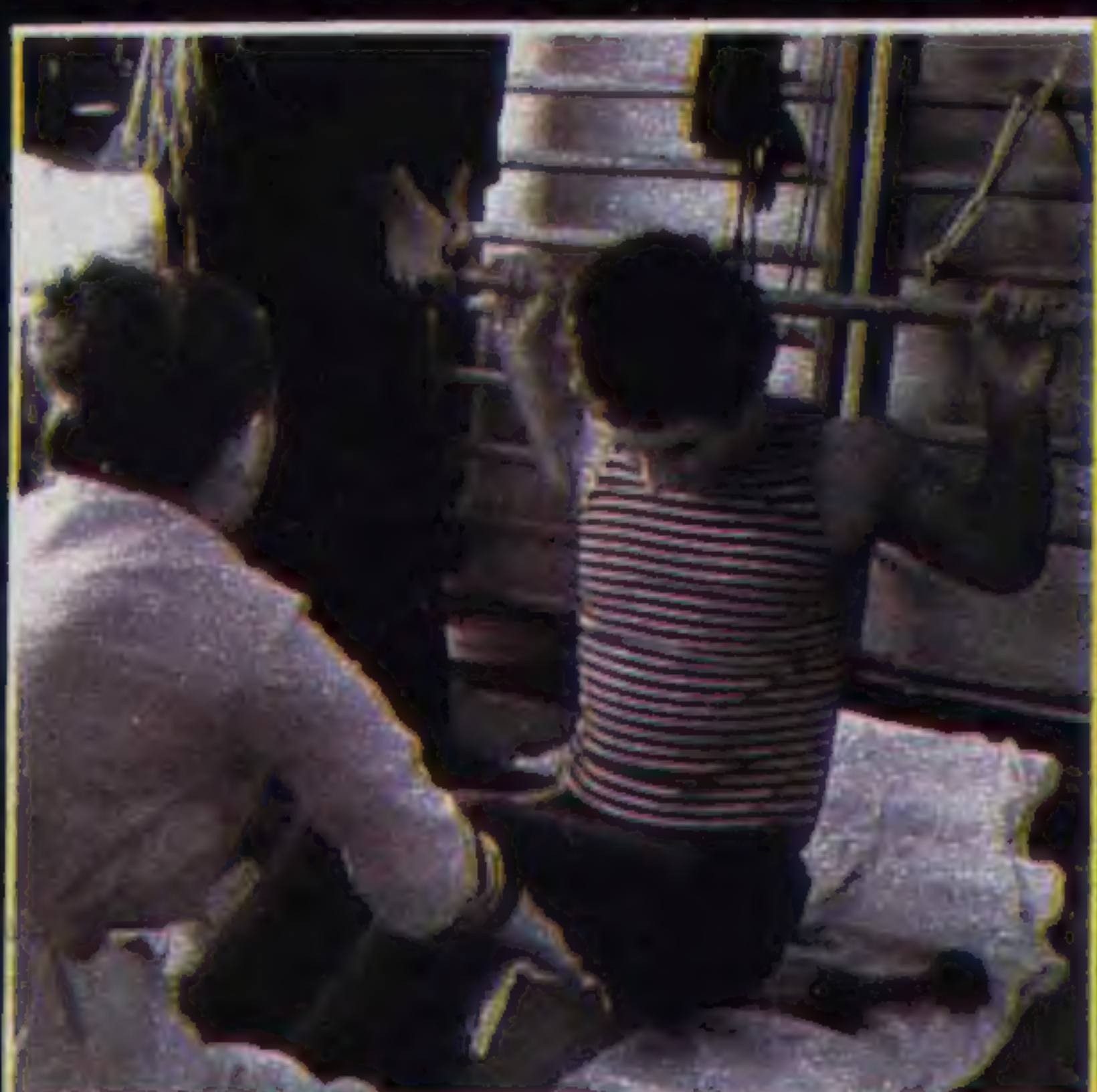
ИСКУССТВО,
ЖИЗНЬ,
ТЕАТР

ПРОЗА
Владимира
НАБОКОВА

ЯЗЫКОМ
ОФОРТА

МУЖЕСТВО
КАЖДЫЙ ДЕНЬ

St

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан
1 апреля
1923 года

№ 14 (3167)

2 — 9 АПРЕЛЯ

© Издательство «Правда», «Огонек», 1988.

Главный редактор
В. А. КОРОТИЧ.

Редакционная коллегия:

Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ,
В. В. ГЛОТОВ
(ответственный секретарь),
Л. Н. ГУЩИН
(первый заместитель главного редактора),
К. А. ЕЛЮТИН,
Н. А. ЗЛОБИН,
В. Д. НИКОЛАЕВ
(заместитель главного редактора),
Ю. В. НИКУЛИН,
А. Г. ПАНЧЕНКО,
А. Б. СТУКОВ,
С. Н. ФЕДОРОВ,
Ю. Д. ЧЕРНИЧЕНКО,
В. Б. ЧЕРНОВ,
В. Б. ЮМАШЕВ.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Бортпроводница Светлана Зенкина.
(См. в номере материал
«Жизнь на лету».)

Фото Александра НАГРАЛЬЯНА

Оформление В. В. ВАНТРУСОВА
при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА

Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп.,
на полгода — 10 руб. 38 коп.,
на квартал — 5 руб. 19 коп.

Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27;
Отделы: Публицистики — 212-21-88; Между-
народный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69;
Искусства — 212-15-39; Морали и писем —
212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных
приложений — 212-22-13, 212-23-07.

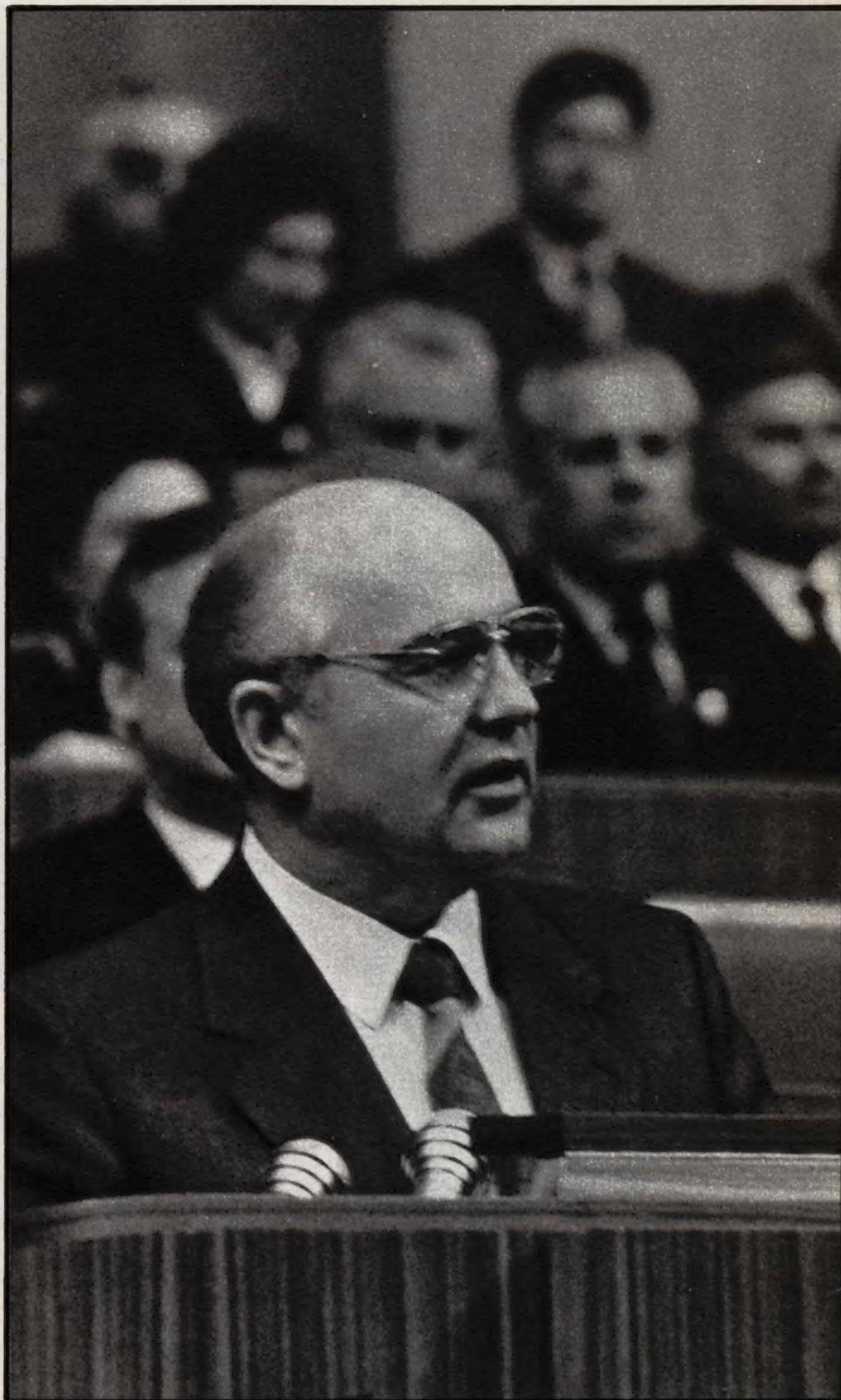
*Рукописи объемом более двух авторских листов
не рассматриваются.*

Сдано в набор 14.03.88. Подписано к печати
29.03.88. А 00317. Формат 70 x 108%. Глубокая
печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл.
кр.-отт. 16,80. Тираж 1 770 000 экз. Заказ № 2098.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина издательства ЦК
КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица
«Правды», 24.

**Адрес редакции: 101456, ГСП,
Москва, Бумажный проезд, 14.**

**ЖИТЬ
НА ЗЕМЛЕ
ДОЛЖНО БЫТЬ
ВЫГОДНО.
НО
МЫ ЗНАЕМ,
ЧТО
НЕ ВЕЗДЕ
И
НЕ ВСЕГДА
БЫЛО
ТАК.
ВОТ
ПОЧЕМУ
СЕЛЬСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ
ВОЛНУЮТ
ДАЖЕ
ГОРОЖАН.**

ДЕРЕВНЯ: ПЕРЕ

Николай БЫКОВ

Итак, в Москве закончил работу IV Все-
союзный съезд колхозников, делегаты
разъехались — весна позвала домой.
А приехали домой, и как раз в ночь под
воскресенье перевели стрелки часов
вперед — страна перешла на летнее
время. Но по-прежнему точно, в соот-
ветствии с ходом светил, будят землю
петухи, в свой час доят коровы, по своему распи-
санию поднимается солнце. И не о переставленных
стрелках идет речь, когда в деревне говорят: «Пе-
решли на новое время». Съезд колхозников прошел
под сильнейшим влиянием ленинских идей, сконцен-
трированных в статье-завещании «О кооперации».
Живительный источник мыслей, святой колодец —
из него еще черпать и черпать! В выступлении на
съезде М. С. Горбачев сказал: «...ощущается потреб-
ность вновь и по-новому прочитать Ленина, проник-

нуть в глубину его взглядов на пути созидания
нового общества. Именно так мы и поступаем, когда
возвращаемся к одному из самых блестящих ленин-
ских открытий — учению о социалистической коопе-
рации». В чем же это открытие? Рост кооперации
тождествен росту социализма. Меньше коопера-
ции — меньше социализма, общества раскрепоще-
ного труда, подлинного демократизма и социальных
преобразований. Все это непосредственно касается
жизни деревни, села.

О самостоятельности, самоуправлении, хозрасче-
те говорили на съезде делегаты. О том, что до
перехода на новое — кооперативное — время колхо-
зам отводилась роль младших партнеров государ-
ственного сектора. Теперь в Кремлевском Дворце
съездов говорили «колхоз» — подразумевали коопе-
рацию, говорили «кооперация» — подразумевали
жизнь села. И я был рад видеть на экране телеviso-
ра старых знакомцев, единомышленников, соавторов
по «Огоньку» — таких выдающихся колхозников,
как В. Л. Бедуля из Белоруссии, С. П. Гинин из Вла-
димирской области, А. В. Гиталов и В. И. Криворотов
с Украины, Н. Н. Головацкий из Казахстана, В. Я. Го-
рин из Белгородской области, Г. Г. Картофяну
и С. М. Пармакли из Молдавии, И. И. Кухарь из Под-

московья, конечно же, патриарх всея пашни Т. С. Мальцев из Курганской области, Н. В. Перверзева из Ростовской области, В. Ф. Резников с Кубани, Н. Д. Терещенко со Ставрополя, — все они во времена наименьшего благоприятствования колхозам откровенно высказывались на страницах «Огонька» по тупиковым проблемам развития сельской экономики, улучшения жизни в деревне. Их бывшие мечтания сегодня близки к свершениям. Если — если кооперативные принципы станут законом. Как говорится, не спеши сказать «гоп», пока не перепрыгнул. Не спеши жителя села объявлять хозяином земли, пока не даны на то гарантии Закона о кооперации в СССР. «Не мешать!» — это ленинское требование звучало из уст почти каждого выступавшего с трибуны съезда. Не мешайте жить, помогайте жить — вот о чем просили делегаты. Председатель колхоза с Дона П. Ф. Костенко заме-

●
Москва,
март 1988 года,
Кремлевский
Дворец съездов.
На трибуне —
М. С. Горбачев.

●
Делегаты
рады встрече
с Терентием
Семеновичем
Мальцевым.

ХОД НА НОВОЕ ВРЕМЯ

тил: «...Я считаю, что одним Уставом нам не обуздать администрирование. Система волевого планирования продолжает существовать... Трудно быть хозяином на земле, если твои права не защищает специальный закон...» Ему вторил Ниязами Юлдашев из Чимкентской области: «Устав должен стать законом не только для нас, но и для тех, кого еще одолевает административный зуд»...

Итак, IV Всесоюзный съезд колхозников стал историческим фактом и достоянием истории борьбы деревни за выживание, за самостояние, за право быть хозяином своей судьбы. Государство принародно повернулось лицом к ленинским идеям о кооперации. Обещано немало. Главное, чтобы данное слово было нерушимым, а за нерушимым словом обязательно бы росло, преумножалось дело. «Мы давно ждали и верили в возрождение ленинского кооперативного плана», — сказал председатель агропромышленного объединения «Новомосковское» В. А. Стародубцев. И это время пришло. Власть земли — это испытание жизни в деревне на прочность. Отлученные от земли вновь обретают права на нее. Жить на селе должно быть выгодно. Новый Устав колхоза — та ли это охранная грамота, которую ждали и ждут жители села?

●
О многом
расспрашивали
доярку
из Липецкой
области
Валентину
Хрущеву
(слева).

Фото
Алексея
ГОСТЕВА

Номер, который вы начали читать, особенный. Нам исполнилось шестьдесят пять лет; «Огонек» один из долгожителей советской печати. Вроде бы и дата не шибко юбилейная; если чем и характерна она, то тем, что в шестидесятипятилетний отрезок времени укладывается средняя продолжительность мужской жизни во многих странах мира; близка она к этому сроку и в нашей. Целая жизнь уместается в наш возраст, со всеми разочарованиями, достижениями, надеждами, со всем опытом. «Огонек» в советское время начал выходить еще при жизни Владимира Ильича, и мы горды, что на титуле журнала — орден с ленинским профилем, высшая награда страны.

В шестьдесят пять лет уместилось немало боли и радости; нам очень важно сознавать свою неотделимость от ваших жизней, дорогие читатели. Поверьте, журналу никогда не бывало лучше, чем вам; зачастую бывало хуже, потому что никто не бывает искренне счастлив, сознательно говоря неправду. Но и правды мы сказали немало; не будь это так, доброе имя журнала не выстояло и не укрепилось бы в наших с вами шести с половиной десятилетиях.

Как молоды мы с вами! Постоянно переполнены новыми планами, неизменно готовы начинать сначала, будто это вообще возможно — всякий раз начинать. Давайте взыскательно подумаем о том, что все-таки мы продолжаем. Прежде всего — продолжаем. Видим ошибки, проходим сквозь них, ни одной не скрывая; у нас последовательная судьба, мы выстрадали свой сегодняшний день, гордимся теми из своих дней и лет, что поучительно высоки. Мы и самые недобрые свои дни помним; если вычеркивать, выбеливать их из памяти — они повторяются. Каждый новый наш с вами день, каждый новый наш номер — продолжение усилий самых достойных предшественников, труд во имя мечты, так нелегко достигаемой, родившейся не сегодня, но так надежно объединяющей нас.

Очень важно, чтобы честно и хорошо работающий человек жил лучше, чем тот, кто не приносит пользы никому, кроме самого себя. Вообще важно, сколько каждый занимается делами, не связанными с собой лично. Мы, «Огонек», ведь тоже не ищем немедленной выгоды; нам может стать лучше, богаче, откровеннее, защищенной только вместе со всеми вами, со всей страной.

Сегодня вас, дорогие читатели, у нас куда больше, чем за много прошедших лет. Мы с вами верим друг другу и от этого сильнее становимся. Жаль, конечно, что в розничную продажу журнала нынче поступает на много сотен тысяч экземпляров меньше, чем тогда, когда он кипами лежал на прилавках, не вызывая интереса ни у кого. Сейчас трудно с бумагой. Жаль, что заработная плата сотрудников «Огонька» давно уже ни в коей мере не связана с его популярностью, существуя в своей загадочной неизменности. Ничего, когда-нибудь всем повысят. Жаль, что полиграфическая база журнала не выдерживает требований времени. Не все сразу.

И в то же время все эти сожаления перекрываются надеждой на будущее. У нас еще никогда не было столько оснований для веры во всенародное усилие по изменению жизни. Или всем нам будет лучше, светлее, честнее, или... Собственно, никаких «или» — выбора нет. Возникнув на заре строительства социализма в Советской державе, мы повторяем сегодня «Больше социализма!» с высоты собственного опыта, убежденные, что нет иного пути спасения и победы. Мы ведь только на пять с небольшим лет младше ленинского Октября; каждый огоньковский день соединен с поиском пути к цели, великой и честной. Хочется верить, что сегодня все мы лучше, чем были вчера, хочется верить, что сегодняшний «Огонек» лучше вчерашнего. Кем были мы с вами? Читателями и творцами «Огонька»... Кто мы сегодня? Читатели и творцы «Огонька»!

День рождения — праздник незаурядный. Давайте же укреплять в себе умение обдумывать великие замыслы и осуществлять их, ежедневно рождаться для радости! Спасибо за ваше внимание и поддержку, дорогие читатели!

Виталий КОРОТИЧ

УЛИЦА ИМЕНИ КОСАРЕВА
ГДЕ КУПИТЬ ГАЗЕТУ?
ЗЛОКЛЮЧЕНИЯ «БЕСОВ»
ПОСЫЛАТЬ ЛИ ПОСЫЛКУ С КУРЬЕРОМ?

СЛОВО
ЧИТА-
ТЕЛЯ
ПОЧТА
«ОГОНЬКА»
ПОЧТА

В статье «Не отрекаясь от себя» в № 7 за этот год ее автор, А. Головкин, рассказывая о А. В. Косареве, пишет: «До сих пор нет ни памятника, ни музея, ни улицы, названной его именем». Но не указывает, где именно. В Саранске, например, одна из магистральных улиц города носит имя Косарева с начала шестидесятих годов.

Рядом с бульваром, названным в честь великого мордовского скульптора С. Эрзи, установлен портрет генсека комсомола. А в последнее время даже проводится праздник улицы его имени. В большом театральном представлении принимают участие многие жители Саранска. Здесь можно услышать о нелегкой судьбе А. В. Косарева, много теплых слов о его деятельности на посту первого секретаря Пензенского губкома комсомола и о том вкладе, который он внес в развитие мордовского края.

В Центральной республиканской библиотеке ежегодно разворачивается выставка «А. В. Косарев — выдающийся деятель Ленинского комсомола». Один из активных пропагандистов его жизни и деятельности — Василий Иванович Ратынов, бывший комсомольский работник, историк по образованию.

И. ПОРШИН,
слушатель Высших
театральных курсов
при Государственном институте
театрального искусства

С 1 ноября 1987 года повысили зарплату медицинским работникам. Но фельдшера-лаборанты остались, что называется, при своем. Все мы имеем среднее медицинское образование, большой стаж работы, работаем на клинической базе и выполняем работу, связанную с профилактикой и лечением. Но наш институт АМН СССР — научно-исследовательский, у некоторых из нас ставки лаборантов по науке. Поэтому прибавки нет и не предвидится.

Раньше нам шел медицинский стаж, теперь нет; раньше каждые пять лет мы получали за него надбавку, теперь нет; раньше нам разрешалось совместительство, теперь, с 1 сентября 1986 года, нам его категорически запретили. Теперь всем медикам прибавили зарплату, а нам — опять ничего.

Работа наша связана с больными, причем тяжелыми и сложными, в основном именно клиническую работу мы и выполняем, но на клинические ставки перевести нас отказались. Почему же средний медперсонал с дипломами фельдшеров-лаборантов, работающих в НИИ, хуже тех, кто работает в больнице или поликлинике? Кстати, в нашем институте таких, кто числится по науке, можно по пальцам пересчитать. У нас та же клиника, в которой лежат больные, подчас более тяжелые, чем в обычной больнице. При научной работе, которую проводят наши научные сотрудники, приходится частенько осваивать новые методики и новую медицинскую технику. Почему же к нам такое отношение?

Мы считаем, что медицинские работники со средним образованием независимо от места работы и принадлежности к ставкам, научным или клиническим, должны получать одинаково хорошую зарплату. Иначе опускают наши НИИ!

Т. В. БУТИКОВА, С. М. ФРАНЦУЗОВ
и другие, лаборанты
Института экспериментальной
эндокринологии и химии
гормонов АМН СССР

На углу нашего дома есть киоск «Союзпечати» № 99. В среднем в день он получает всего-то 56 экземпляров различных газет и журналов, в том числе четыре — «Советской России», ни одного экземпляра газеты «Труд», шесть «Огоньков» — в неделю.

Чтобы купить хоть какую-нибудь газету, задолго до открытия киоска собирается многочисленная толпа. От нечего делать судачит, мост кисти районному и городскому начальству, руководителям агентства «Союзпечать», мол, даже газеты и те не купишь без очереди, без нервотрепки. Продажу водки сократили, а в духовной пище недостатка нет. Гласность и перестройка идут к нам пока в основном из прессы, а ее-то и не хватает.

А. Е. ТЮГАЕВ,
участник войны
Омск

Обсуждается проект нового Закона СССР об открытиях и изобретениях. Несколько лет он разрабатывался, и, наконец, выдан проект, который в сути своей отбирает единственное существующее право изобретателей — 2 процента вознаграждения от экономии, полученной при его внедрении. Изобретатель и прежде почти никогда не получал этого вознаграждения, но мог хотя бы требовать его через суд.

Раньше изобретатель мог обойтись без соавторов — 2 процента были ему положены. По проекту же нового закона, чтобы получить даже один рубль, автор должен просить его у пользователя изобретения. Только пользователь решает: дать, не дать, и если дать, то сколько. Именно просить как подачку. Или вступать в сговор: ему, конечно же, кое-что дадут, если он возьмет себе соавторов из тех, у кого просит, — пользователей его изобретения и посредников. Создается почва для ложного соавторства.

Изобретателю могут присвоить звание заслуженного, а могут и не присвоить, дать звание кандидата наук и даже доктора, а могут и не дать. По новому закону все во власти субъективных оценок чиновников. Пока еще он не принят, пока проект обсуждается, все это надо уточнить и дать изобретателю больше реальных прав.

Л. А. АВДЕЕВ
Малоярославец
Калужской области

В своем письме Г. Двойник из Алматы (№ 52) возмущается, что не попала в Мавзолей из-за иностранных туристов. «Многим ли из вас, дорогие зарубежные друзья, — пишет она, — нужна эта экскурсия в Мавзолей?» Хочется ей ответить: да, многим. А кому не нужна, тот останется сидеть в автобусе. Вся наша группа из ГДР шла туда с большим интересом.

Кстати, давно уже наболелое: бывает, что милиция грубо относится к туристам на Красной площади. Не могу, конечно, говорить обо всей милиции, но у нас, например, очень грубо проверяли дамские сумочки, требовали, чтобы мы закрыли зонты, хотя шел дождь. Хорошо тому, кто язык не понимает.

Еще стали говорить в печати, что иностранцы легко попадают в гостиницу, им, мол, все места, а советским людям мест нет. А что сказали бы советские люди, если бы приехали в Берлин, а для них мест в гостинице не оказалось. Винаваты не

интуристы, а то, что гостиниц мало.

А вообще-то радостно, что можно без страха написать свое личное мнение.

Ольга БУШ
Вьетманнсдорф, ГДР

В № 50 за минувший год А. Яковлев писал о необоснованно высоком страховом налоге — 2 процента на почтовые переводы. Нам тоже часто приходится пользоваться услугами Министерства связи. Наш сын учился в мореходном училище в Петропавловске-Камчатском, окончил его в 1970 году, женился и остался в тех краях работать. Климат там, как известно, суровый, и овощей выращивают мало. А у нас свой огород, и раньше мы посылали детям помидоры. Отбирали зеленые, прямо с грядки, посылки доходили за 20—25 дней, ни один помидор не портился, получали их уже красными. Так продолжалось лет пять. Но затем посылки стали идти дольше, сначала 35—40 дней, а в этом году — более 60 дней. Уже три года мы помидоры не посылаем, так как сыну приходится, получив их, прямо на почте выбрасывать. Пытались послать авиа, посылка доходит через десять дней, но стоит дорого, нам, пенсионерам, не по карману: за пересылку восьми килограммов уплатили более 20 рублей.

Почему же за посылки и телеграммы Министерство связи стало брать с нас в полтора раза больше, и сроки их доставки с каждым годом увеличиваются? Может быть, наши поезда и пароходы стали ходить медленнее или на Камчатке штормы происходят чаще, чем в предыдущие годы?

Идет перестройка, а наша связь перестраивается слишком медленно, по темпам приближаясь к временам курьеров.

К. Р. ПОПОВА
Новосибирск

Прежде чем разрушать дома в старых районах, надо советоваться с общественностью — об этом в последнее время говорят как о само собой разумеющемся. На словах согласны с этой мыслью и представители градостроительных ведомств.

Я архитектор, коренная москвичка, всю жизнь прожила в одном из переулков, неподалеку от Трубной улицы. Сейчас из окон своего дома вижу такую картину: прикрываясь зданиями, выходящими на Цветной бульвар и Трубную улицу, бульдозеры спешно «выедают» старые постройки, дом за домом. Участок этот прихватывает к Дому политпросвещения. Зная методы, которыми действуют строители, легко предположить, что в один из ближайших дней будут снесены и сами дома-прикрытия. Для чего ведется снос, точно сказать никто не может. В микрорайоне ходят слухи, что готовят площадку для строительства новых административных зданий.

Одно из художественно ценных зданий Москвы, дом № 16 по Цветному бульвару, может постигнуть та же печальная участь. А дом этот середины XIX века, мало таких осталось в Москве. Металлическая решетка по карнизу, резной, редкий декор по фасаду. Строительство его начато в 1812 году. То, о чем я пишу, никак не связано с беспокойством о себе лично — живу в капитальном доме, который сносу не подлежит. Поэтому прошу мою озабоченность почитать правильно. В годы, предше-

ствовавшие перестройке, руководители Москвы давали добро на разрушение и уродование нашей столицы. Стоит ли принимать эту эстафету тем, от кого сегодня зависит строительство города? Новые административные постройки на Цветном бульваре нарушат камерный, уютный облик этой части города, которая и так уже деформирована присутствием Дома политпросвещения. Сейчас необходимо сохранить здесь уцелевшие здания, а новые построить такими, чтобы не контрастировали со сложившейся старой застройкой Сретенских переулков.

В любом городе мира, где жители ценят свое культурное и историческое наследие, поступили бы именно так. Почему же наши зодчие во что бы то ни стало стремятся строить на «живом» — там, где уже построено до них и построено неплохо?

Н. ПЛИГИНА-КАМИОНСКАЯ,
член Союза архитекторов СССР

В статье «Власть догмата» (№ 26, 1987) «Огонек» подверг критике позицию журнала «Художник». А недавно в Москве состоялась всесоюзная конференция «Советское изобразительное искусство и искусствоведение в условиях перестройки», в официальном отчете о ней я прочитала следующую: «Резкая критика провозгласила по адресу журнала «Художник», ставшего, по мнению многих, выразителем консервативных взглядов».

Действительно, листая комплекты «Художника» за последние годы, словно возвращаешься на 30—40 лет назад, когда административно насаждались примитивные ограничительные представления о реализме, сводя его к внешней иллюстративности и натуралистической форме.

«Художник» весьма агрессивно стремится сегодня возводить в непреложный закон отжившие воззрения. И, конечно же, его редакция выступила с полемическим ответом «Огоньку». Не хочется еще раз спорить с «Художником» по поводу советского искусства первых послереволюционных лет. Уже после упомянутой публикации Третьяковская галерея предложила нам из своих запасников замечательную выставку «Искусство и революция». Там были представлены произведения револю-

ционной поры, от традиционных до экспериментальных. Каждое по-своему, они поведали о владении художниками ощущением обновления мира, которое принесла с собой революция. Восторженная романтика, чувство свободы, а отсюда и впечатляющий язык метафор, мастерство формы.

«Огонек» вступился за признанных мастеров среднего поколения современной советской живописи Т. Назаренко, Н. Нестерова, О. Булгакова, А. Ситникова, А. Волкова, В. Рожнева, И. Орлова, творчество которых «Художник» определил как «процесс очевидной художественной деградации». Читаю и сейчас в его ответе «Огоньку»: «Имена названных живописцев с некоторых пор действительно активно используются в определенных кругах, чтобы окончательно размыть границы реализма (не говоря уж о социалистическом реализме)».

Не знаю, как в «определенных кругах» «используют» эти картины, но знаю точно, что тысячи зрителей на недавних выставках живописи Т. Назаренко в Одессе, Киеве, Львове и за рубежом искренне восхищаются талантливыми работами. К этим же «кругам» относятся те коллеги по искусству, которые отбирали произведения перечисленных выше живописцев для крупнейших выставок. И те критики, которые в разных органах советской прессы писали о них статьи. Все они, очевидно, идут не в ногу, в ногу идет один «Художник».

Журнал безнадежно отстал от времени. Но вместо попытки догнать его безапелляционно требует, чтобы время притормозило.

Алексей ТЯПУШКИН,
член Союза художников СССР,
ветеран войны,
Герой Советского Союза

С большим удовлетворением я узнал из третьего номера журнала «В мире книг» за 1987 год, что Госкомиздат планирует безлимитное собрание сочинений Федора Михайловича Достоевского в шести томах. Наконец-то каждый советский человек сможет иметь собрание сочинений гениального русского писателя.

Но, когда стал знакомиться с тем, что входит в это издание, обнаружил: составители не включи-

ли в него величайший роман мировой литературы — «Бесы»!

Неужели мы до сих пор боимся сделать общедоступным этот роман, о котором блистательно писали и Ю. Трифонов в статье «Загадка и провидение Достоевского» («Новый мир», 1981, № 11) и Ю. Карякин в статье «Стоит ли наступать на грабли? (Открытое письмо, одному Инкогнито)» — «Знамя», 1987, № 9?

В годы культуры личности Достоевского, и прежде всего его «Бесов», пытались отлучить от нашей культуры. В годы борьбы с космополитизмом писатель практически оказался под запретом, и за излишним увлечением им можно было даже отправиться в места, не столь отдаленные. В 1935 году был рассыпан набор прекрасного отдельного издания «Бесов» в «Academia». И даже попытка М. Горького спасти издание от уничтожения ни к чему не привела (см. его «Заметки читателя» — «Об издании романа «Бесы» — «Правда», 1935, 24 января).

Но сейчас-то ведь не 1935 год! С тех пор «Бесы» выходили трижды в собраниях сочинений Достоевского, в том числе большим тиражом в 12-томном приложении к «Огоньку» в 1981 году.

Это произведение не только должно обязательно войти в безлимитное собрание сочинений Достоевского, но и появиться отдельным изданием. Это единственный роман писателя, который за последние 70 лет ни разу не выходил отдельной книгой. Каждый человек должен прочесть «Бесов» — вечный призыв к человеческой совести и вечный приговор человеческой подлости.

С. В. БЕЛОВ,
член Союза писателей СССР,
кандидат филологических наук
Ленинград

Наш адрес:
101456,
Москва,
Бумажный проезд, 14

Однажды мы выразили мнение, что столь необходимая нашему обществу консолидация ни в коем случае не должна сочетаться с беспринципностью, быть противостоительным союзом всех со всеми, всеобщим объятием. Может быть, в своей категоричности мы не правы. Тем более, что консолидация нужна, вправду необходима, как бы трудно она ни давалась, сколько бы точек зрения ни сочеталось в ней.

В этом смысле характерно, что одна и та же заметка «Литературной газеты» от 30 марта начинается гневной инвективой: «Неужто и впрямь «все разрешено» — даже то, что попирает принятые в печати нормы, правила, а заодно и сами границы здравого смысла?», а заканчивается меланхолической констатацией: «Удивительно, какой же безоглядной бывает непримиримость...».

Все надо объяснять. Честно говоря, мы и сами думали, что статья Т. Глушковой в прошлом номере «Литературной газеты» должна была восприниматься как суверенное дело «ЛГ» и не обсуждаться немедленно. А тут и вы напомнили, что статья С. Рассадина в «Огоньке» «есть прямое вмешательство в едва начавшуюся дискуссию». Ну, сказали бы по-хорошему, мы и повременили б, ведь дискуссии — это когда не вмешиваются, да? Теперь нам надо во имя консолидации согласиться с «Литературной газетой», что зря «муссирует Рассадин тему публичного «покаяния», которое якобы обязаны принести писатели, напечатанные в 1969 году коллективное письмо «Против чего выступает «Новый мир»?». На самом деле, и «якобы обязаны», и «покаяние»; никто каяться не обязан, да?

Некоторое время назад «Литературная газета» опубликовала письмо писателя Михаила Алексеева, опровергнувшего утверждения о том, что редактор «Нового мира» Александр Твардовский плохо к нему относился и якобы поэтому разрешал

печатать статьи, критикующие книги указанного автора; оказывается, ничего подобного...

Еще раньше «Огонек» публиковал спор писателей Николая Грибачева и Евгения Евтушенко, из которого стало ясно, что Н. М. Грибачеву не в чем себя упрекнуть.

Только что мы получили письмо от сына писателя В. Кочетова, глубоко не разделяющего точку зрения писателя Д. Гранина на то, что бывший редактор журнала «Октябрь» позволял себе выступать против талантливых представителей советской литературы.

Недавно «Литературная газета» выступлением критика В. Кожина помогла нам уяснить, что писатель С. Куняев никогда не клеветал на поэта В. Высоцкого и других. Мало чего там прежде печаталось...

Судя по всему, количество судей намного больше количества виноватых. Те, кто и был в чем-то виноват, были не здесь и в другое время. Нечего задавать неприличный вопрос «Кто виноват?» с такой навязчивостью. Кстати, пришло в редакцию еще одно письмо, от бывшего первого секретаря МК КПСС В. В. Гришина, который не согласен с тем, что в числе людей, причастных к запретам ряда кинофильмов, автор одного из материалов упомянул и его фамилию. «Должен сказать, что это утверждение не соответствует действительности, является вымыслом», — пишет В. В. Гришин. — По роду своей работы я не имел права запрещать или разрешать выпуск кинокартин». До чего все-таки у нас много людей, творивших добро и только добро. Очень хочется их поздравить с неутомимостью.

Мы оставляем за собой право время от времени возвращаться к некоторым аспектам этого дружеского спора.

29 марта 1988 г.
ОТДЕЛ ЛИТЕРАТУРЫ

**К 70-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ОЛЕСЯ ГОНЧАРА**

ПОЖЕЛАНИЕ ДОЛГОЙ ДОРОГИ

И в наше строгое, скупое на похвалы время, наверное, невозбранно воздать должное тем, кто достойно несет свое бремя и свою славу. Эту робкую оговорку высказываю я потому, что иначе немудрено прослыть старомодным восторженным простачком. Ведь нынче приходится больше опровергать и низвергать. Все-таки я восторгаюсь. Восторгаюсь умением, мастерством, дарованием, красотой. Восторгаюсь непреходящими ценностями, созданными талантом и трудом. И творения моих современников, сверстников, друзей с годами становятся все ближе и понятнее, к ним я отношусь с какой-то затаенной тревогой и толикой грусти, будто перед разлукой. В них — в семейном альбоме моей эпохи — я нередко встречаю свое порою четкое, порою тусклое изображение. Я тщеславен, мое изображение мне любо, каким бы оно ни было.

Вот эти или подобные мысли приходят ко мне, когда я беру в руки один за другим тома Олеся Гончара. Разные годы, разные испытания, разные горечи и радости пережил писатель. Вот сейчас они все сложились вместе и составили довольно внушительную юбилейную цифру — 70. Я назвал бы это патриаршим возрастом, если бы не была так близка наша молодость, до которой рукой подать.

С самого начала основательно сложилась творческая судьба Олеся Гончара — сразу же, с первых книг. Его счастливо обходили эпизоды разовой шумной популярности, ибо прочная, рано отстоявшаяся слава его не допускала вокруг себя мелкой суеты и легковесного шума. Она ровная и постоянная. Резкое колебание популярности для творца вредно так же, как пагубно резкое колебание артериального давления для сердца.

Есть весьма талантливые писатели, которые становятся и остаются крупными явлениями в той или иной литературе. Но есть редкие дарования, которые утверждаются как явления в самой жизни нации. К ним отношу я Олеся Гончара. О чем бы он ни говорил, в чем бы ни исповедовался, его заботят исторические судьбы, нравственные устои и духовные устремления украинского народа. Тут же

я сам себе возражаю: а другие о чем пишут? Что их заботит?.. И сразу же себя опровергаю: важно, как писать, какова мера и сущность самого таланта, какова его сила общественного, народного звучания. Кроме того, есть страдание, есть само страдание. Большое искусство отличается от мелкого тем, что оно не умиляется, а ликует, не сочувствует, а страдает само.

Первые герои Олеся Гончара пришли ко мне при солдатских погонах, пожалованных войной, стремительно вошли они в сознание и память. Они останутся такими, какими их увидел, осмыслил и выстрадал писатель. В то же время при каждой новой встрече они будут раскрываться нам чуть больше, чуть глубже, чуть по-иному. Это значит, что они живут. Потом герои Гончара занимали все больше и больше места во времени и пространстве, неся с собой свои неповторимые судьбы.

С самим Олеся Терентьевичем при первой встрече мы не бросились друг к другу в объятия, хотя мы, тогдашние молодые писатели, с войны пришедшие в литературу, легко и быстро сходились. Олесь Гончар не из тех, кто с ходу распаивает душу. Он умеет внушать дистанцию. Годы нас сблизили, потом, смею сказать, сдружили. Но до сих пор он не потерял для меня притягательной своей загадочности, нераскрытости. При первой встрече в его глазах я заметил какую-то мягкую — не светлую, а именно мягкую — грусть, я ее не только увидел, а будто и услышал, как мелодию. Позже я начал прислушиваться к течению речи писателя в его книгах и снова, и снова вспоминал струю той мягкой грусти, которую увидел тогда. Вот откуда этот настрой речи! Ни гнев, ни тревога, ни жестокость, которые неминуемо присутствуют в произведениях Гончара, не могут заглушить ту задумчивую мелодию.

Большие таланты, как большие праздники, принадлежат всем. Творения выдающегося украинского мастера давно перешагнули рубежи — и государственные, и языковые. Они несут в себе суть и дух украинского речения, веками настоящего на горьких слезах утрат и печали, на сладких слезах надежд и радости.

Да будет дорога его долгой, ноша — весомой.

Мустай КАРИМ

**НЕДАВНО
В БУДАПЕШТЕ
ПРОХОДИЛ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ
КОНКУРС
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
МАСТЕРСТВА
БОРТПРОВОДНИКОВ.
В НЕМ ПРИНИМАЛИ УЧАСТИЕ
АВИАКОМПАНИИ
НРБ, ЧССР,
ГДР, ВНР И СССР.
ПЕРВОЕ МЕСТО ЗАНЯЛИ
СОВЕТСКИЕ СТУАРДЕССЫ
СВЕТЛАНА ЗЕНКИНА
И ИРИНА БУРГАРТ.**

ЖИЗНЬ НА ЛЕТУ

**Борис РЯЗАНЦЕВ,
Александр НАГРАЛЬЯН
(фото).**

Расскажу печальную быль о летающих супругах, — сказала Светлана. — Они виделись очень редко, потому что оба летали бортпроводниками. Трассы разводили их в разные точки планеты. Работать вместе запрещают правила Аэрофлота. Но они очень любили друг друга и нашли простой способ общения. Воидя в квартиру и не снимая пальто, муж бросался к магнитофону, нажимал клавишу и слушал ее голос: «Паша, улетаю в Токио. Страшно скучаю и встречи жду, как Норильск солнца...» Через день, уже держа в руках шапку, он сидел перед микрофоном: «Мечтаю о тебе, люблю тебя, устал без тебя. Когда наконец увидимся? Может, после моего рейса в Гавану?» Кому не хочется нормальной семьи? Но легко ли терзать разлукой

любимого человека. легко ли быть заоблачной матерью? И женщиной с измученной душой...

Таким монологом Светлана Зенкина объяснила свое семейное положение. Живет с родителями и братьями. И проблем, о которых рассказывала, у нее, как у семейных летающих коллег, нет. Между тем женщины стараются не упустить ни единого рейса и дорожат налетанным временем — правом на особую льготную пенсию с сорока пяти лет. Кстати, как привлекательна и полна сил молодая бабушка в таком возрасте. Вопрос только в том, успеет ли она вовремя стать мамой, чтобы к этому сроку баюкать внуков.

Но, судя по всему, у Светланы и этих проблем пока нет. Изредка задумываясь о них, воздух пока покидать не собирается.

— Что помогло вам на конкурсе?

— Пожалуй, сообразительность. Да и воздушная практика подруги и коллеги Ирины Бургарт и моя. Пять лет летаем. Конкурсу предшествовала усиленная тренировка. Мы совершенно не представляли, какой будет программа соревнований по профессиональному мастерству бортпроводников. Из Будапешта, где проходил конкурс, кроме приглашения, — никаких предписаний, ни намека.

Нас тренировала методист Татьяна Васильевна Филиппова. Сама долго летала, специалист экстра-класса. Словом, стали готовиться вслепую. Запоминали подробности карты мира, просматривали сотни слайдов, рисунков, картин, слушали музыку, изучали национальные обычаи, запоминали расположение музеев и мостов, знаменитых памятников и всемирно известных улиц. Словом, накапливали, набирали информацию. И потом все это нам очень пригодилось.

Одна конкурсная задача стоила всех остальных. По ее условиям самолет попал в зону турбулентности, а проще говоря, в «болтанку».

И в этот момент кто-то из пассажиров якобы попросил кофе. А на борту нет ничего, кроме чашек, двух банок большой емкости и кипятильника. Понятно, что кофе в банке госям не понесешь, нужно в чашечке. Но как ее донести при «болтанке»?

Чтобы максимально приблизить условия, организаторы конкурса уложили на сцену надувные матрасы. И вот подходим мы с Ирой к ним и, не сговариваясь, сбрасываем туфли — сообразили, что проколем резину шпильками. Зал ахнул. А потом оказалось, что это было единственно верное решение.

Светлане был вручен приз зрительских симпатий и звание «Мисс 10 000 метров». Что и говорить, лестно владеть таким высоким во всех отношениях титулом.

БОЛЬШЕ СОЦИАЛИЗМА!

В 12-м номере мы познакомили вас с «круглым столом» обществоведов по острым проблемам перестройки, и буквально через несколько дней после публикации в редакцию стали приходить десятки писем — горячих откликов. Они еще раз подтвердили, что проблема необратимости перестройки — одна из самых острых, самых наболевших, самых волнующих. И читатели настаивают на продолжении разговора — в частности просят обсудить именно политические аспекты перестройки, политические факторы необратимости. Сегодня мы публикуем второе заседание «круглого стола».

Участники разговора:

доктор философских наук, главный редактор журнала «Рабочий класс и современный мир» Игорь Константинович ПАНТИН, научный сотрудник Юрий Федорович КАРЯКИН (Институт международного рабочего движения АН СССР), доктор исторических наук Леонид Абрамович ГОРДОН (ИМРД АН СССР), доктор юридических наук Борис Павлович КУРАШВИЛИ (Институт государства и права АН СССР), доктор философских наук Григорий Григорьевич ВОДОЛАЗОВ (руководитель кафедры Академии общественных наук при ЦК КПСС), доктор исторических наук Виля Гдалиевич ГЕЛЬБРАС (ИМРД АН СССР), кандидат экономических наук Юрий Самойлович МАРХАШОВ (журнал «Рабочий класс и современный мир»), доктор философских наук Владимир Николаевич ШУБКИН (ИМРД АН СССР), кандидат психологических наук Леонид Яковлевич ГОЗМАН (МГУ).

ТАЙНА — ЛОВУШКА ДЛЯ ДЕМОКРАТИИ

Г. Г. ВОДОЛАЗОВ: Какую я вижу гарантию необратимости перестройки?

Строить общество, участвовать в жизни общества, принимать решения люди могут только тогда, когда они вообще знают, что происходит. Если они отсечены от источников информации, всякие разговоры о демократии становятся малосодержательными. Гарантия демократии — ленинский тезис: все должны знать обо всем.

В. Н. ШУБКИН: Но как это реально сделать?

Г. Г. ВОДОЛАЗОВ: Я думаю, сейчас есть возможность это сделать — и здесь многое зависит от силы общественного мнения. В области истории это можно сделать за один день: открыть книги, которые лежат в «спехране», открыть большую часть архивов. Открыть сразу, в один день! И вот этого уже не изымешь из сознания людей. Пусть они прочтут работы Струве и Миллюкова, Мартова и Аксельрода, всего Плеханова, всего Каутского, всю Розу Люксембург, работы Бернштейна и Радека, Пятакова и Зиновьева, Бухарина и Троцкого, все работы Сталина и Хрущева. Эти и другие подобные работы должны, на мой взгляд, лежать не в «спехранах» за семью печатями, а открыто, на обычных библиотечных полках, так же как уже легли на эти полки произведения Тухачевского и Рудзутака, Вавилова и Кондратьева... Об этом сейчас думает и комиссия по переводу советской и зарубежной литературы из специальных фондов в фонды общего пользования, руководит которой Владимир Алексеевич Солодин.

Люди, способные судить самостоятельно, — это будут уже другие люди. У общества можно отнять многое — нельзя отнять лишь богатство сознания.

А наука как может развиваться? Будучи отрезанной от информации? Без возможности ознакомления, цитирования самого широкого спектра политических документов историческая, историко-партийная, историко-политическая наука просто не может существовать. Она становится априорной, бездоказательной конструкцией.

Мы много говорим о гласности, но все же она имеет еще ограниченный характер. Я даже не говорю о каких-то там тонкостях, документальных редкостях, всей системе архивов. Я говорю о ве-

щах элементарных — о стенограммах, протоколах важных международных, советских и партийных форумов, съездов, конференций, пленумов, — где они в полном объеме?

И еще один аспект этого вопроса. Мы знаем, нам говорят, что вроде бы есть какие-то оттенки мнений, дискуссии, например, в отношении гласности, в отношении печати.

Но почему же мы видим только результат этой работы? Результат часто хороший — содержательные доклады на пленумах, совещаниях, конференциях. Но все же для развития общественного сознания важен не только результат, но и процесс, к нему приводящий.

Еще Гегель говорил, что результат без пути, к нему приводящего, лишен жизни и динамики, он слабо работающее дело. Так пусть мы увидим, как результат складывается из борьбы мнений, позиций, разницы подходов!

Ленин подчеркивал, что общество и каждый человек должны знать, как политический деятель вел себя в той или иной ситуации, какие идеи он выдвигал, — чтобы можно было сопоставлять его идеи с последующим реальным ходом жизни. Но у нас общественность все-таки мало знает о своих политических деятелях.

В. Н. ШУБКИН: Мы много чего не знаем. Не знаем всех документов, связанных с кануном войны.

Не знаем полностью «Приказа 227». Вот уже публикуем его — но с купюрами. От кого и что мы скрываем? Во всем мире он опубликован. Немцы нас забрасывали этим приказом со своих самолетов...

Хорошо бы нам знать кое-что о военных потерях. Мы, сражавшиеся на фронте, видели, как гибли наши товарищи. Не худо бы нам, прежде чем мы уйдем из жизни, узнать, какой ценой доставались победы в том или ином сражении. Тогда, кстати, и отношение к защите мира будет куда серьезнее. И оценка «полководческого гения» генералиссимуса, да и таланта многих военачальников станет более основательной.

Было обвинительное заключение по делу Берия и группы его «сподвижников». Почему оно не опубликовано? Оно бы многих заставило по-иному взглянуть на то время и его «героев».

А доклад Хрущева на XX съезде партии — ну сколько мы будем играть в прятки? Во всем мире он опубликован! Если бы мы прочитали доклад Хру-

* На этом заседании речь шла о многих острых вопросах — и о демократизации жизни партии, и об административном управлении наукой... Мы сегодня публикуем лишь некоторые фрагменты стенограммы, наиболее интересные для широкой читательской аудитории. Отчет о «круглом столе» будет опубликован также в журнале «Рабочий класс и современный мир».

щева, мы бы, кроме всего прочего, поняли наконец, что Никита Сергеевич был выдающийся человек, обогнавший свое политическое окружение на пару десятилетий. И очень смелый человек. Он прочел доклад с большим риском для себя. Тогдашний секретарь ЦК КПСС Екатерина Алексеевна Фурцева, выступая в МГУ перед партактивом, рассказывала, что, когда члены тогдашнего руководства партии проголосовали против чтения этого доклада, лидер нашелся и заявил: «Не вы главный орган партии, главный орган — съезд. Я пойду сейчас к съезду — спрошу его, хочет он слушать мой доклад или нет, и сообщу о вашей позиции». Только после этого возражавшие «сдались».

Г. Г. ВОДОЛАЗОВ: Наконец, мы не знаем статистики. Ее тоже в один день можно открыть. Как без статистики, скажем, политэкономия или право может быть наукой? Работники Министерства внутренних дел заверяют, что скоро будут опубликованы все эти данные, скоро... — но пока этого нет! А вся остальная статистика?

И внешнеполитическая информация. Нередко поверхностно представляется в ней логика наших оппонентов. Поэтому, когда мы смотрим по телевизору интервью Тэтчер с нашими журналистами, вдруг обнаруживается: у Тэтчер — логика, последовательность, аргументы, позиция! А наши журналисты выглядят неубедительно, потому что общественное мнение не готово к дискуссии, плохо знакомо с этой логикой, с этой позицией.

Осведомленность, информация — это, я думаю, то звено, с которого и надо вытаскивать всю цепь.

РАЗГОВОРЫ В ПЕРЕРЫВЕ

Ю. Ф. КАРЯКИН: По-моему, первородным грехом чуть ли не всех теорий социального переустройства является игнорирование фактора времени. Забудьте: во всех системах, начиная от Платона до «Города солнца» Кампанеллы, дальше Сталин, Хрущев, Брежнев — посмотрите, что они все говорят о времени! Фактор времени вообще не принимается во внимание, будто бы люди существуют в навсегда данном социальном пространстве, в котором почему-то нет времени.

Но что получается из этого нетерпения? Извините за грубость примера. Надо, чтобы женщина из любви к прогрессу родила на пятом месяце. Лучше на четвертом, предлагает какой-то особенно шибкий революционер. Постепенно начинают очухиваться, и вдруг кто-то говорит: слушайте, пускай на шестом. Его несколько лет травят как ревизиониста, а потом, если уж что и рождается, то это недоноски, которых и выходить-то невозможно. Потом кому-то приходит в голову: слушайте, а может, там законы какие-то есть? А потом оказывается, что беременность — 278 дней. А потом, наконец, выясняется, что это делается по любви...

Когда в 61-м году в третьей Программе КПСС было дано обещание, что нынешнее поколение будет жить при коммунизме, я балагурил: тогда уж введите пункт о том, что гарантируется бесконечная жизнь этого поколения...

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ СОЮЗ

В. Н. ШУБКИН: Думается, говорить надо вот о чем. У нас начиная с 30-х годов и за последующие десятилетия интересы общества, интересы конкретных людей и социальных групп подменялись, вытеснялись ведомственными интересами, противопоставлялись им. И, по-моему, важнейшая проблема — может ли общество контролировать государство? Мы имели возможность достаточно длительное время осуществлять контроль без оппозиции — например, в форме народного контроля. Предполагалось, что определенные контрольные функции должны осуще-

ствлять также профсоюзы и пресса. И вот итоги. Они, правда, всем видятся по-разному. Мне значительно в этом отношении ближе академик Лихачев — он в «Литературной газете» как-то написал, что мы не осознали еще глубины бездны, в которую рухнули...

Да, можно сейчас принять постановление об усилении народного контроля, о создании каких-то комиссий и ввести туда двадцать передовых рабочих, которые нам обеспечат этот самый контроль, но я сильно сомневаюсь, что в наших условиях эти вещи сработают.

Я думаю, что необходимо создание каких-то новых общественных организаций, — условно говоря, «групп поддержки перестройки», которые выражали бы общественное мнение, доводили его до властей и следили бы за тем, чтобы это общественное мнение учитывалось властями при решении общественно значимых проблем. Без этого, я боюсь, все опять кончится печально.

Эти общественные организации будут стоять на позициях социализма, они будут защищать те же социалистические идеалы. Думаю, чем дальше, тем больше у нас будет появляться возможностей, чтобы на социалистической основе постепенно создавались такие группы.

Б. П. КУРАШВИЛИ: Верно! Только что это должны быть за общественные группы? У меня есть предложение. Посмотрите, у нас, если человек не состоит в партии и уже вышел из комсомольского возраста, — то он не входит ни в какие общественные формирования, он практически лишен возможности постоянно проявлять социальную и политическую активность, лишен возможности влиять на ход политической жизни, участвовать в перестройке. Я бы предложил создать Демократический союз социалистического развития. Или Народный фронт в поддержку перестройки. Или Демократический союз обновления социализма. Не в названии суть. Аналогичные союзы давно существуют во многих социалистических странах. Это Национальный фронт в ГДР и ЧССР, Отечественный фронт в Болгарии, в Польше создан подобный союз.

Демократический союз вовсе не мыслится как «партия беспартийных»: по своей природе он должен быть открыт и доступен для всех граждан — коммунистов и беспартийных, комсомольцев и некоммунистов, верующих и неверующих, — для всех, кто хочет активно участвовать в перестройке. Новый союз будет работать под руководством партии, по существу, для партии он станет значительной ареной ее политической, идеологической и воспитательной деятельности.

С другой стороны, этот союз не должен стать демагогической формальностью, фикцией, красивой вывеской на фасаде демократизации. Поэтому он должен быть автономной общественно-политической организацией, имеющей свои политические корни, свое лицо, свой весомый авторитет. И главное — должен иметь возможность добиваться претворения в жизнь своих решений. А значит, союз и его звенья должны получить право, возможность критиковать в вопросах практического осуществления программных решений партии, соблюдения законности и партийных комитетов, и Советы народных депутатов, и аппарат управления.

И. К. ПАНТИН: Борис Павлович, а чем реально будет заниматься Демократический союз?

Б. П. КУРАШВИЛИ: Выработкой инициативных предложений по программным решениям партии, участием в обсуждении проектов этих решений. Это раз. Два — законодательные инициативы. Дальше — избирательные кампании: выдвижение кандидатов, их обсуждение, встречи, выработка наказов и т. д. Борьба с бюрократизмом. Помощь правдоискателям, тем, кого незаконно уволили или несправедливо, незаконно осудили, — всем тем, кто сей-

час обивает пороги редакционных приемных в поисках защиты и правды.

Полвека со времени провозглашения избирательного блока коммунистов и беспартийных можно было бы отметить не пустующими агитпунктами, а серьезным шагом в его организационном развитии, чтобы вовлечь и коммунистов, и активных беспартийных в социальное творчество, в перестройку.

Л. А. ГОРДОН: А может, не надо придумывать какие-то искусственные общества и союзы, а надо поддерживать то, что реально имеется в жизни?

А в жизни имеются многочисленные неформальные объединения. Они-то появляются, они никуда не исчезают! Они появляются и с правого фланга, и с левого фланга. На встречах и дискуссиях этих самостоятельных общественных клубов все настойчивее выдвигается идея создания Союза сторонников перестройки. Который должен включать партийных и беспартийных и который будет помогать руководству партии осуществлять перестройку — вот что существенно! Вот путь, которым надо идти. И который вызрел в самой жизни.

Б. П. КУРАШВИЛИ: Леонид Абрамович, мне кажется, мы с вами одно и то же предлагаем. Просто самостоятельные клубы, неформальные объединения — они ведь разрозненны, они возникают хаотично, действуют неорганизованно, они не имеют сегодня выхода на существующую систему управления, не могут повлиять на принятие решений.

И. К. ПАНТИН: Раз уж начался разговор о контроле со стороны общества... Может, рискнем тогда пойти дальше? Почему, например, в Верховном Совете нет комиссии Верховного Совета по национальной и внутренней безопасности? По делам Вооруженных Сил и обороны? Почему? Почему эти органы стоят вне общественного контроля? Кстати, от этого страдает и общество, и, возможно, сами эти организации. Какие процессы происходят в них, мы, как правило, не знаем...

Простите, но в большинстве цивилизованных стран существуют такие комиссии, и они аккумулируют мнение общественности по поводу этих уважаемых органов. Я думаю, что Верховному Совету есть резон создать такие комиссии.

РАЗГОВОРЫ В ПЕРЕРЫВЕ

Л. А. ГОРДОН: Скверная это вещь — «внутренний цензор». Вот выступаешь на «круглых столах», пишешь статьи, а сам себя то и дело одергиваешь: нет, это слишком, это чересчур — не пройдет. А потом в какой-то момент спохватываешься: да что это со мной! И так становится не по себе!.. Что же с нами со всеми стало?

Ю. Ф. КАРЯКИН: Да, вот так вот — боишься собственной смелости, а потом вдруг начинаешь соображать, до какого холуйства сам уже дошел. Если считаешь смелым то, что, в общем, нормально.

СОВЕТЫ! ПРИДИТЕ К ВЛАСТИ

Ю. С. МАРХАШОВ: Вот мы говорим о партийной демократии, о хозяйственной демократии, а что происходит в системе Советской власти — мы как будто абстрагируемся от этого, считаем, что эта сфера для нас, в общем-то, уже несущественная. Это само по себе симптоматично. Действительно, что такое сегодня Советы? Воспринимает ли их всерьез большинство населения?

Все как будто забыли, что Октябрьская революция совершилась под лозунгом «Вся власть Советам!». За этим лозунгом пошли в революции огромные массы трудящихся России. Ленинская идея новой формы народовластия заключалась в том, что власть должна принадлежать Советам целиком, без изъятий и ограничений — вся власть. Поэтому тогда между различными политическими силами шла упорная борь-

ба за влияние в Советах. После смерти Ленина Советы превратились из органов государственной власти во вспомогательные органы партийного аппарата. Опытный гражданин с любым вопросом идет в райком партии, а не в райисполком. Сложилась особая атмосфера и в самих Советах и вокруг них: они мало что могут, мало за что отвечают, ждут указаний, как «мальчики на побегушках». В районе, в области «хозяйном» (с любой интонацией!) называют первого секретаря.

В финансовом отношении Советы часто находятся в прямой зависимости от различных ведомств, имеющих на их территории свои предприятия. Руководители крупных строек, заводов, транспортных организаций, особенно союзного подчинения, совершенно безнаказанно игнорируют местные органы Советской власти, любые их постановления. Руководствуясь ведомственными интересами, они наносят значительный ущерб экономике, природным ресурсам, экологии, здоровью населения. Но Советы бессильны против министерств.

А теперь я просто прочту статью 2 из 1-й главы Конституции СССР. «Вся власть в СССР принадлежит народу. Народ осуществляет государственную власть через Советы народных депутатов, составляющие политическую основу СССР. Все другие государственные органы подконтрольны и подотчетны Советам народных депутатов».

Но эта статья Конституции СССР выполняется далеко не полностью, не везде и не всюду.

Игорь Константинович Пантин говорил о существовании отдельных государственных органов — КГБ, Министерства обороны, контроль над которыми со стороны Верховных и местных Советов должен быть усилен. Если какой-либо из государственных органов выходит из-под контроля Советов — это явное и откровенное нарушение Конституции.

Теперь о том, что происходит при выборах депутата районного, городского, республиканского, Верховного Совета.

Кандидата выдвигает какая-то организация, или учреждение, или большое предприятие и предлагает его избирателям данного избирательного округа. Но! Работники этого предприятия живут-то совсем в других избирательных округах. Они выдвигают какого-то человека, но сами потом голосуют совсем за других людей, не за тех, кого они выдвигали. Разве это не парадокс? А жители данного района голосуют за тех, кого они не выдвигали, кого они и знать-то не знают.

Затем. Перед кем депутат отчитывается? Опять-таки перед рабочими и служащими, которые его выдвигали, а не перед жителями района.

А какова работа депутата? От районного до Верховного Совета? Депутат принимает раз в месяц. Причем за время приема он может принять 10—15 человек. Таким образом, депутат районного ли, городского ли, Верховного ли Совета может принять в год примерно 150 избирателей. Максимум! И практически больше никаких контактов и общения с избирателями у него нет. Разве что переписка, но действительность ее, как правило, ограничена. У нас депутат любого уровня практически не имеет возможности вести свою депутатскую работу, потому что он занят непосредственно на своем рабочем месте с полной нагрузкой. И чем более высокую должность занимает депутат, тем меньше у него возможностей общаться со своими избирателями и осуществлять свою депутатскую деятельность. Вот недавно по телевидению показали встречу нескольких министров, и один другому говорит: «Ну вот вы, Иван Иванович, знаете, это же ваш избирательный округ, это там у вас было». А тот отвечает: «Да, я знаю, я в прошлом году там был». В прошлом году!

Хочу поставить вопрос: вообще реально ли, скажем, для министра, для

крупного партийного, хозяйственного, профсоюзного работника — реально ли для него исполнять депутатские обязанности? Не формальность ли это? Мы говорим: «Это почетная должность...» Но нам в системе социалистической демократии нужны же не почетные должности, а люди, которые реально работают, «включаются». Они — основа нашей демократии.

Поэтому, мне кажется, есть смысл перейти к выдвижению депутатов и отчетности депутатов по территориальному признаку.

И второе. Вероятно, начиная с уровня городского Совета, можно было бы освобождать депутатов от основной работы на время депутатского срока. Чтобы они в период своего срока могли по-настоящему заниматься депутатскими обязанностями.

Л. А. ГОРДОН: К числу наших серьезных идеологических мифов, романтических иллюзий, не подтвержденных практикой, относится идея о том, что сочетание законодательной и исполнительной власти есть благо. Я думаю, 70-летний наш опыт показал, что это не так. Пора признать, что традиционное достижение демократической культуры — разделение властей — есть большое достижение, и лучше его использовать, а не отбрасывать.

Б. П. КУРАШВИЛИ: То, что сейчас предложили последние выступающие, — это полупарламентаризация Советов. Действительно, может быть, следует иметь постоянно функционирующие комиссии Советов с освобождением депутатов от основной работы. Вообще в Советы не следовало бы выбирать работников аппарата.

Затем. Нужно реально освободить местные Советы от опеки со стороны административного аппарата — исполкома. Следовательно, нужно создать президиумы и в местных Советах, аналогичные президиумам в республиканских Советах, которые будут контролировать исполком между сессиями.

Ну, а главное — это, конечно, сосредоточить партийные функции на действительно политических, идеологических вопросах, не распылять силы партии. Чтобы разгрузить партию от несвойственных ей функций, нужно усилить Советы и переложить эти функции на них.

В. Г. ГЕЛЬБРАС: Да, невозможно, чтобы высшее руководство партии занималось всем, начиная с того, как улучшить товары для детей, быть или не быть какому-то институту, и кончая проблемами международного порядка. Конечно, пока Генеральный секретарь ЦК КПСС — такой человек, как Горбачев, я лично за то, чтобы именно он решал все вопросы. Но мы же сейчас говорим о том, что гарантии должна давать система, а не личность...

ВЫГОДНА ЛИ СВОБОДА?

Л. Я. ГОЗМАН: Я считаю, главная гарантия необратимости перестройки — чтобы основная масса людей хотела ее, хотела этих реформ. На сегодняшний день большинство — за перестройку. Но что будет дальше? Ведь ощутимых экономических выгод она пока не дает. Конечно, экономические реформы в случае их успеха дадут выгоду — но кому-то и потом. Неприятности же будут у меня — и сейчас. Например, как бы аккуратно ни проводилась реформа ценообразования, это будет очень тяжелый процесс. Фактически цены уже повышены. Кооперативные кафе — зайдите туда: это же ужас! Таким образом, реформы материально невыгодны не только тем, кто не хочет терять привилегии, они невыгодны (сегодня, сейчас) многим. (Естественно, за исключением кооперативщиков и индивидуалов, которые стали очень неплохо зарабатывать.) Если рабочий стоит у станка, делает хорошую деталь, а ему начинают платить меньше или не платят больше, как он надеялся (психологически это то же самое), потому что продукция не конкурентоспособна на

мировом рынке, то экономически это вполне разумная ситуация. Но у данного рабочего вызовет законное возмущение. Какого черта? Он свое дело делает хорошо.

Если реформы невыгодны экономически, как еще они могут быть выгодны? Психологически. Но об этом у нас не думают вообще.

Мне кажется, что сопротивление реформе у части населения в значительной мере может быть связано с тем, что мероприятия по перестройке осуществляются психологически безграмотно. Они не прошли психологическую экспертизу (у нас ее вообще нет), поэтому иные мероприятия вызывают разочарование и раздражение.

Примером может служить вполне демократическая процедура выборов руководителей на производстве. Ну, казалось бы, как хорошо! Однако я знаю уже много объединений, где никто не хочет выборов — ни администрация, ни, условно, «массы». Выработка психологически грамотных демократических процедур — специальная работа, которой никто не занимается. Делается часто по традиции, «на авось», в результате хорошее дело дискредитируется.

Вот все время нам кажется, будто мы знаем, что людям надо. Например, постулируется, что человек хочет быть свободен. А раз в результате реформ будет больше свободы, значит, реформы психологически заведомо выгодны. А вот не так это! Не так. Свобода — это ответственность, свобода — это неопределенность. Жизнь в условиях свободы требует усилий, определенных свойств личности, которые не очень активно воспитывались до сих пор. Напротив, приветствовалось подчинение мнению большинства, коллектива, что подчас означает подавление индивидуальности. Проблема формирования качеств, нужных для жизни в новых условиях, должна стать предметом специальных психологических исследований.

Необходимо отдать себе отчет в том, что тот вариант экономической и политической организации общества, который мы сейчас пытаемся изменить, держался так долго не только на всяческих подавлениях, а прежде всего потому, что, несмотря на свою экономическую неповоротливость, психологически он устраивал (и устраивает!) немало людей. Он дает определенные гарантии — пусть это гарантии далеко не роскошной жизни, но гарантии. Можно вообще ничего не делать, ничего не уметь — свой минимум ты получишь.

То, что приходит на смену этой системе, противоречит ценностям спокойствия, уравновешенности, оно еще должно доказать людям свою «выгодность». Пока же на поверхности — не только возможность больше заработать, но и необходимость больше работать, потеря уверенности, и главное — страх перед неравенством. Оплата по труду — стержень нынешних реформ — в нравственно-психологическом плане вещь для многих и непривычная, и неприятная. Уравнительность при социализме — это же была почти святость! А теперь сразу, в один день примириться с тем, что сосед зарабатывает в десять раз больше, даже если он и работает для этого больше в двадцать раз!..

Откуда возьмется у людей умение жить в ситуации свободы, если в психологическом плане мы столько лет представляли собой безальтернативное общество? К примеру, у нас есть Союз писателей. Человек «поссорившийся» с ним, оказывается в полулегальном положении — то ли он писатель, то ли нет. Кто его напечатает?

Аналогичная ситуация в науке — работу в своей узкой области найти очень трудно, серьезный конфликт с администрацией чреват фактической безработицей. То же и в других сферах жизни. Крайняя трудность и, часто, практическая невозможность поменять место жительства, участкового врача, школу, где учится твой ребенок, — все это

порождает у человека ощущение полной зависимости, «привязанности».

Почему так редко люди переходят в кооперативы или на индивидуальную трудовую деятельность? Что, мол, скоро все это «прикроют» — для многих чисто внешняя отговорка, а за ней — страх резких движений, боязнь взять ответственность за свою жизнь на себя, боязнь неопределенности, неизвестности. Да, здесь всего 120 рублей — зато с 9 до 18, и всё за тебя решают.

Люди отучились, отвыкли чувствовать себя хозяевами своей судьбы. Пока это чувство хозяина (оно, кстати, включает в себя и сугубо нравственные моменты, чувство собственного достоинства, например) не восстановится, о достаточных гарантиях говорить, по-моему, нельзя.

К свободе, как и к покорности духа, нужно долго приучать.

АБСТРАКЦИЯ, КОТОРАЯ СТАЛА СЛИШКОМ КОНКРЕТНА

Ю. Ф. КАРЯКИН: Раньше нас окружал абсолютно враждебный мир, которому мы назначали сроки гибели, который был источником, питающим всех наших «врагов народа»...

За рубежом я не раз убеждался: главная доблесть некоторых наших деятелей состояла в том, чтобы в грозных речах множить число врагов коммунизма, Советского Союза и потом перед начальством отчитываться, как ты их крыл. Критерий: множить врагов! Не множить союзников, не переубеждать... Никто никого не хотел слушать. Никто никого не хотел понимать. Непонимание становилось, собственно говоря, главной заслугой. Эта концепция непосредственным образом была связана и с отношениями друг к другу внутри.

А что сейчас во внешней политике? Растет приоритет общечеловеческих ценностей. Твердость идеологической позиции, идеологическое «стояние на своем» не отменяется — просто над этим фундаментом воздвигается такое теплое, уютное строение из общечеловеческих ценностей. Раньше-то не раз мы явно недооценивали эти ценности, относились к ним с надменным пренебрежением. И вот лед растаял. Стереотип врага новым руководством страны сломан. Посмотрите, как Михаил Сергеевич Горбачев, Эдуард Амвросиевич Шеварднадзе ведут себя? Они научаются по ходу дела разговаривать, слушать, понимать. Компромисс — это еще недавно ругательное слово стало уважаемым! Политикой стало. И смотрите, то же самое: как мы внутри страны друг с другом разговариваем?

И. К. ПАНТИН: Мы за 70 лет стали реальной силой в мировом человеческом сообществе. И понятно, что мировое сообщество слитно с нами; никуда не уйти от общности многих проблем. То есть огромная страна, так же как и другие государства разных социальных систем, обязана прислушиваться к логике мирового сообщества. Сегодня немисливо управляться и двигаться по-старому. И в этом я вижу одну из необходимостей перестройки и фактор ее необратимости.

Ю. Ф. КАРЯКИН: Сейчас мы, как никогда, видим значение просто личности. И я хочу высказать парадокс — очень грустный после того, как мы два дня тут говорили о гарантиях, — что единственную реальную гарантию я вижу в том, что именно все мы сможем сделать за оставшиеся дни нашей жизни. Струсим где-то или пойдем до конца.

Такое чудовищное, трагическое, страшное сочетание, воплощением которого мы все, одинакового примерно возраста люди, являемся.

Сейчас мы столкнулись с глобальной проблемой — чтобы не дискредитировать себя, социализм должен воспринять, обрести динамичность, усилить свой подлинно гуманистический облик,

делающий его привлекательным в глазах миллионов. Надо отдавать себе отчет в том, что мы стоим не перед какими-то изменениями, улучшениями и прочее, а мы стоим перед радикальными, революционными переменами.

Я думаю, на этом переломе нашей жизни мы все должны предъявить себе какой-то последний счет. Каждый из нас имеет определенные заслуги за эти 30—35 лет... Но ведь каждый может насчитать еще и какие-то, в конечном итоге нерасчетливые, сделки со своей совестью. Ведь мы все откладывали свои главные дела, откладывали подвиги до лучших времен, бездна-то еще не маячила... Мы еще не глянули вниз с обрыва.

Вопрос: чем отличается перестройка сегодняшняя от тогдашней, в 60-х? Вдруг мы, так привыкшие, «по Марксу», торжествовать по поводу изгнания морализаторских наслоений из науки, — те же самые мы, но только под угрозой реальной смерти человечества, — мы поняли, что существует объективность законов нравственности.

Как говорил Маркс в «Капитале», мы осознаем объективность закона тяготения, когда на нас обрушиваются потолок и стены. На нас обрушилось сейчас такое, что вдруг оказалось: если я бросаю кристаллик «убий человека», то от этого кристаллика до «убий человечество» или «сам убий человечество и себя» происходит не какая-то там мистическая, заумно-философская, а вещественная, «химическая» социальная реакция. И что если не будет немедленно снята проблема «убий человека», то никуда не исчезнет, не испарится, не растает проблема «убий человечество». Поэтому то, что сейчас у нас заговорили об отмене смертной казни, — это высочайшая нравственная переориентация всей нашей духовной культуры.

Гарантия — мы. Гарантия — наши моральные принципы, наша воля к действию. Гарантия — опыт и история нашей революционной мысли, сила ленинских идей. И я не вижу никаких других возможностей для реального воздействия на идущие процессы, кроме как — то, что выстрадывалось, вынашивалось и что мы ввиду бесконечных перспектив раньше откладывали, — наконец, сделать.

«Круглый стол» вел
и подготовила
к печати Алла АЛОВА

яя тогдашней деревни вырастила, подняла на ноги своих детей? Не одного, не двух, как теперь заведено, а зачастую четверых и больше. И ведь не только растила детей, но и работала от зари до зари, кормила своим трудом страну, получая мизерную плату. Многим официальным героям не снились те трудности, что вынесли на плечах такие женщины, хотя их имена редко значились в списках награжденных, да и оценена их работа крохотной пенсией.

Думаю, что уровень жизни народа — вот что должно стать основным показателем нашего труда.

В. Ф. ЛУКША,
слесарь,
награжденный медалью за труд
Усть-Кут Иркутской области

Вполне согласна с С. В. Образцовым, который заметил в интервью (№ 45, 1987): «Почему мать, которая отказалась от ребенка уже в родильном доме, спокойно уходит от него и не платит алименты? Если бы ей сказали: пожалуйста, оставьте, только платите 25 процентов вашей зарплаты — она тогда бы подумала».

Много написано горьких слов об обездоленных детях. Есть закон, вполне необходимый, по которому разведенные родители выплачивают алименты на содержание своего ребенка, хотя малыши уже могут жить в новой семье, и у того, кто платит, тоже появились дети. Однако он помогает сыну или дочери до совершеннолетия.

Так почему же отказницы и лишённые родительских прав пользуются особыми привилегиями? Не все среди них тунеядцы. Имеют заработок, пользуются всеми правами Конституции, а вот обязанности их не беспокоят! Лишить ребенка семьи, родного человека, доброго слова — страшное зло. А зло должно быть наказуемо. Но не тем, чтобы освободить нерадивых матерей и отцов от заботы о детях. Нужно ввести закон, и как можно скорее, о выплате алиментов на оставленных в роддоме малюток и на тех детей, которые при живых родителях оказались на попечении государства. Пусть часть денег идет в детский дом, а часть на личную книжку ребенка. При выходе из детдома это станет для него большим подспорьем в устройстве самостоятельной жизни. Да и государство не будет внакладе.

Е. М. ГУТМАН
Псков

С большим интересом встретили советские читатели вышедшие впервые газеты: «Журналистские новости», «Ветеран», «Семья». Но, к сожалению, так и не родилась давно необходимая «Юридическая газета», об издании которой неоднократно говорили сотрудники Министерства внутренних дел СССР и юстиции, Прокуратуры СССР и Верховного суда.

Что же мешает распространять юридические знания, опыт и просто необходимую житейскую информацию? Неужели только дефицит бумаги или полиграфические трудности? Но ведь внутри каждого этого ведомства немало печатается мало значительной литературы.

Товарищи! Посмотрите внимательно! Может быть, общесоюзная, массовая, боевая «Юридическая газета» нужнее?

А. ХАСИН
Вильнюс

Сколько было разговоров о необходимости сократить бумажную отчетность, принять постановления, предписывавшие наказывать должностных лиц — и тех, которые запрашивали лишнюю информацию, и тех, кто на нее отвечал. Органы статистики, народного контроля по горячим следам провели проверки, наказали кого следует. Вроде понемногу стало иссякать бумажное море. Да пережило худые времена и вновь разлилось, успокоилось.

Вот что получается по книгам учета входящей документации в нашей экспедиции глубокого эксплуатационного бурения № 2. В 1985 году в бывшем тогда управлении буровых работ № 2 (так мы назывались до перестройки) зарегистрировано 1316 документов. В 1986 году — уже 1680. А в 1987 году — 1998 официальных бумаг!

Вот и результат постановлений, приказов.

Речь идет только о зарегистрированной корреспонденции. А сколько информации запрашивается по телефону! «Этой отчетности нет, ты уж напиши по-товарищески». Как же не написать, если товарищ выше ступеней и подписывает тебе разрешение на выплату премии?

А вот как было с формой 16-ВН о временной нетрудоспособности. Когда вышло постановление о сокращении переписки и отчетности, ее сделали полугодовой (вместо квартальной) и уменьшили в объеме в два раза. Через некоторое время она снова стала квартальной (по крайней мере обком профсоюза рабочих нефтяной и газовой промышленности запрашивает ее каждый квартал, и не дай бог сорвать этот отчет). А потом снова стала такой же, как до сокращения, на двойном листе. Те цели, которые она преследует, достигаются и при сокращенном варианте. Так кому понадобилось увеличивать ее снова?

А. СЕРОВ,
инженер
Усинск Коми АССР

Годы застоя — это не только упущения в экономике, это еще и фальшивое процветание, лавина наград, обрушившихся на наш привычный ко всему народ. Именно тогда пролился над страной настоящий ливень знаков трудовой доблести и героизма. Золотой дождь этот не прекращается и ныне. И если судить по великому обилию награжденных за труд, то какое же изобилие должно быть на прилавках наших магазинов. Вот и приходишь к грустному выводу: сколько ни говори «халва-халва», во рту слаще не станет. Коли так, может быть, хватит провозглашать хвалебную здравницу нашему труду, попутно раздавая награды? А немалые средства, идущие на воздавание почестей с их сверкающей атрибутикой, направить на что-нибудь более полезное, на детские дома, например, дабы не уповать на благотворительность.

Если говорить о справедливости наградений, то каким же орденом наградить мать, которая одна, без отца, погибшего на войне, в тяжелейшие послевоенные годы, в услови-

ТАЛАНТА РАДОСТЬ И ПЕЧАЛЬ...

Юрий БЕЛЯЕВ

дин мой знакомый, живущий на улице Горького, в том доме, где расположен Художественный салон, как-то мне сказал: «Представляешь, прохожу мимо салона, смотрю: японские туристы, и вдруг слышу в их речи знакомое: «Утенков! Утенков!» Хотят купить его работы».

Читатель может удивиться: что это еще за Утенков, которого так полюбили в Стране восходящего солнца? Но еще больше он удивится, когда я добавлю от себя кое-какие сведения. Московский художник-график Демьян Утенков стал в последние годы, пожалуй, одним из самых известных представителей советского изобразительного искусства за рубежом. В его активе — четыре персональные выставки в США, премия на представительном Международном конкурсе гравюры в Бостоне, почти единодушное восхищение критики и зрителей во многих странах. Произведения Утенкова привлекают внимание как виртуозной техникой исполнения, так и глубокой эмоциональной насыщенностью. В буклете к выставке «Демьян Утенков. Легенды будущего», состоявшейся в американском городке Севикли (в окрестностях Питтсбурга), можно прочесть: «Его метеорический взлет объясняется способностью традиционные, извечные темы облечь в исключительно современную форму». Неудивительно, что офорты молодого художника закуплены музеями Нью-Йорка и Нового Орлеана, Токио и Чикаго, Лондона и Торонто, Кельна и Питтсбурга, не говоря уже о многочисленных частных коллекциях.

Здесь скептически настроенный читатель наконец может с облегчением сказать: «Разгадка найдена! Это, очевидно, один из так называемых «нонконформистов», которые работают преимущественно с фигой в кармане...» Мы вынуждены его разочаровать. Вот сухие биографические данные: Д. М. Утенков родился в Москве в 1948 году, окончил театрально-художественное училище, с 16-летнего возраста постоянно участвует в московских, республиканских и всесоюзных выставках. В 26 лет становится членом Союза художников СССР.

Однако наряду с признанием художника ждут и тернии. Его самобытность, ярко выраженная творческая индивидуальность кому-то очень не нравятся. И вот начинаются трудности уже признанного художника.

Мы привыкли во всех бедах в нашем искусстве винить бюрократов, чиновников от искусства. Справедливо, но только отчасти. Коррозия в искусстве возникает еще и потому, что все творческие союзы игнорируют принцип конкурентоспособности. Сейчас, в период обновления нашего общества, это ста-

ли понимать и сами художники. Вот что, например, недавно писала газета «Московский художник»: «Механизм союза, созданного полвека назад, в иные времена неадекватно расставил акценты на известную триаду: художник, критик и зритель, принизив роль последнего. Соответственно реально возник кризис доверия — художник не признает объективность критика, критик игнорирует или недооценивает художника, зритель не доверяет никому и не ходит на выставки. В проигрыше все». Но все ли это понимают и сейчас?

Лично ко мне многие знакомые часто обращаются с вопросом: где можно посмотреть работы Утенкова? Но когда сам художник несколько месяцев назад обратился в МОСХ с просьбой помочь организовать ему персональную выставку в Москве, мотивируя это среди прочего и двадцатилетием своей творческой деятельности, над ним просто посмеялись. Вот почему у художника четыре персональные выставки за рубежом и одна в Советском Союзе — и то в Костроме.

Неудивительно и то, что художник не может никак добиться для себя мастерской.

— Да, без мастерской, конечно, трудно. Мне приходится много заниматься травлением, а дома маленький ребенок. Да и живописью из-за этого нет возможности заняться.

И, главное, мне не нужны мастерские-залы по 200 кв. м, как у иных «мэтров». Нужно просто небольшое рабочее место. Ведь и там можно было бы показывать свои картины. А то мне чаще всего приходится отвечать отказом, когда изъявляют желание посетить мою «мастерскую» и посмотреть работы...

С подобным равнодушием творческого союза столкнулся не только Утенков, чьи работы, кстати, приобрела и Третьяковская галерея, и Музей изобразительных искусств имени Пушкина. Среди «незамеченных» художников оказались такие мастера, как Вадим Демутьев, Геннадий Павлов, Николай Смирнов... А, например, Александра Поленова, Владимира Смирнова просто не принимают в члены Союза, хотя тот же Смирнов уже включен во Всемирную энциклопедию наивного искусства. Но у творческих союзов собственные критерии. А ведь союзы должны быть ассоциациями равноправных по отношению друг к другу деятелей. Искусство должно быть так свободно от давления коллег, как это было во времена Пушкина и Брюллова, Достоевского и Чайковского. В этом залог обновления и расцвета нашего искусства.

Теперь поговорим о творческой сути Демьяна Утенкова. Выбравший себе в учителя Леонардо да Винчи и Босха, Дюрера, Брейгеля, молодой художник не только смело экспериментирует

Д. М. УТЕНКОВ. Род. 1948.
НОВОДЕВИЧИЙ МОНАСТЫРЬ. 1978.

с материалом, но и создает собственную философскую концепцию окружающего мира. Причем его в равной мере привлекает как современность, так и история. Вот цикл гравюр «Государь Московские»... Самобытный творческий почерк, будучи размашистым, предельно экспрессивным, и одновременно отличающийся виртуозной отделкой деталей, поражает эстетической логичностью и соответствием содержанию.

Художник смело использует стиливые приемы из арсенала древнерусской живописи, что помогает ему приблизиться к далекой эпохе, при этом сохранив свою индивидуальность и придав изображаемому психологическую достоверность. Например, в портрете Ивана III автор подчеркивает государственную мудрость великого князя, его спокойствие, проистекающее из уверенности в правоте собственных деяний. Совсем другими глазами смотрит на нас Иван Грозный. В его мятущемся взгляде поражает странный симбиоз торжества и смятения, непоколебимости и страха...

Желание художника передать внутренний конфликт личности, рожденный драматизмом исторической ситуации, чувствуется не только в этой гравюре,

СТАРЫЙ ПРИЧАЛ. 1986.

но и в нескольких офортах, посвященных «огненному протопопу» Аввакуму Петрову, который вошел в историю как идеалист, борец с несправедливостью и одновременно как фанатик и ретроград.

Галерея исторического портрета заканчивается у художника нашими современниками — академиком О. Ю. Шмидтом и первым космонавтом Ю. А. Гагариным.

Офорты Утенкова, в которых он обращается к сегодняшнему дню, раскрывает взаимозависимость бытия и сознания. Проблемы «человек и природа», «экология как основа физического и духовного существования» волнуют художника, и ему удается найти свой неповторимый взгляд на эти глобальные вопросы.

Обильный материал для творчества дают ему ежегодные путешествия по Сибири и Дальнему Востоку. Впервые Утенков попал в Сибирь в шестнадцатилетнем возрасте с геологической экспедицией. С тех пор он полюбил эту землю с ее бескрайними просторами, первозданностью и уникальностью природы и каждое лето теперь проводит в тайге или тундре, покрывая тысячи километров то на вертолете, то на байдарке, а то и пешком. За двадцать лет художник пропустил только один сезон: из-за рождения второго сына. Демьян обижается, когда его называют «туристом». Он считает себя путешественником. Странствует он по самым глухим местам Сибири вдвоем или втроем с друзьями и всегда без оружия. Местные охотники с удивлением смотрят на странных смельчаков. Как правило, обходятся они и без палатки, ночуя в спальных мешках. Художник объясняет, что ему хочется испытать как можно большее соприкосновение с природой, чтобы ничто их не разделяло, даже тонкий брезент палаточного домика.

Гравюры Утенкова, посвященные Си-

**ВАСИЛИЙ ДАНИЛОВИЧ
ПОЯРКОВ.
1984—1985.**

бири, ее людям, природе, отличаются достоверностью и психологической глубиной. Как исторический цикл «Первопроходцы» с превосходными портретами Дежнева, Хабарова, Лисянского, так и современные гравюры «Воспоминание о Якутии», «Осень в Эвенкии», «Северная депрессия», «Ветер странствий», «Трудные километры» несут в себе романтику преодоления трудностей и радость познания. Художник не признает приблизительного знания, ибо считает, что оно ведет к художественной фальши. Дома у Утенкова можно увидеть столь редкие в быту предметы, как микроскоп и телескоп. «Для меня это не экзотика, — с некоторым смущением объясняет Демьян, — просто я очень люблю наблюдать все живое: будь то маленький жук, комар или причудливое дерево, начавший свой путь ручей, неприметная травинка или покрытый

трещинами редкостный камень...»

Утенков старается в работах передать неразрывное единство всего живого. В выразительном, построенном на аллегории портрете Босха — одного из своих любимых художников — он стремится раскрыть главную идею своего художественного видения: человек не только центр мироздания, не только творец действительности, но и ее составная часть, равнозначный компонент в великом уравнении жизни...

Творческий потенциал Демьяна Утенкова осуществлен еще далеко не полностью. Он как истинный художник легко раним, и столкновения с реальностью иногда оборачиваются для него творческими простоями, но я верю в его силы, его новые успехи. Тем более сейчас, когда ветер обновления дует и в паруса наших творческих союзов.

СТАРЫЙ КЕДР. 1985.

НЕБЕСНЫЕ ЗЕРНА

* * *

Благодарю тебя за очи.
Вон новый год бредет по ночи,
и только крыши полны снега,
и, вишь, посередине неба
душа на ниточке висит.

Ничто мне не принадлежит.

Не надо лезть или стараться,
гораздо легче отказаться
от сапога, что носят, или
от подоконника и пыли.

Ни зова, ни прикосновенья,
весь день покой, отдохновенье.

Ах, нет надежды, в небе тучи.
Но быть ничьим намного лучше.
Ничьим, нигде! Как ткань льняная,
отбеливаюсь, вспоминая.

И я вхожу в ночную заметь
и о тебе теряю память.
Ни бел, ни черен я хожу.
Ведь я вам не принадлежу.

* * *

Ночами вверх по скале
карабкаются корабли.
Там, наверху, в хибарке
спит старик — капитан.

Мы, которые спим по ночам,
про это бы вовсе не знали,
если бы на якорной цепи
не зависло судно.

Утром было видно,
как между скальными зубцами
застрял якорь
и судно висит над фьёрдом.

Тогда-то мы поняли,
что ночами вверх по скале
к старому капитану
ползут корабли.

* * *

Настырно, слишком навязчиво —
Талдычить дотошно и точно.
Глянь, неприметно и тихо
Снегом покрылась почва.

Глянь, незаметно и тихо
Матушка поседела.
Глянь, без всякого шума
Вишня в цветенье взлетела.

Глянь, незаметно вышло
То, чего нет в достатке.
Светят теплые окна
Нашей хромой лошадке.

Зря говорить не стоит,
Кто про это услышит!
Глянь, как цветок на стебле
Сам об этом пишет.

Перевел с латышского Давид САМОЙЛОВ.

* * *

Люди высокого роста более независимы.
Их головы как бы высунуты из некой
реки бегущей.
И никак не соприкасается с их кислородными
высями
наше пространство плотное с его безвоздушной
гущей.

И над этой плотностью плотской, где именно
все совершается,
где становится все даваемей и становится
получаемей,
голова человека высокого независимо
возвышается,
он как бы свободней, выше низких чаяний
и отчаяний.

Но дети, но как же дети, как же там дети,
которые
заполняют наше пространство в самом низу,
в преисподней,
где вся эта вонь, отравы, кикиморы и моторы,
гонка и копошенье — как там они сегодня —
спасаются? Вот высокий с ребенком и с гордым
видом,
его голова возвышается над человеческой гущей.
Он бодрее, он независимей, чем другой
индивидуум,
плывет по улице, голову не окуная в поток
бегущий.

А за руку в преисподней, в этом
зловонье ада,
где от грохота может лопнуть барабанная
перепонка,
бесчувственный, отрешенный, водит он
до упада —
как собственного невольника — собственного
ребенка.

Тихий такой ребенок. Папа — такая умница.
Глянь, какие чужие мы, глянь,
какие далекие!
Я же не говорю вам, что по центральным
улицам
на четвереньках ползать люди должны высокие.

* * *

Извините, что живу я,
извините, что давно!
И простите, что плыву я,
извините, не на дно!

Виноват, что я не в стае,
что я грызться не могу!
Виноват, что заматаю
свой же след на берегу.

* * *

Оброс я, словно шерстью, пустяками —
Они хранят меня в ненастные деньки.
От злых людей, с глазами злыми, языками,
Мое великое скрывают пустяки.

Такой пустяк: мой кончик носа с бородавкой.
Такой спасительный пустяк: всеобщий смех.
Но свой огонь, за этой призрачной
заставкой,
Я на лучине уберечь могу от всех.

Такой пустяк: застежки, пуговицы,
кнопки.
Пока все смотрят на мое проворство рук,
Я в глубине души веду раскопки,
Нет, вольной птицей выношу себя за скобки:
И кнопки сверху мне видны, и все вокруг.

От пустяков моих топорщатся карманы,
От всякой чуши — да чего там только нет...
Я эту чушь люблю, как шерсть свою
бараны,—
Не дует в душу, пустяками я согрет.

А все улыбки, все приветы и поклоны —
Мельчайшей мелочи великое число,
Пыльца мгновений, светотени шумной кроны
Большого дерева — со дна души росло.

Так слава пустякам! Я тем и занят,
Что вам даю их смаковать в течение дня.
Спасибо им за то, что взор туманят,
Вниманье отвлекая от меня.

* * *

И снова с крыш летит капель, звеня.
И пусть гадалка мне поможет снова.
Не верю я, что любит кто-нибудь меня.
За что, за что, за что любить такого!

Проклятье! Пытка, смертная порой!
Не верю, я не верю никому, что я сверкаю.
Ведь я не дерево с нетронутой корой,
я весь разодран, и кора висит кусками.

Я вечер-мученик. И если нагадать
мне свежесть утреннюю, — это будет ложью.
Не верю в то, что я — рассвета благодать
и что любим я, как роса, — не верю тоже.

* * *

Что я за камень дурацкий!
Швырнули в окно чужое...
Теперь куда-то еще меня бросят
наверняка.

Что я за камень дурацкий!
В чужом кулаке опять я,
чужая злость и проклятья
сжали меня для броска.

И господи — нет языка! —
и выразить мне не дано,
как схватят меня и снова —
в чужое окно!..

* * *

Кому ты нужен с этой вечной жалобой!
Иди ты к богу с этой вечной жалобой!

Тут все подряд неплохо стонут сами.
Вот если ты крылат — останься с нами.

Придай нам легкости, с какой способна птица
парить, — и я способен распрямиться.

Кончай стонать! Мы счастливы во многом
в своем раю, в краю, скупом и строгом,

где уповают и на твой могучий
труд.
В противном случае — не появляйся тут.

* * *

Небесные зерна последнего света
Еще набухают в квадрате оконном.
Нельзя поручиться, что именно это —
Сумерки в полном их смысле исконном.

Свет исчезающий — тоньше, бледнее,
Вытек до капли, но все еще здесь.
Мгновенье — и тьму отличить не сумею
От света, который ушел в нее весь.

* * *

Хотел бы я так обладать, приманить,
привлечь...
Как дым исчезает синий — о том и речь.
Как ветви текут и плещут, произрастая.
Как снег идет — ничего не приобретаю.

Ему ничего не надо — лишь белой тучей
Из тишины великой произрастая,
Пройти, как снег. И кручей стоять текущей.
И все обрести — ничего не приобретаю.

Перевела Юнна МОРИЦ.

ЕДИНОМЫШЛЕННИКИ

Моника ЗИЛЕ

Когда думаю про них, вспоминаю Салдусский район в Латвии. Тут прошла моя журналистская обкатка. Помню колхоз «Яунайс коммунарс» и его председателя Яниса Блума. Хозяйство на крутых холмах Курземе. Техники мало, да и та неважная. Шел послевоенный 1946 год. Блумс нашел часть, которая списывала танки. Если снять башню, танк очень даже годится для пахоты и берет с плугом любую гору. Но даже списанный танк нельзя получить за красивые глаза. Надо платить. Денег нет. Да и если были бы, никакой наш банк в жизни такую финансовую операцию не пропустит. Требуются наличные. Янис Блумс попросил колхозников: «Продайте хозяйству свои яблоки». Та осень была щедрой, яблони прямо ломались. Закупив фрукты, председатель отправил их на городской базар. Конечно, за более дорогую цену, иначе какой смысл. На выручку купили два танка, все вспахали. После этого Блумс стал трясотиной прокуратура. Когда выяснили, что себе денег не брал, действия все же признали преступными. Потом уголовное дело прекратили, но приказали убрать из председателей. Три раза районное начальство собирало колхозников на общее собрание, чтобы избрали нового председателя. И три раза уезжали ни с чем: отказываясь голосовать, народ вставал и покидал помещение. Председатель у них уже был, чего зря время тратить и ласы точить, работать надо, а Блумс это умеет.

Теперь «Яунайс коммунарс» — первое хозяйство в своем районе, а Янис Блумс в праздники к лацкану пиджака прикрепляет Золотую Звезду Героя Социалистического Труда.

Второе по уровню хозяйство в Салдусском районе — колхоз «Друва». Его председатель Янис Рубулис почти за тридцать лет работы на этом посту похвалы стал получать только в последние годы. А так все больше критиковали. За то, что не идет в ногу со временем — не строит огромных ферм, а возводит поселок; не увлекается всякими модными технологиями, а упрямо собирает и вывозит на поля навоз; не ждет указаний из района, по каким часам коров доить, по каким пасти, а действует по-своему. Однажды на районном совещании его подняли и спросили: «Как же вы дальше думаете жить, товарищ Рубулис?» «А так и буду, пока не докажу преимущества коллективного хозяйствования на селе. Если не будете мешать, скорее докажу». Что тут началось...

Теперь Янис Рубулис — заслуженный агроном республики. За опытом в «Друву» не чураются ехать из знаменитой агрофирмы «Адажи» и из соседних республик.

Значит, можно с облегчением вздохнуть: жизнь все поставила на свои места. Вздохнуть можно, но надо подумать, чего требовала от этих людей такая последовательность и выдержка, какое терпение и сила были нужны, чтобы не сломаться. Это достойно подражания и еще долго нам будет слу-

**ВЕТЕР ПРЕОБРАЗОВАНИЙ.
ОН ПРОХОДИТ ГДЕ ШКВАЛОМ,
ГДЕ ТОЛЬКО ТИХО ВЕРХУШКИ КОЛЫШЕТ.
МЫ УЖЕ УСПЕЛИ
ПОПРОБОВАТЬ ПЛОДОВ ПЕРЕСТРОЙКИ,
РАЗНЫХ НА ВКУС.
БЫВАЮТ И ГОРЕЧЬ, И ВОПРОСЫ:
ЧТО ЖЕ, ТЕПЕРЬ ИЗ ПРЕЖНЕГО БАГАЖА
НИЧЕГО НЕ БРАТЬ В БУДУЩЕЕ?
В ЛЮБОМ ДЕЛЕ ЕСТЬ СВОЯ ОСНОВА.
И ВСЕГДА БЫЛИ ЛЮДИ,
КОТОРЫЕ ЕЕ СОЗДАВАЛИ, ЗА НЕЕ БОРОЛИСЬ,
ПОЛУЧАЯ ТУМАКИ, ВЕРИЛИ В СВОЙ ПУТЬ,
ВЫЧЕРЧЕННЫЙ УМОМ И СЕРДЦЕМ.**

жить примером. Особенно в перестройке — не будем смотреть на ее процессы сквозь розовые очки. Тут очень важна и просто человеческая, и партийная стойкость.

Поэтому хочу более подробно рассказать о третьем по экономическому уровню колхозе этого района — случай особый. Про верность земле и идее, про свет, который бывает недоступен иному зрячему, про мужественность и партийность, хотя эти мои герои сейчас и на пенсии... Такие, как они, привели нас к перестройке, позволили о ней говорить в полный голос. Да и сами не ушли из нее. Как любой, кто честно работает. Ведь уровни перестройки разные. Этажи тоже. Который из них твой?..

Ехать в Москву за собакой он был готов уже в октябре, но только к концу года пришло официальное известие: инвалида 1-й группы Арвидс Яновича Барона ждут 8 января... Ну и ладно. Главное, что вопрос решился. Хотя ему и не отказывали, но повод для беспокойства все же был: обученный в специальной школе четвероногий поводырь очень высоко ценится, получить такого желают многие. В радостном возбуждении он стал обзванивать ближайших знакомых. Когда пальцы привычно набрали номер Белсона, трубку взяла Дзидра.

— А благоверный где? Небось, вместе с охотниками в лес поскакал...

— Скачет, как же... По боковой койке. — Дзидра невесело отшутилась. — Вот собираюсь навестить. Что передать-то?

Спрашивала не ради приличия. За те тридцать лет, которые Вилис проработал председателем колхоза, Дзидра привыкла к звонкам в любой час. И знала, что Арвидс никогда без дела не тревожил, хотя его звонки часто приносили беспокойство. Особенно в те годы, когда был парторгом. Теперь они оба с Вилисом пенсионеры. Обеспокоенная молчанием Дзидра подула в трубку и переспросила:

— Так Вилису что сказать, аллэ?

— Что ноги лучше всего лечить танцами.

— Если бы только ноги. Привязался еще какой-то нехороший бронхит. Да и нервный стал очень...

— Пусть чаще вам внуков подбрасывают — вот и успокоится.

На том и попрощались. А про собаку не сказал. Вдруг показалось, что для

занедужившего не на шутку Вилиса эта весть может прозвучать бахвальством: гляди-ка, удача мне подвалила, смотри и завидуй!.. Впрочем, ерунда это. Кто станет завидовать человеку, уже сорок четвертый год живущему в сплошной темноте, не имеющему возможности без поводыря выйти за пределы своего двора.

И вдруг из глубины годов, из архивов памяти сюда врывается крик:

— Да, да! Я завидую вам — из-за той власти, которую вы имеете над колхозом, где вас слушают и подчиняются!

Этот глупый, путающий разные понятия возглас принадлежит молодому парню, из района присланному руководить коммунистами колхоза. А кричит молодой парторг из-за Вилиса Белсона:

— Все говорите, что лучшего председателя не найти, и все пляшут под эту дуду. Но сами ведь знаете, какая у него анкета!

Анкета... Сколько раз по разным поводам он слышал это слово. Про анкеты говорили то вкрадчиво, то сурово, то с торжественным придыханием. Анкета могла стать мандатом. Имела также возможность выстрелить в спину. Кто осмелится спорить против анкеты?

Только в то время, когда молодой парторг кричал про анкету — в середине шестидесятых, — Арвидс Баронс, будучи незрячим, не собиравшись слепо служить анкетным бумагам. Он давно понял, что главная суть каждого человека — в его верности себе, своему делу. Эту веру питал не только жизненный опыт. Собственные мысли Арвидс Баронс постоянно сверял с главными идеями нашей жизни.

Так поступал и его отец. Когда нагрянул 1905-й, Янис Баронс работал в Риге на заводе. В дни революции пускалось в дело и то нехитрое оружие, которое вместе с товарищами мастерил молодой кузнец. Поэтому он не ждал черносотенцев — последовав совету опытных людей, уехал в деревню. Выбрал Пампальскую волость. Тут нашлись для него кузница и основа для семейного очага. Местные крестьяне, приехав подковать лошадей, поначалу пытались подковырнуть городского: «С такой важной фамилией — Баронс! — и в батраках ходишь!..» Янис не сердился. Посмеялся тоже: «А вы разве не знаете, как латышам фамилии давали? Позвали к барину, тот и нарек, как

ПЕРЕСТРОЙКА: ПРОВЕРКА ДЕЛОМ

хотел. Кто беднее и оборваннее, того для потехи мог Бароном назвать».

Кузнец дело знал. Семья имела свой кусок хлеба и возможность дать детям нормальное по тем временам образование. Только жил в этом доме мятежный дух. Особенно проявил он себя, когда, совершив переворот, к власти пришел Ульмайс. И вот уже везут двадцатилетнего Арвида и его брата Волдемара под охраной как опасных преступников в уездный центр. Народ спрашивает: «Кого это схватили?» «Врагов власти — красных Баронов». С тех пор, вплоть до 1940-го, их семью по-другому и не называли.

Арвидс хотел выучиться на столяра. Не любил железа. Вот оно и отомстило... Воевал минометчиком, все время горячий металл рядом. Осколки железа повергли его в страшную тьму.

В московском госпитале с одним глазом пришлось расстаться сразу. Разговоров про другую избегали — кто знает, может, и поправится, ведь медицина тоже идет вперед. Но через несколько дней пришла женщина с приятным голосом и предложила помощь в освоении шрифта Брайля. «Ведь это... это для совсем слепых! А меня обнадружили, со временем...» «Как же, конечно, конечно... Но знание шрифта не помешает». И он понял. С ужасом, на краю безумия. Оттуда его, можно сказать, вырвал сержант Пучковский, целыми днями вслух читавший книги. Потом появилась соотечественница, кастелянша Берзиня. Однажды ночью 1937-го за ее мужем пришли, и с тех пор она о нем ничего не знала. Но, будучи беспартийной, говорила с Арвидом, как комиссар на фронте: «У вас, коммунистов, сейчас будет много работы. После войны надо жизнь и веру восстанавливать».

Опора жизни — как же! Он горько смеялся над собой, попав в пансионат для инвалидов первой группы. Но через несколько дней попросил работу — ведь руки-ноги целы. Стали вместе с одним, который видел свет, воду в трехведерной бадье носить. Уже не жил совсем без пользы. Память вдруг обнаружила необыкновенную цепкость: раз услышанное уже не отбрасывала, а откладывала и хранила, чтобы бессонными ночами он мог наслаждаться этим богатством.

В родные места Арвидс Баронс вернулся после Победы. Глаза не видели, но уши слышали и помогли постичь разуму, что от живописной волости ничего не осталось. Тут ведь до последнего дня кипел страшный Курляндский котел. Поля перепаханы танками, леса все сплошь скошены «катюшами», а к берегам реки Венты страшно подойти — воронка на воронке. Местного люда почти не осталось.

Вот стоит во главе колхоза сын участника гражданской войны, комсомолец сороковых годов, окончивший техникум с отличием. Анкета — блеск! Только ведь за бумагой конкретный человек; на него в сей раз не только что равняться, смотреть тошно. Нерасторопен — еще куда ни шло. Так ведь пьет с кем попало. И спяну покуражиться может: «Ты, парторг, меня не регули-

руй. А то к белым медведям попадешь». «Я такую красоту, председатель, все одно не увижу. И какая мне разница, где с дураками бороться...» В райкоме партии тоже вроде бы согласны: «Да, сгубит он колхоз. Но биография у него безупречная, как раз для руководителя. Где мы найдем такого еще? У вас там почти все с изъяном: то был на оккупированной территории, то еще что». «А куда людям было деться, если уехать не успели? Многим спасибо надо сказать, что сохранили скот, инвентарь — было с чего колхоз начать», — тогда он первый раз поднял голос на вышестоящего.

На другой день услышал: сосед, собутыльник председателя-пьяницы, хвастался, мол, из самой Чека приезжали, велели за Арвидом Бароном присматривать: кто ходит, что говорят. Не испугался и не обозлился. Только почувствовал какую-то свободу духа — вот она, борьба. Значит, не калека он. Сам может быть вожаком в борьбе. Он станет проводить линию партии, как ее понимает — найти, выдвинуть, учить и опекать тех, кто умеет руководить сельским трудом так, чтобы измученные войной люди почувствовали вкус к пашне и хлебу.

И парторг начал искать председателя. Наконец все сошлось к Вилису Белсону, агроному из соседнего района, энергичный, знающий, имеет подход к людям. Уже не раз ему предлагались посты повыше. Отказывался. Вряд ли согласится в Пампали... Так и было, Белсонс сказал: «Нет». Но Арвиду Барону в этом коротком слове послышалась бездна горечи. Да как полезешь в душу... Тогда парторг сказал:

— Что ж, насильно мил не будешь. Но об одном по-человечески попрошу: выкроите времечко, наведаетесь в наш колхоз. Гляньте глазом агронома, может, что посоветуете.

Белсонс не заставил себя ждать. И покатали они на телеге по полям. Лошадка ковыляет, Вилис держит вожжи и рассказывает:

—... Я ведь туда не добровольцем пришел — силой затащили, в саперы сунули. Когда нашу часть наконец послали, где шли бои — в Видземе, — я дал деру. Скрывался у деверья... Ну, а потом пришлось посмотреть северное сияние... Пока разобрались что к чему. Вернулся. Землю люблю, образование есть. Вижу, на ваших полях добрые урожаи собрать можно. Только анкета у меня не председательская...

Было это в 1956 году. В здешних местах еще не было случая, чтобы партийцы способствовали выживанию людей с «изъянами» в анкете. А вот в Пампали Арвидс Баронс поручился за нового председателя Вилиса Белсона, увидев в нем хозяина для здешней израненной земли. И на этом посту Белсонс честно служил до конца 1986-го, сделав хозяйство третьим по силе в Салдусском районе и поставив его среди ведущих в республике. Решив уйти на пенсию, объявил это, как обрубил: не отговаривайте! И только Баронс, наверное, понимал, как переживает Вилис, отдавая колхоз в умелые руки своего заместителя. Отдавал, понимая, что буквально через несколько лет хозяйство, опираясь на плоды труда Белсона, сделает резкий скачок вверх. Он уже заранее дарил своему преемнику победу. Немногие способны на такое. Может, Вилис еще бы поработал. Но здоровье стало сдавать, особенно ноги. И однажды нечаянно услышал разговор механизаторов: «А наш совсем барином стал — только пропылит мимо на машине, подойти ленился...»

1956 и 1986 — не просто даты в анкете бывшего председателя «Пампали». Их можно расшифровать урожаем — 50 центнеров зерна с гектара; можно надоями — 4200 килограммов с коровы; годятся для иллюстрации многоквартирные дома и коттеджи, а также полный хозрасчет на всех 22 фермах. Этим не раз восхищалась местная и республиканская печать. Но все же

стоит задать вопрос: а было бы это все, не окажись Арвидс Баронс истинно партийным организатором, сумевшим постоять за председателя?..

А воевать за него приходилось не только в тот раз, когда голосовали на общем собрании. И не только много позже, когда Вилиса Белсона принимали в партию, а Баронс был одним из рекомендуемых.

Характер у Белсона горячий. Заводится с пол-оборота. Сам мог работать, как двуличный. Того же требовал от других. Заметит нерадивость, почует ложь — тут уж спуска не жди, никакой дипломатии или тактических подходов, а разнос прямо в лоб, невзирая на анкеты. Честным, трудолюбивым этот стиль пришелся по душе. А были и такие, кто стал строчить анонимки, огрызаться подметными письмами. То в свой ЦК, то, глядишь, и повыше: спасите нас от бывшего дезертира, которого прикрывает парторг. Как «сигнал» наверх, так едут с проверкой или как-то иначе проявляют обостренное внимание.

— Мое дело — всякие разъяснения, а твое — работа. Только ею и терпением можно доказать любую истину, — говорил председателю Арвидс Баронс и в те дни, когда самому предстояла встреча с партийной комиссией ЦК Компартии Латвии. Прошло два года после избрания Белсона, и он уже сумел показать, как умеет работать, — колхоз твердо стал на ноги, окрепла партийная организация. Это оценило районное руководство, и по его рекомендации за укрепление колхозной экономики Арвидс Баронс был награжден орденом Ленина. После этого один республиканский журнал поместил очерк о парторге из Пампали. В ответ — очередной пасквиль уже на Барона. Мол, сам темная лошадка, приукрасил биографию и придумал заслуги, с такими же яхшется. Пампальчане об этом узнали, когда все объяснения были уже позади. Возмутились:

— Ведь ты, парторг, знаешь, чья рука клевету выводит, хотя они подписей не ставят. Чего же ты не мечешь в них свои громы и молнии, которыми отлично владеешь, когда дело касается отстаивания других?

Отмахнулся только. Личная месть была не для него. Мелко это, нечисто. Да и пишут недалекие, глупые. Обойденные не только образованием, но и духовностью. Впрочем, не только с ними пришлось скрестить шпаги убеждений. Был год, когда он болел, и из района прислали парторгом молодого, с отличием окончившего школу. Везло Пампали на отличников... Этот был ершистый и мнил, что станет указывать опытному уже Белсону, где пахать и что сеять, осуществляя таким образом партийное руководство. Мнил себя таким владыкой — рукой карающей и дающей. Но все невпопад, не по делу. Единомышленников нашел среди недовольных Белсоном — наказанных за лень и головотяпство, пониженных в должности. Нехороший зрел союз. Уже открыто хвастались, что скинут Белсона и поставят своего — без сучка и задоринки. Народ забеспокоился: как бы чего не вышло. Пошли ходки к Арвиду Барону. И было тогда собрание, на котором он выступил, поставив все на свои места.

— У нас есть люди, — тут он перечислил фамилии, — которые готовы сотрудничать с самой нечистой силой, если она их не будет трогать — позволит пьянствовать, платя за это жалованье, разрешит пасти личный скот на колхозных посевах, делать приписки. Получив по рукам, они вдруг вспоминают патриотизм и великие идеи, рвут рубаху на груди: наших бьют, караул! Мне стыдно, что среди них есть коммунисты.

Впрочем, чего же тут винить того молодого человека. Он ведь следовал лучшим примерам. Многие его коллеги в других колхозах рьяно боролись за чистоту анкет, слыли боевитыми и опытными в своем деле, хотя эти

хозяйства по экономической лестнице спускались год от года все ниже.

Пришлось Барону воевать за Белсона и с ним самим. Не ангел ведь. То в горячке действительно кого-нибудь обидит, то заметят не совсем уверенно стоящего на ногах — и из этой песни слова не выкинешь... Хотя за этот грех парторг с Вилисом беседовал очень непримиримо, в глубине души иногда его прощал и оправдывал. Ведь есть же предел терпения. Когда он иссякает, мужики почти все до одного спасаются одинаково... Что же делать Вилису, если нет-нет он опять становится тем забором, о который всякая шваль бока чешет? Тут один сельскохозяйственный деятель недоволен первым секретарем райкома. Пишет жалобу и примером неправильной работы с кадрами берет «Пампали», Белсона. Сколько можно?!

В те годы Арвидс Баронс много выступал по разным вопросам. Можно только подивиться его кругозору и информированности — не всякому зрячему под силу тот объем, который он черпал из газет, радио, литературы, разговоров. Но тут парторг особенно стал выделять одну тему — начало войны. Приглашал боевых товарищей тоже. Они вместе — с мельчайшими подробностями! — рассказывали: как трудно было обычному человеку уехать из Латвии в те июньские дни 1941-го. Ничего не скрывая и не приукрашивая, говорили о растерянности и неорганизованности местных властей. Рассказывал Арвидс Баронс об огорчениях и даже унижениях, которые пережил вместе с группой рабочей гвардии, пробившись к границе с Псковщиной. Там их разоружили и, глянув на неприличные, по-латышски заполненные паспорта, сказали: даже и не заикайтесь об отправке на фронт. Не берем таких!.. И весь разговор. А сколько мытарств вынесли, пока добрались до места, где формировалась латышская дивизия! Да, не просто было доказать свою верность Советской власти.

Этим хитро попользовались фашистские оккупанты. Особенно, когда почувствовали неотвратимость поражения. Старались замарать побольше людей, чтобы Советам труднее после войны единомышленников отыскать, жизнь восстанавливая. Конечно, были и добровольные прихвостни — вечный позор для латышского народа, — предлагавшие свои услуги полициям и карателям, рвавшие в латышский легион. Но ведь оккупанты силой хватали и растерянных, неоперившихся юнцов, силой напяливали на них немецкую форму. Врагом человека объявить не трудно. А дальше с ним что будет?..

Этих бесед требовала не только судьба Белсона. Она-то как раз обрела все большую ясность. Разговоры нужны для выяснения позиции каждого человека в этой жизни, которую с трибун многие взалхлеб хвалили, таким образом и свои действия объявляя непогрешимыми.

А ведь у латышей особая ответственность перед историей — это Арвидс понял еще в годы войны. Как только скажешь, откуда родом, так собеседник кивает: «Да, да, латыши — культурный, революционный народ». Эту славу создали латышские красные стрелки, рабочие и крестьянские парни, порой не очень грамотные, но обладавшие огромной духовностью. Они тоже выполняли указания и проводили политику партии. Не умели цитировать классиков марксизма, но понимали суть революции и Советской власти. Этим руководствовались. На Латвию всегда будут смотреть как на родину стрелков, ждать от нее принципиальности и патриотизма. Лозунгами это провозгласить проще пареной репы. Но на словесной шелухе построенное быстро ветшает. В основу надо ставить дело. Пусть оно станет примером. Вот о чем вел свои беседы Арвидс Баронс.

Он от них не отказался и тогда, когда партийная организация так разрослась, что требовала освобожденного

секретаря. Да и вздумай отойти Баронс от активной позиции, ему уже не позволили бы. Приболеет, не придет на партийное собрание, коммунисты потом друг у друга спрашивают: ну, как, а что сказал бы Баронс по этому поводу? Не претендуя ни на какие должности и почести, бывший парторг стал эталоном правдивости и нравственности.

Конечно, было бы неправильно объявить Арвида Барона воином-одиночкой за рост своего колхоза, а районных партийных и других руководителей сплошь неумехами. Мало сделал бы принципиальный пампальский парторг без поддержки первых секретарей своего райкома — Петериса Платациса, Арнольда Зандманиса, Владимира Рымашевского, без Илмара Бента и Сергея Упениека. Эти люди умели брать и делить ответственность. Это и их заслуга, если развивается, зеленеет разбитый войной край.

Братское кладбище теперь в самом центре поселка. Лежит тут больше семи тысяч воинов. В День Победы всегда большой митинг. Есть на нем всегда свое, особое место для Арвида Барона. И в эти минуты он как бы держит ответ перед теми, которые остались вечно молодыми. Он как бы должен ответить на вопрос: а не предал ли ты каким-то своим действием нас, отдавших жизнь? На это Арвиду приходилось отвечать на одной встрече. Тогда он сказал:

— Война принесла много очевидного зла. Но она оставила и яд потайного — жестокость, подозрительность, желание мести. Нельзя питать эти корни. Так я считаю и стараюсь следовать этому правилу.

Вилис ушел с председательской должности в почетном звании заслуженного работника сельского хозяйства. Он это ценит — Баронс-то знает — даже выше своего ордена. Звание крестьянское. Им судьба расплатилась за обиды заслуженные и незаслуженные.

Только уйдя на покой, Вилис все больше болеет. Видимо, верна поговорка про лошадь, которую оглобли держат... Но что поделаешь. Одно только утешение, что здоровье не попусту истратил, а для дела. Однако не любит Вилис, если про это заведешь разговор, — набьется... Но, будь он кротким и покладистым, ведь не вытянул бы он «Пампали», нет. Вот какое противоречие.

В жизни много подобных. Проработав бок о бок в одной упряжке тридцать лет, Арвидс Баронс и Вилис Белсонс ни разу не объявляли себя друзьями. Много общего, но, пожалуй, больше разного. Вот тут-то и вся заковыка: мало кто так умеет работать, не стараясь под себя подмять другого, не показав превосходство. Увы, мало, если говорим о руководителях.

И еще. Как-то разговорившись, Арвидс Баронс сказал:

— Может, в моем положении смешно разглагольствовать о везении, но все же... Теперь я думаю, что мне везло с женщинами. В военное время загремел я с тифом в госпиталь. Очнулся в палате смертников — у всех химическим карандашом на голой ноге написаны фамилии, чтобы легче вести учет, когда хоронят. И тут откуда ни возьмись появилась бабуся, таких еще называют божьими одуванчиками, — стала в меня затапливать гречневую кашу. Выжил только благодаря ей. Потом в глазном госпитале была врач. Анной Афанасьевной звали. Я-то не видел, но все говорили: красавица. Голос нежнейший... Им и убедила, что жизнь многогранна, есть в ней свет, доступный и незрячему, возможно — самый главный свет... А Марта... Столько лет она была моими руками, глазами, светлая ей память и земля пухом. Когда ее унесла страшная болезнь, признаюсь, пал духом. Но судьба послала мне Вилму — еще одного преданного и великодушного человека...

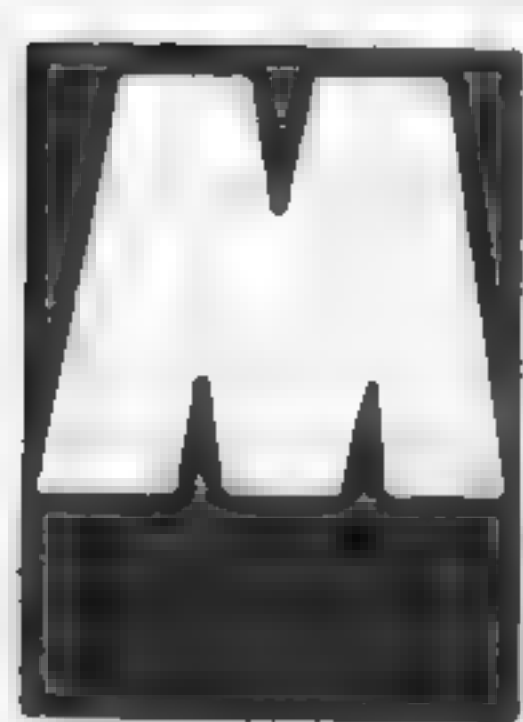
Салдусский район
Латвийской ССР

КОГДА НА СТОЛ ЛЕГЛИ ЭТИ СНИМКИ
И НАДО БЫЛО РЕШАТЬ:
КТО ЖЕ НАПИШЕТ ТЕКСТ.
МЫ ВСЕ ВДРУГ ПОЧУВСТВОВАЛИ.
БУДТО РЯДОМ ОГОЛЕННЫЙ ПРОВОД.
ЛУЧШЕ ОТОЙТИ.
ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР СКАЗАЛ:
— У ВАС ТАМ БЫЛ СЫН.—
В ИНТОНАЦИИ
НЕ ПРОЗВУЧАЛО ВОПРОСА.
Я ОТВЕТИЛ:
— И МЕСЯЦ В ГОСПИТАЛЕ. В ШИНДАНДЕ.
— ВОТ ВЫ И НАПИШИТЕ.

ДИАЛОГ С С

Владимир ГЛОТОВ
Фото Павла КРИВЦОВА

Мы долго молчали об этой войне — с кем воюем, почему, да и воюем ли вообще? Наш «ограниченный контингент» уже слал назад свой личный состав, распределяя по госпиталям, а мы еще пребывали в мире, перевыполняли финальную пятилетку «периода застоя». Мой сын с сержантскими погонами уже сидел на Казанском вокзале, окруженный такими же ребятами из-под Кирова, из-под Елабуги, брэнчал на гитаре, и на всю радость встречи с Москвой у них было четыре часа, поездная бригада уже заступила на вахту, чтобы везти их, сотню, в Узбекистан, — а перрон монотонно вбирал и отправлял волны отпускников, катил на тележках арбузы, флиртовал, групо прощался «на месяц», наслаждался сытостью и беззаботностью осени — и не хотел умирать, не хотел замечать этих серо-зеленых, нелепых среди яркого столичного люда, тащивших свою амуницию, да еще рассыпавших сахар из казенной наволочки прямо на асфальт. И слез не замечал подвывавших матерей — откуда узнали только! — понаехали на эти часы проститься.

Думал ли я, что его могут убить?

Мне дико, что это он был там, где полагается быть мне, его отцу. Но всю глубину нашей общей трагедии я ощутил как личную участь даже не тогда, когда он слег в Шинданде, а только сейчас, когда в интерьере редакционного буфета, в суете наших новых дел,

увидел вдруг, как дрожит рука, не может удержать чашку, у моего соседа по столику, моего ровесника, у которого сына, как и у меня, поезд увез на восток, а месяц назад его «солдатик» сгорел в разбившемся вертолете, и обошлось без госпиталя.

Надо ли говорить, как я не хочу отправлять туда второго сына и как хочу, чтобы просветился разум политиков и нам сопутствовала удача в возвращении домой. Жизнь наших детей стоит того. Да, похоже, мы на верном пути и на чужие грехи не списываем, а слушаем собственную совесть.

Тем более пора вернуться мыслями к нашим госпиталям. Ибо в озабоченности большими переменами легко и не заметить этой неброской темы.

— Расскажи о раненых — но сперва о твоём афганском гарнизоне... Сколько вообще вас там было?

— Пятеро... Еще собака и кот Рыжий. Рация, автоматы, ящик с продуктами, ручной пулемет «ПК» и «КамАЗ» Иноята Пирматова. Его и выбросило из кабины, когда переезжал через «трубу». Тяжелая контузия. Необыкновенный был человек!

— Был?!

— Нет! Он жив, конечно! Но я в то время сам уже оказался в Шинданде и, как увозили Пирматова, не знаю, и потом его больше не видел. Так из госпиталя он и демобилизовался.

— А почему «необыкновенный»?

— Понимаешь, всем готов был помочь, «КамАЗ» его блестел, как ствол автомата. Он целый день был рядом с машиной, сам грязный, одни белки сверкают, а потом, когда мы уже спали, он еще мылся холодной водой. Пел нам узбекские песни, устраивал дни рождения ребятам. Смел был — за это уважа-

ЫНОМ

● Этот Киевский окружной ордена Красной Звезды военный госпиталь учрежден преемниками Петра I в 1755 году. За годы Великой Отечественной войны в нем побывало более 60 тысяч раненых и больных. И теперь он не пуст.

● «Я увидел в госпитале страдание... Такая юность! Такая жизнь бьет из них! И вдруг — нет ноги, прикован к постели... калека. И вот этот Толик на костылях, лицо в напряжении. Он верит, что будет ходить, хотя у него перебит позвоночник. Я наблюдал за ними, я присутствовал при этом процессе работы над собой. Здесь ничего не придумано мной...»

Я записал эти слова Павла Кривцова. И то, что Анатолий Беляев не самый тяжелый в госпитале.

● Самый тяжелый — Сережа Водолазский, пограничник, стрелок. Его вынесли из боя товарищи. С тех пор он третий год по госпиталям. Неподвижен. Награжден орденом Красной Звезды.

ли. Но любили — за доброту... Вот его-то и выбросила мина. Мина — страшная штука... Мы брали воду из маленького озерца, из него вытекал такой ручеек. Когда я пришел на эту точку, мне рассказали, что здесь, на роднике, за неделю до дембеля разорвало парнишку. Мы долго не могли туда ездить, возили воду издалека, потом привыкли. Даже купались.

— Что такое госпиталь для солдата?

века, вернулся из Афганистана с наколкой на руке — с этой дурацкой пулей и буквами ДРА? В мое время это была дешевая блатная символика...

— Ты не поймешь, пап. Прости, но там — это очень серьезно.

...А теперь взгляните в их лица. Тень войны еще не сошла. Хотя госпиталь, где вел съемку Павел Кривцов, далеко от границы, в Киеве. Но суть одна. Сын рассказал, что видел он в госпитале, расположенном в горной долине Афганистана, фотокамера — о тяжелораненых, привезенных на берег Днепра.

● Он все время рассказывал о других. О себе — почти ничего. Мы выяснили: Юрий Вячеславович Скробонский — из семьи сельских врачей. Потомственный доктор. Интеллигентен, скромен. Любимец всех. Повторялись слова: доброта, деликатность... Такая деталь: приносил Володе Жулидову мед — лечил пролежни. Фотографировать его было трудно. Павел так и сказал: «Еле снял...»

● Не встать пока, не вырваться и не взлететь... Но мысли и душа не могут покориться. А значит — есть надежда!

● Это первые шаги Володи Жулидова. Их БТР налетел на мину. Когда его спросили: «Что снится в госпитале?» — он ответил: «Одно и то же: я дома и все бегу... бегу. Не знаю куда, но просыпаюсь и верю — я все-таки пойду...»

— Если ранение не сильное — отпуск... Приезжает солдат потный, запыленный, снимает хэбашку и видит — фонтанчики, кустики, пусть чахлые, но такие аккуратные, да еще стайки медсестричек. Шейка его теперь высывается из синей больничной формы, смотрит он на медсестер, его сытно кормят, кругом чисто. Хорошо!

— Ну, а мысль — за что тут лежу?

— Нет у него таких мыслей. Или — почти нет. Солдаты об этом не говорят. Душман для них — враг. Но и бравада не в почете. Я помню, один сержант из разведроты с улыбочкой рассказывал, как его приятель действовал в рейде. Его рассказ слушали молча. Не приняли.

— О чем вообще разговоры?

— Об армейской жизни. Всякие там истории. Еще мечтают о будущих встречах. Вот я к тебе приеду... а как ты меня примешь... а у нас вторая изба есть, там никто не живет, вот мы туда завалимся на месяц... Друг о друге говорят, кто хороший парень, а кто сволочь. Вспоминают что-то необыденное... В госпитале важно найти себе друга, тогда с ним вместе и в столовую, и где-нибудь в уголочке можно присесть. Я однажды увидел обожженного паренька, весь желтый, одни глаза. Из-под Ступино, деревня Малино. Мне страшно стало. И тут я подумал: ведь рядом с ним никого нет, он один, все время один, и я стал с ним разговаривать... Розовый такой, как поросенок. Это когда кожа стала слезать.

— Ну, а «дедовщина»?

— В госпитале ее меньше.

— А что самое страшное?

— Инфекционное отделение, где желтушники лежат.

— А высший в госпитале пилотаж?

— Для солдата? Для солдата — это, конечно,

познакомиться с сестричкой. Тут мы с офицерами в неравном положении. И если солдатику удастся — это победа!

— А для души?

— Я сказал: друг, разговоры... Я, например, впервые в госпитале прочитал «Тихий Дон» и был покорен, а у меня к Шолохову предвзятое было отношение. Еще вот вспомнил: мы устроили спектакль по стихам Багрицкого, Окуджавы. Веришь? Фурор! Большое командование посмотрело — дадим, говорят, бронетранспортер, организуете театр на колесах, будете по частям ездить. Действительно, один раз съездили к десантникам за сто километров, в сторону иранской границы. Подъезжаем — нечто вроде гостиницы южного типа, может, и правда отель — американцы построили или еще кто, — на всех балконах портянки, тельняшки и десантура отдыхает. В столовой официантка спрашивает: «Ну что, мальчики, вы нам привезли? Где ваши инструменты?» Ждали-то шлягеры... Мы решили, десантники нас побьют. Натянули занавесочку, достали из мешка нехитрый реквизит, а на дворе жара — больше 50 градусов...

— А было такое: вот мы в боевой части, а вы?..

— Да нет, в госпитале все равны, у каждого там свое. Наши ведь тоже и под бандой лежали, и горели на трубопроводах, когда тушили пожары, когда весь снег пропитан керосином.

— У тебя много друзей из тех, кто был в Афганистане? Где они?

— Тебе назвать цифру? Адреса? Ну, человек пятнадцать, это надежных. Вся страна: Тюмень, Тобольск, Ургенч, кишлак в Туркмении, четверо на Кавказе...

— Почему ты, историк, в общем-то интеллигентный парень, изучавший опыт народников прошлого

Я спросил своего товарища: что ты снимал? какая тема?

«Я хотел показать выздоровление. Не только физическое. Ведь война никого лучше не делает...»

Тем страшнее слова прапорщика Сергея Мошоровского: «Хочу назад!»

Вот он на снимке. Зачем же ему в войну? После ранения в ногу осколком реактивного снаряда...

Не в войну он хочет возвратиться. В обстановку, где были нужны, где фантастически проявляли характер, где никто не смел никому сказать «чурка», где смерть могла помирить самых непримиримых.

Сын кивнул: «Было, было...»

— Глупость такая — ждешь аварии на трубопроводе! Мир приобретает четкие, стальные внутренне правильные формы. «КамАЗ» мчится, все мелькает! Мужское ощущение, хемингуэевщина...

«И еще я хотел рассказать о врачах...»

О врачах, которые делают все, чтобы поставить, в буквальном смысле, этих ребят на ноги. Помнят каждого по имени. И относятся к ним, как к своим детям.

Медсестры, санитарки... Их нет в кадрах или — на заднем плане. Но как не назвать — Наташа Заяц, Валентина Комиссарова, Юлия Ус, Оксана Гребеножка, Наташа Голод... Боюсь, Павел всех не записал. Спасибо вам, девочки...

Мы давно уже не молчим о войне. Да и как молчать? Наверное, мы скоро скажем и самое главное, обозначим плюсы и минусы, приведем цифры, начнут суждения, суждения... И слова, слова со стороны.

В потоке словопрений не забудем о тех, кто прошел сквозь эту войну как рядовой — солдат ли, офицер. Особо не забудем погибших. Не забудем и раненых.

Как передать
его постоянный нерв,
его изматывающую себя
и других работоспособность,
его диктат над актерами,
его смирение перед ними?
Как на бумаге
выразить всю
его опустошенность
до и после спектакля,
неудовлетворенность
сделанным
и мальчишескую
смущенную радость,
когда успех,
когда получилось?
Его постоянную усталость
на старте и на финише,
которая (вот ведь парадокс!)
обладает столь
мощным зарядом,
что не все выдерживают
такую нагрузку,
такое максималистское
служение театру.

ПОРТРЕТ СВОЕНРАВНОГО ЧЕЛОВЕКА

Алла ГЕРБЕР

На пороге Нового года поступил заказ, и срочный. Я уехал в лесную глушь, в Дом творчества писателей. Должна сразу признаться, что именно в то время, когда все пишут и пишут, что хотят, когда машинки отстукивают слова и мысли с телеграфной скоростью, точно все боясь, что не успеют выговориться, я стабильно и тупо замолчала. «Что, сказать нечего?» — удивлялись коллеги. ...Помолчать немного, чтобы услышать в мощном хоре долгожданной гласности свой голос. Я самой себе напоминала немного, который потерял дар речи в результате сильного потрясения, и только новая, сильная эмоция может вывести его из состояния немоты. Предложение написать портрет режиссера Анатолия Васильева стало таким толчком: если не о нем, не в связи с ним — так о ком же?! И не потому, что он гений — кто сейчас это знает? Время покажет. А потому, что никто так не свободен от времени.

А. Васильев: «...для меня нет ничего нового в таких словах, как перемена, перестройка... театр — всегда эксперимент, но это и постоянная верность друг другу, несмотря на все трудности, которые испытывают люди».

По сути своего характера, который и есть обратная сторона его судьбы, он человек постоянной войны с каким-либо постоянством... «Мне давно хотелось все перемешать, уничтожить и забыть — все, что умею... искусство ведь начинается там, где мы расстаемся с привычным». Война со временем всегда безнадежна, но именно в этой безнадежности он черпает силу своего существования. Он раскован по характеру и образу жизни («... главное в худо-

жественном творчестве — освобождение от фальшивого храма под названием благополучие... нам так мало дано, что грех это малое проматывать»), он разрушает во имя созидания. Каждый его спектакль, а их всего семь за десять лет, протянут в будущее, но не словами и призывами, а высвобождением человека от всех пут. Каждый его спектакль — блистательная театральная игра. Единственное, во что он не играет, так это в саму жизнь, с ней он обращается жестко, ничего в ней от нас (в нас) не скрывая. И кто не боится идти за ним, кто проживает вместе с его героями смерть — доходит до самого подлинного в себе, какой бы отталкивающей эта подлинность ни была, — тот добирается до последнего акта, которого нет на сцене, но каждый истинный зритель театра Васильева обязательно допишет его для себя — на этот последний акт рассчитаны все его спектакли. «...Ушел серебряный век, а вместе с ним ушли его люди... когда я смотрю на нового человека, я вижу, что он раздвоен, его конфликт, главный конфликт не с миром, а с самим собой... Я не пользуюсь в театре таким человеком, я пользуюсь моментом созидания. В чем он? В том, чтобы уничтожить внутренний конфликт, встать над раздвоенностью, над тупиком борьбы... Я постоянно говорю: будущий человек — это тот, который может войти и выйти, умеет управлять собственным течением...»

Пишу и думаю, что получается нечто среднее между портретом и автопортретом. За этим — мое болезненное желание максимально приблизиться к человеку, которого можно отнести к типу редчайших людей, — Герман Гессе называл их своенравными. Мудрый Гессе нарисовал портрет вообще, мне же представляется возможность показать его живые черты. Герман Гессе писал, что все высокоценные людьми добродетели — это послушание по отношению к ЗАКОНАМ, которые дали люди. Только своенравный человек подчиня-

ется закону, который заложен в нем самом, — своему нраву. Мужество следовать своей судьбе — это героизм, который всегда несет в себе трагедию, ибо общество не прощает такого своеволия при жизни, зато после... Впрочем, трагедия не только в конфликте с обществом, а в постоянном — с самим собой, и в этой как бы безысходности колоссальная энергетическая сила, ибо у таких людей, как Васильев, тупик — в итоге всегда выход.

Да, своенравный человек для обывателя прежде всего эгоист, ибо он занят как бы только собственным ростом, но это мучительнейший процесс — свободно изживать собственную судьбу, пить свою чашу до дна. Вот почему все трагические неудачи Васильева на самом деле приводят к удачам, к подлинному, а не на потребу дня и моды, успеху. Для таких людей ничего не существует, кроме закона собственной судьбы. Следовать ему — это, может быть, самое трудное, но именно такие люди обеспечивают будущему — будущее. «Для меня самый главный вопрос — есть ли в нас те чувства, которые мы возьмем с собой в завтрашнее возрождение». Он их ищет, пытается с помощью сцены обнаружить. Не перенести сущее, реальное на сцену, а создать на сцене некий мир, который привел бы человека к новому чувству. «Я бы хотел назвать свою школу — начальной школой драматического искусства, то есть делать так, чтобы само по себе драматическое искусство рождало мир на сцене, художественный мир... Как рождался в раме художественный мир Пикассо и Леонардо — как бы далеки они ни были друг от друга... Может быть, это какие-то запрещенные намерения?»

Какие же мне, автору этой скромной попытки приблизиться к таинству своеволия, найти краски, чтобы максимально (по мере собственных возможностей) вскрыть сущность образа, не связывая себя чисто внешним с ним сходством? (Тут, надеюсь, мне помогут фотографии, которые и начнут, и дове-

дут мою задачу до возможного конца.)

Как передать его нерв (постоянный), его изматывающую себя и других работоспособность, его диктат над актерами, его смирение перед ними?! Как на бумаге выразить его опустошенность до и после спектакля, неудовлетворенность сделанным и мальчишескую смущенную радость, когда успех, когда получилось?! Его постоянную усталость и на старте, и на финише, которая (вот ведь парадокс!) обладает таким мощным зарядом, что не все выдерживают такую нагрузку, такую собранную в кулак требовательность (что удивительно сочетается с растерянной деликатной мягкостью), такое максималистское его служение театру? «Все предъявляют ко мне счет, но самый большой счет я предъявляю к себе — это смысл моей жизни, это тот итог, к которому должны приходить в спектакле и герои, и актеры — тут все вместе...» Какими бликами передать этот лихорадочный блеск глаз — «Толя, ты болен?». Вопрос бессмысленный и всегда его раздражающий — он действительно болен, но он всегда болен. Увы, этому вирусу мало кто подвержен. Но те, кто им заражается, кто становится рабом его «безумия», узнают, что такое свобода, ибо мучительный, изматывающий акте-

Окончание на стр. 25.

«Школа драматического искусства».

В. Славкин. «Серсо, или Мне сорок лет, но я молодо выгляжу».

Участники спектакля (слева направо): Алексей Петренко, Наталья Андрейченко, Дальвин Щербаков, Борис Романов, Альберт Филозов, Юрий Гребенчиков, Людмила Полякова.

Алексей Петренко — Кока.

Борис Романов — Ларс.

Фото Виктора БАЖЕНОВА и Валерия ПЕТЕРБУРЖСКОГО.

ЖИВОЕ ДЕЛО

Владислав ГОРОХОВ,
директор Государственного
природного национального парка
«Лесиний остров»

Успех Национальных парков США во многом определяют рейнджеры. Слово это многозначно: и не только лесник, но еще и обаятельный человек. Не случайно лесной гид — кумир американских ребятишек.

— Я — Сара Пейч, — говорит девушка, и голос ее похож на птичий щебет. — Родилась в 1803 году на ферме. Отец хотел дать образование моему брату, и потому мне пришлось пойти на фабрику. Жила в общежитии, по воскресеньям ходила в церковь... Вышла замуж. Мой муж Аизек работал на шлю-

зе — открывал и закрывал вот эти ворота. У нас было четверо детей. В 1348 году муж и старший сын спасли город от грозящего ему наводнения...

Так вас встретят в национальном парке Лоуэлла. Девушка в старинном наряде, блестят под капором живые глаза. Умом понимаете, что перед вами рейнджер. Но воспринимаете ее как свидетеля ушедших времен. Ни один из американских национальных парков не похож на другой. Но везде природа и история подается через людей, через конкретные судьбы. И равнодушных не остается.

К примеру, на месте нынеш-

него исторического национального парка. Лоуэлл было известно во всей Америке ткацкое производство. Его расцвет сменился упадком, и тогда американская общественность решила провести необычный эксперимент: полностью воссоздать историческую обстановку полуторавековой давности, создав своеобразный город-му-

зей. Идея оказалась удачной. В городе восстановилась численность жителей, все они обеспечены работой, сюда едут со всей Америки — посмотреть на действующую технику прошлого века, послушать тех, кто «жил» здесь давным-давно. По каналам ходят старинные корабли, звенят старинные трамваи, шумят старинные турбины.

вовсю стучат старинные ткацкие станки, и рейнджеры, подобные Саре Пейч, создают удивительную обстановку доброжелательности. Информация западает в память словно сама по себе, не успеешь оглянуться, а уже «просвещен». Такие уроки истории полезны подрастающему поколению — нужно видеть, как впитывают их юные американцы...

Тот же подход встречал я и в других парках. В одном из самых популярных из них, в Смоуки, на поляне, «живой» дед XIX века на глазах посетителей ловко плел свои корзины, а в окне соседнего старинного дома ткала свои коврики чистенькая старушка. Объясняли, что они работают здесь на общественных началах, а изделия их за умеренную плату можно купить в киоске.

Или, скажем, кузница. Не ярмарочный балаганчик, а настоящая кузня, на том же самом месте, где она была и сто, и двести лет назад. Когда мне вручили гвоздь с «паспортом» — старинной гравюрой, я поверил, что этому гвоздю двести лет, хотя его делали на моих глазах.

Точно так же — через человека, через конкретную судьбу — подается и природа. Узнаешь и о породах деревьев, и о строении гор, и о повадках гризли. Но здесь когда-то жили люди, всем интересно узнать, как строились их отношения с природой. Скажем, в Смоуки мы проезжали мимо прекрасного луга с коровами. Гид Рэнди Роуп сказал, что когда-то тут жили фермеры. Даже назвал их поименно, до третьего колена. После учреждения национального парка они покинули Смоуки. Но оставили несколько хозяйств, чтобы посетители смогли при желании отведать молока, такого же натурального, как в прошлом веке.

Природа и культура общения с ней взаимосвязаны. И способны показать уровень развития нации. Американские специалисты считают немыслимым теснить природу в национальном парке сооружениями, какое бы «благоустройство» территории они ни сулили. В наших молодых национальных парках еще строят дороги. У американцев — их ломают где только можно, освобождают от них землю, потому что они вредят гидрологическому режиму. Вместо асфальта — тропы и конные маршруты. Через все Аппалачи идет пешеходный тракт, и никому не придет в голову «благоустроить» его — заасфальтировать, пустить по нему автомобили...

За последнее время американцы во многом изменили понятие о благоустройстве в парках: чем незаметнее туристический комплекс, чем он меньше выделяется из природы, тем лучше. Скажем, смотровая вышка, откуда открывается захватывающий вид на Смоуки — Горы Синего Дыма. Но сейчас ничего подобного не стали бы строить, потому что главное — это «природа как она есть». «Используйте наш опыт, не повторяйте наши ошибки», — говорили мне американские коллеги. — Их труднее исправлять, чем не совершать».

И точно так же, как невозможно представить себе американского специалиста, санкционирующего строительство, нарушающее гармонию природы в парке, не могу вспомнить и ни одного посетителя, который бы вел себя на природе небрежно. Во всем Смоуки за целый день не видел ни одной брошенной бумажки, не встретил ни одной пирожковой или киоска с мороженым. Американцы любят природу, ничего не жужа, не слушая транзисторов или магнитофонов. И это в Америке, в стране, казалось бы, помешанной на технике! Я видел: стоит группа людей и слушает пение птиц. А вокруг тишина и чистота. И нет ни

наглых ворон, ни опустившихся чаек. Тишина и чистота. И пение птиц... Американцы любят говорить: «Пусть после нашего посещения природа станет еще лучше, чем была до него».

В Америке существует более тридцати видов национальных парков. Это может быть уникальная природа, как в Йеллоустоне, или поле битвы, как Антитим, или исторический национальный парк, как Лоуэлл. Есть даже национальные реки, как Буффало, объявленная национальным достоянием в 1972 году, и уже никогда никому не может прийти в голову укрощать ее плотинами или поворачивать вспять. Есть также парки, служащие искусству, как, например, Вольтроп под Бостоном, где выступают известные музыканты, певцы, танцоры, где расположена академия искусств.

Литература, посвященная национальным паркам, обширна. Издания красочны, «заразительны», рассказывают о жизни цветов и деревьев, о людях, связанных с этой природой, о зверях и птицах, о рыбах и бабочках, о том, как звенят ледяные веточки в лунном морозном воздухе где-нибудь в Вирджинии или шествует «индейское лето» по склонам Гор Синего Дыма. Такую книгу читают всей семьей, и в сознании ребенка на всю жизнь остаются ее картинки и рассказы, формирующие образ родины. Интересно, что чаще всего такие сразу узнаваемые маршруты в национальных парках остаются неизменными, такими же, какими они были встарь, и дед ведет за руку внучат, где когда-то вели его самого. Это дает сознание прочности жизни, вечности природы и человека, нации.

Особый интерес вызвал у нас как у специалистов исследовательский Центр службы национальных парков, расположенный неподалеку от Бостона. Здесь готовятся экспозиции, фильмы, учебные программы, реставрируется мебель — все это делается по заказу того или иного национального парка. В Центре работает около двухсот высококвалифицированных специалистов, к сотрудничеству привлекаются писатели, знаменитые фотографы, цвет журналистики, художники. Ежегодно государство выделяет на его нужды 15 миллионов долларов и 1—2 миллиона дают частные пожертвования, как правило, для нужд какого-то конкретного объекта.

Вот уже 68 лет существует в Америке общественная ассоциация «Национальные парки». Она насчитывает 60 тысяч членов, взнос составляет 25 долларов, годовой бюджет — 3 миллиона.

Первые национальные парки в Америке появились более ста лет назад. Общественность страны была обеспокоена хищническим, потребительским отношением к природе со стороны предпринимателей. В 1872 году специальным решением конгресса был создан первый национальный парк — Йеллоустонский — «для развлечения, отдыха и удовольствия всех людей». Конечно, и в Америке существовало традиционное понятие парка: участок земли с купами деревьев... Но, называя, например, Йеллоустон с его гейзерами и кипящими озерами парком, энтузиасты подчеркнули особую, социальную роль выделяемой ими природы — сплавлять людей, воспитывать в них чувство гордости за свою страну, за ее леса, горы, реки...

Сейчас в США более трехсот национальных парков. За прошлый год их посетили более 270 миллионов человек.

Нам удалось побывать на Капитолийском холме. Председатель подкомиссии конгресса по вопросу общественных земель, национальных парков и лесов, сенатор Дейл Бампер сказал, что «одна треть нашей земли

находится под общественным контролем. Политические симпатии конгресса могут меняться, но он всегда на стороне природы. Решение об организации национальных парков у нас принимает конгресс — высшая законодательная власть страны, — и, приняв такое решение, он до конца будет защищать интересы национальной природы, ибо не может выступить против нации, не может рисковать ее доверием. Несколько лет назад, когда я только что стал председателем нашей подкомиссии, на одно из природоохранных мероприятий нужно было выделить 35 миллионов долларов. Тогда это показалось мне сумасшествием. Но сейчас мы жалеем, что не дали тогда всей суммы, — теперь нам приходится платить в несколько раз больше, и многое мы безвозвратно потеряли». Говоря о проблемах энергетики, сенатор сказал: «Это невероятно, но компании всегда находят полезные ископаемые в самых красивых местах! Сейчас мы редко идем им навстречу, так как считаем, что наше будущее зависит не только от энергии...»

В Америке меня особенно интересовали национальные парки, расположенные в непосредственной близости от больших городов. Охранять природу в таких условиях особенно трудно. Но именно парки улучшают городскую среду. Человек, не отправляясь за тридевять земель, может восстановить физические и духовные силы, расширить свой экологический кругозор, поверить в то, что природу можно отстоять. Несколько лет назад, однако, американцы были встревожены: «Национальные парки становятся жертвой собственной популярности». Но исследования показали, что состоянию природы грозит не сам человек, а его автомобиль. Поэтому его въезд в национальные парки ограничен до минимума. А кое-где он и вовсе поставлен «вне закона».

Большой вред природе национального парка, расположенного вблизи большого города, наносит промышленность. В Америке ее нужды уже не считаются первостепенными. Там все больше понимают, что речь идет не о причудах или тех или иных вкусах, а о выживании человека. Поэтому меры принимаются самые решительные — сокращаются выбросы, перепрофилируются и выводятся предприятия, убираются от границ национального парка автомобильные дороги.

Все это могло быть справедливым и в нашей стране. Работы у нас непочатый край. Но нам добавилась еще одна приятная обязанность. И связана она с именем известного профессора с Аляски Уильяма Брауна. Мы познакомились с ним на советско-американском симпозиуме по национальным паркам, проходившем в Вильнюсе. Вместе проехали по национальным паркам Прибалтики, и сейчас у меня на рабочем столе в «Лосином острове» стоит фотография: на игрушечном юрмальском паруснике «двое в одной лодке», а на полке — книга этого известного ученого «Национальные парки Аляски» с надписью: «Товарищу Горохову от товарища Брауна».

Так вот он, автор нескольких книг, живо интересуется историей русских поселений в Америке. И в частности, судьбой знаменитого русского миссионера и просветителя Ивана Вениаминова, дом которого сейчас восстанавливается в национальном парке «Ситка». Браун обратился к нам за историческими консультациями, и мы были рады помочь нашим коллегам, поскольку в последние годы жизни Вениаминов, будучи уже митрополитом Московским, жил в Черкизове, у границы нашего национального парка. Сотрудничество в области охраны природы способно особенно сблизить людей. Помогать взаимопониманию между нашими странами.

«АКВАРИУМ»: ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

НЕМНОГИМ БОЛЕЕ ГОДА НАЗАД МЫ СООБЩИЛИ ЧИТАТЕЛЯМ «ОГОНЬКА» ОБ ЭТОМ УДИВИТЕЛЬНОМ НАЧИНАНИИ. И ВОТ ИДЕЯ СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА НА НИВЕ РОК-МУЗЫКИ ВОПЛОЩАЕТСЯ В ЖИЗНЬ: КОНТРАКТ О ВЫПУСКЕ В США ПЛАСТИНКИ БОРИСА ГРЕБЕНЩИКОВА И ГРУППЫ «АКВАРИУМ» ПОДПИСАН.

А что, собственно, произошло необычного? Одному из тысяч повезло, он вытянул счастливый билет и пребывает в ожидании начала нового этапа своей карьеры. Примиитивно рассуждая, можно делать и такие выводы. Мысля же здраво и непредвзято, есть все основания говорить: советская рок-музыка, пройдя непростой путь становления, утверждения позиций, действительно начинает привлекать к себе мировое внимание.

— Я почти убежден, это только первые шаги. Не хочу делать преждевременных прогнозов, но мне кажется, мы стоим на пороге «русской волны», способной повлиять на американскую культуру в целом. Наш музыкальный рынок, с одной стороны, пресыщен самым разнообразным и технически совершенным товаром, с другой — ему все же недостает толики искренности, открытого выражения чувств, движения души, — признавался Кен Шаффер, вице-президент компании «Белка интернейшнл», которая в качестве посредника подписала в Москве контракт между фирмой грамзаписи «Си-би-эс рекордс» и Всесоюзным объединением «Международная книга».

В конце прошлого года по приглашению «Белки» Борис Гребенщиков посетил Нью-Йорк и Лос-Анджелес. Поездка была деловой и до предела насыщенной. Советский музыкант встречался с продюсерами, известными рок-музыкантами, с теми в том числе, с кем, возможно, начнет вскоре работу над пластинкой.

— Ни разу и ни с кем, что особенно удивительно, мы не затрагивали коммерческую сторону нашего начинания, — вспоминает Борис. — Всех интересовали в первую очередь творческие моменты, и поговорить действительно было о чем. Дэвид Боуи, к примеру, готов пойти на эксперимент без всяких оговорок, и я благодарен ему за поддержку. Дебби Хари и Крис Стайн, игравшие в некогда популярной группе «Блонди», даже предоставили в мое распоряжение свою домашнюю студию. Запомнились беседы с Джорджем Харрисоном, Джулианом Ленноном, Майклом Джексоном...

Остается добавить, что часть песен на пластинке будет на русском языке, и они уже написаны. Английские тексты Борис сочиняет сам, пытаясь и в них добиться настоящей поэзии. По плану альбом должен выйти в конце нынешнего года, и фирме «Мелодия» будет предоставлено право отпечатать необходимый тираж для распространения в Советском Союзе.

Пожелаем удачи музыканту и наберемся терпения.

Владимир КОВАЛЕВ

23 МАРТА ИСПОЛНИЛОСЬ БЫ 80 ЛЕТ
ЛЕГЕНДАРНОМУ ЛЕТЧИКУ
АНАТОЛИЮ ВАСИЛЬЕВИЧУ ЛЯПИДЕВСКОМУ.
В ЭТОТ ДЕНЬ В ОДНОЙ ИЗ КВАРТИР БОЛЬШОГО
ДОМА НА СУВОРОВСКОМ
БУЛЬВАРЕ, ПОСТРОЕННОМ В ДУХЕ
ХАРАКТЕРНОЙ АРХИТЕКТУРНОЙ
СТИЛИСТИКИ 30-х ГОДОВ
И ИЗВЕСТНОГО У МОСКВИЧЕЙ ПОД НАЗВАНИЕМ
«ПОЛЯРНИК», ДВЕ РУССКИЕ ЖЕНЩИНЫ,
ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА
И АЛЕКСАНДРА АНАТОЛЬЕВНА ЛЯПИДЕВСКИЕ,
ПРИГУБИЛИ, НЕ ЧОКАЯСЬ, ВИНО ИЗ БОКАЛОВ,
ЧТОБЫ ПОЧТИТЬ ПАМЯТЬ МУЖА И ОТЦА,
КОТОРЫЙ БЫЛ ДЛЯ НАШЕЙ СТРАНЫ
ГЕРОЕМ СОВЕТСКОГО СОЮЗА № 1.
СУДЬБА ЛЯПИДЕВСКОГО БЫЛА НЕ
БЕЗОБЛАЧНА,
КАК ЭТО МОЖЕТ ПОКАЗАТЬСЯ НА ПЕРВЫЙ
ВЗГЛЯД. ЖИТЕЙСКИЕ ВИХРИ
ТРЕПАЛИ ЕГО ВСЮ ЖИЗНЬ ПОРОЙ ПОЧИЩЕ
ЛЮБЫХ ПОЛЯРНЫХ ВЕТРОВ.
НО ГЕНЕРАЛ ЛЯПИДЕВСКИЙ
ДОСТОЙНО ПРОШЕЛ СВОЙ ПУТЬ.
РАССКАЗЫВАЯ О НЕМ, МЫ ОТДАЕМ ДАНЬ
МУЖЕСТВУ И БЛАГОРОДСТВУ ЭТОГО ЧЕЛОВЕКА,
КОТОРЫЙ БЫЛ НАСТОЯЩИМ КОММУНИСТОМ,
ПАТРИОТОМ СВОЕЙ РОДИНЫ.

ЧТО МЫ ЗНАЕМ О ЛЯПИДЕВСКОМ?

Александр БОЛОТИН,
спец. корр. «Огонька»

В тихий зимний полдень подъезжаю к подмосковному военному аэродрому, где бурлит и клокочет суровая музыка авиационных моторов и в морозном мареве мягко проплывают низко над землей силуэты идущих на посадку тяжелых самолетов, где уходят за горизонт строго вычерченные пунктиры сигнальных огней и неустанно вращаются ажурные лепестки громадных антенн. Там, на кромке летного поля, в стороне от взлетных полос, словно серебряные птицы, дремлют в музее тишины самые разнообразные конструкции летательных аппаратов, созданные волей и разумом Советской страны за всю историю своих Военно-Воздушных Сил. Прохожу по залитой солнцем снежной равнине мимо изящных реактивных истребителей, которые еще недавно,

прежде чем стать музейными экспонатами, составляли мощь и гордость нашей авиации, чьи распластанные крылья и твердые «клювы» фюзеляжей эпохотворят сверхзвуковую экспозицию увидеть неуклюжий цельнометаллический моноплан, построенный из кольчугинского алюминия по чертежам тогда еще молодого конструктора Туполева, самолет, на котором совершил свой подвиг Анатолий Васильевич Ляпидевский.

...Как наивен и печально прост профиль этой несомненной машины.

Помнится, лет пятнадцать назад, беседуя со знаменитым Папаниным, задал ему банальный журналистский вопрос: «А не мешала ли вам в жизни популярность?» В своей привычной манере Иван Дмитриевич отвечал: «Видишь ли, браток, когда в тридцатые годы я выходил из дома на старом Арбате, где сейчас магазин «Диета», за мной бежали добрых три десятка мальчишек, которые кричали: «Папанин идет...» «А что сейчас?» — очевидно, не очень тактично продолжал

я расспросы. «Сейчас? — на секунду задумался мой собеседник, — сейчас, наверное, мальчишки постарели...»

Может быть, сам того не подозревая, Папанин очень точно передатчик колоритного времени. Бежали не только мальчишки — бежали взрослые... Души распахнуты, разговаривали, жестикулируя, пели, не стесняясь, громко, прямо на улицах, раскрепощенность и непосредственность каждого — норма! Как в калейдоскопе мелькают кадры кинохроники тех дней — помпезно снятый «Марш энтузиастов» во всю ширь Красной площади из кинофильма «Цирк», первые спортивные праздники на стадионе «Динамо», двухэтажные троллейбусы на улице Горького, устремленная в небо игла нового речного вокзала в Химках...

Мы не то чтобы постарели — с годами стали сдержанней, холоднее, рассудительнее... Жизнь открыла на многое глаза, научила понимать, как сложен и неоднозначен был путь ее неизданных и необдуманных. Она же рассеяла изначальную восторженность и слепое поклонение мнимым идеалам. Жизнь отрезви-

ла... Но есть события, не отделимые от 30-х годов, которые относятся к святым страницам нашей истории.

...В одной из них удивительным образом переплелись беспомощность и величие человека в извечном споре со стихией.

Челюскинская эпопея отодвинулась на дальний рубеж памяти, приобрела хрупкость архивного документа, стухала за дымкой времени. А ведь это была большая трагедия большого государства. О ней заговорил весь мир. Действие трагедии разворачивалось не на тихой акватории южных широт, а в разгар зимы за Полярным кругом, в восточном секторе от Арктики примерно в 150 километрах от берегов Чукотки.

КАК ЭТО БЫЛО

16 июля 1933 года только что сошедший со стапелей Копенгагенской верфи пароход «Челюскин» вышел из Ленинградского порта и в обход Скандинавского полуострова направился в плавание по Северному морскому пути. Это была вторая после «Сибирякова» плановая экспедиция вновь созданного Главного управления Северного морского пути, которое возглавлял известный полярный исследователь Отто Юльевич Шмидт. Экспедиция преследовала цель проверить возможность плавания грузовых пароходов по крайне сложной северной трассе, изучить ледовую проводку. На борту судна находилась большая группа полярников, некоторым из них предстояло сменить своих товарищей на зимовках. Среди пассажиров — годовалая Алла Буйко и совсем крохотная Карина Васильева, родившаяся на пароходе в августе, когда он находился в Карском море.

«Челюскин» был в известной степени комфортабельным пароходом, но никак не приспособленным для плавания в жестких арктических условиях. С наступлением зимы, при первой же встрече с ледовыми полями, он получил серьезные повреждения. Затем в ноябре «Челюскин» смерз в большую льдину, с которой вывел дрейфовало несколько месяцев — его то выносило в Берингов пролив, то загоняло обратно в Чукотское море... 13 февраля 1934 года во время особенно сильного сжатия пароход затонул. На дрейфующий лед сошло 104 человека, в том числе десять женщин и двое детей. Последними покинули судно Отто Юльевич Шмидт и капитан парохода Владимир Иванович Воронин. Один человек — завхоз Борис Могилевич — при высадке погиб. В ближайший населенный пункт — поселок Уэлен на мысе Дежнева — ушла первая радиограмма радиста Эрнста Кренкеля с координатами места аварии.

На следующий день о происшествии узнала Москва. Срочно создается правительственная комиссия по спасению попавших в беду. Во главе ее заместитель Председателя Совета Народных Комиссаров СССР В. В. Куйбышев. Принимаются экстренные меры... Попытки пробиться на собачьих упряжках к тому времени название «Лагерь Шмидта», заканчиваются безрезультатно — вся надежда на авиацию. Из Москвы во Владивосток по железной дороге направляются два дирижабля. Лучшие полярные летчики Маврикий Слепнев и Сигизмунд Леваневский, которые уже летали на Аляску, срочно направляются в Америку, чтобы купить там самолеты для вызволения челюскинцев. Из Красноярска во Владивосток экспрессом спешит полярный летчик Василий Молоков. В Хабаровский аэропорт прибывает со своим самолетом «Ю-13» сибирский летчик Иван Доронин. Из Москвы на восток торопится Михаил Водопьянов...

Запад чувствует русским, но Запад не верит, что спасение возможно. «Приятные до сих пор меры по спасению челюскинцев, — пишет берлинская

«Фелькишер Беобахтер», — проводят слишком поспешно и без плана... Самолеты отправляются на верную гибель, их ждет обледенение... Каждая посадка является риском и зависит от счастливой случайности». Шмидта заочно оплакивает датская «Политикен»: «На льдине Отто Шмидт встретил врага, которого никто еще не мог победить. Он умер как герой, человек, чье имя будет жить среди завоевателей Северного Ледовитого океана». Им вторит чехословацкая «Прагер-Пресс»: «Быстрое спасение при помощи самолетов невозможно не только потому, что в таких отдаленных местах никогда не бывает достаточного числа необходимых самолетов, но и потому, что время года противодействует полетам: туманы, метели, сильные ветры...»

Примерно за год до описываемых событий двадцатипятилетний военный летчик Анатолий Ляпидевский демобилизовался и получил назначение на работу в гражданскую авиацию на Дальний Восток. Почему молодой способный авиатор был вынужден уйти из армии, мы расскажем позже, а пока представим его в роли «воздушного извозчика», совершающего регулярные рейсы с пассажирами и почтой по оборудованной трассе из Хабаровска в Александров-Сахалинский или на северную оконечность острова в Оху, где находились нефтепромыслы. Человек по своей натуре азартный, все время нацеленный на новые неожиданные впечатления, пилот, естественно, быстро заскучал на привычной, облетанной «от куста до куста» воздушной линии. Результатом этого стал рапорт с просьбой зачислить его на службу в Главсевморпуть и направить в летную экспедицию на Чукотку. Местом работы Ляпидевского стал Крайний Север. Здесь и стало его известие о случившейся трагедии.

Вот как описывает это в своей книге «Друзья в небе» Герой Советского Союза Михаил Васильевич Водопьянов: «...13 февраля 1934 года Ляпидевский, сидя на койке в камере начальника культбазы в бухте Лаврентия, брел на гитаре, когда ворвался обледеневший с головы до ног снегом начальник контрольно-пограничного пункта Небольсин. Размахивая радиограммой, он кричал:

— «Челюскин» утонул! Сто четыре человека высадились на льдину!

На следующий день радист бухты Лаврентия принял приказ из Москвы: «Принять все меры к спасению экспедиции и экипажа «Челюскина».

...А за дощатой стенкой барака, где размещалась культбаза, какой день бушует пурга. Даже на собаках нельзя ехать, не то что лететь. Только 18 февраля ветер резко стих. Перелетев в Уэлен, Ляпидевский начинал регулярные рейсы в поисках лагеря Шмидта. Каждый из них сопряжен со смертельным риском. До 4 марта им совершено 28 таких полетов, но обнаружить лагерь не удается.

Из ледового лагеря на Уэлен радируют: после очередного сжатия льдов обломана подготовленная для принятия самолетов взлетно-посадочная полоса, новый аэродром имеет размеры всего 150 на 450 метров. Встает вопрос: сможет ли «АНТ-4» приземлиться на такой крохотной площадке. Ляпидевский тут же «проигрывает» взлет и посадку на прибрежном льду, и эта импровизированная репетиция придает ему силы. Остается сделать решительный шаг. 5 марта в ясный, безоблачный день в воздух поднялись четверо: командир самолета А. Ляпидевский, второй пилот Е. Конкин, бортмеханик М. Руковский и штурман Л. Петров.

Бывших челюскинцев ныне мало осталось в живых. Но один из них — тогдашний механик парохода Александр Ервандович Погосов, в шутку прозванный комендантом ледового аэродрома, — и сейчас бодр, энергичен, сохранил до сих пор живую, ясную па-

мять. Мы беседуем в его московской квартире на улице Гарибальди. За окном рисует узоры нынешняя зима, а перед глазами встают события более чем полувековой давности.

— Аэродром мы начали устраивать на следующий день после высадки на льдину, — рассказывает Погосов, — в пяти километрах от лагеря подобрали более или менее подходящую площадку. Там я и жил в палатке, громко именуемой «аэровокзалом». Утром 5 марта радистка из поселка Уэлен Людмила Шредер сообщила, что самолет Ляпидевского направляется к нам. Было ясно, но холодно — свыше 40 градусов мороза. По плану на аэродром должны были быть подтянуты пассажиры — я слушал небо и ждал появления людей.

Самолет Ляпидевского появился неожиданно. Он сразу же пошел на снижение и достаточно четко приземлился на узкий пятачок. Выпрыгнувший летчик был весь запорошен, пыжиковая маска срослась ледяными струями — сказывался более чем двухчасовой полет в открытой кабине, сказывалось нервное напряжение. «Где люди?» — вместо приветствия кричал он. Людей не было. Позже выяснилось, что на пути пассажиров раздвинулась широкая полынья, пришлось возвращаться в лагерь за шлюпкой.

Вместе со своими товарищами по аэродромной команде начали разгружать самолет — аккумуляторы, тушу оленя, кирки, ломы, лопаты. Здесь подоспели челюскинцы. Впереди степенно шел Шмидт. «Теперь я верю, что мы будем спасены», — услышал я его слова, обращенные к Ляпидевскому.

Начиналась погрузка пассажиров. Женщины, закутанные с ног до головы, поднимали на высокий борт «АНТ», как кули с песком. Зрелище было малоэстетичное, но другого выхода не было. Операцию погрузки снимал кинооператор Шафран. Потом ему здорово досталось от слабой половины экипажа.

Наконец все было готово к отлету. Ляпидевский простился со всеми и поднялся в кабину самолета. Машина сделала короткий разбег и ушла в небо. Вслед ей мы кричали, махали руками. У многих в глазах стояли слезы. Предстояло провести на льдине еще немало дней, но начало было положено. Радости нашей не было предела.

Как известно, совершив еще несколько попыток подлететь к льдине, самолет Ляпидевского потерпел аварию. Экипаж совершил вынужденную посадку и застрял на чукотском зимовье. Но на Ванкарем, куда с Уэлена была перенесена основная спасательная база, уже сажались на легких «Р-5» его товарищи С. А. Леваневский, В. С. Молоков, Н. П. Каманин, М. Т. Слепнев, М. В. Водопьянов, И. В. Доронин. Они и завершили начатые работы. «Лагерь Шмидта», два месяца существовавший на дрейфующей льдине, наконец был покинут последним челюскинцем. А 17 апреля 1934 года «Правда» опубликовала постановление ЦИК СССР об установлении высшей степени отличия — звания Героя Советского Союза. Первыми этого звания была удостоена «великолепная семерка».

ЗВЕЗДНЫЙ ЧАС

Так уж получилось, что никогда не был знаком с Анатолием Васильевичем, даже ни разу не видел его в жизни, хотя журналистские дороги частенько пересекались с его друзьями и соратниками, такими же знаменитыми авиаторами и полярниками, как он. Пишу об этом честно потому, что где-то здесь мой минус, но где-то и плюс. Открывал Ляпидевского и время, в которое он жил, для себя заново, старался прочесть как можно больше о нем, беседовал с его вдовой и дочерью, задавал вопросы людям, которые были с ним тесно связаны. И вдруг неожиданно для себя обнаружил, что как раз изве-

стно о первом Герое крайне мало. Нет, на количество газетных и журнальных публикаций жаловаться грех — их множество. Другое дело, что написаны они все, как правило, о тех эпизодах, которые касались челюскинской эпопеи. А что дальше? Ведь свой подвиг Ляпидевский совершил, когда ему было 26 лет, а ушел из жизни в возрасте 75. Что мы знаем об отрезке времени между этими цифрами? Или, к сожалению, как и многие, стал героем «свадебным генералом» — непременно «атрибутом» пионерских слетов или других торжественных мероприятий? Что греха таить, сколько получивших в молодости известность умудрялись всю жизнь стричь купоны с ранней славы. Скажу сразу: к Ляпидевскому это не имеет никакого отношения. Он учился, чего-то достигал, в чем-то ошибался, но плодотворно трудился до конца своих дней.

Случайно мне удалось обнаружить магнитофонные записи, где Анатолий Васильевич рассказывает о том, что происходило сразу после спасения челюскинцев, как чувствовала их вся страна... Наверное, это был «звездный час» его жизни, хотя повествует он о тех днях так, будто с легкой усмешкой рассматривает самого себя со сторон.

Рассказывает А. В. Ляпидевский:

— Пароход «Смоленск» подходит к пирсу Владивостокского порта. На его борту все челюскинцы и экипажи самолетов, принимавших участие в их спасении. Позади Камчатка, мыс Лопатка, берега Японии... В узком проливе Лаперуза в густом тумане чуть не столкнулись с японским судном. Винават был наш капитан. Но поскольку тогда все, в том числе и японцы, были настроены торжественно, скандала никто не учинил. Простили...

На подходе к бухте Золотой Рог навстречу вышли торпедные катера, военные корабли, в небе появились гидросамолеты... Когда «Смоленск» пришвартовался, увидели, что весь город вышел нас встречать, повсюду играли оркестры, публика размахивала флажками. Тут же состоялся митинг, пришлось выступить. Потом я выступал каждый раз, охрип, отказывался, но все равно заставляли говорить.

Поселили нас всех в отеле «Версаль», сейчас эта гостиница в память о тех днях называется «Челюскинец». Начались торжественные банкеты... а мне что-то грустно стало и захотелось вернуться опять на Север. Я заявил об этом секретарю обкома и Боброву — заместителю Шмидта (сам Шмидт еще лечился на Аляске): мол, погуляли и хватит, пора обратно возвращаться. «Нет», — ответили мне, — обратно никто не поедет, потому что есть правительственная телеграмма от Куйбышева, чтобы всех челюскинцев доставить в Москву».

Подали нам специальный состав, паровоз украшен цветами, один международный вагон выделили для летчиков — Героев Советского Союза и руководителей челюскинской экспедиции. Отправились в дальний путь. Это была триумфальная поездка, грешным делом, раньше думал, что мы нормальные вроде люди, а здесь как будто бы стали неземными. По пути все станции украшены гирляндами цветов, картинами с портретами «Бороды», т. е. Шмидта, изображением ледяных полей, обломков корабля, белых медведей и самолетов. Снова митинги, оркестры играют, люди выносят угощение — пироги, сибирские пельмени, жареные поросята... Снова приходилось выступать и днем, и утром на рассвете, и ночью...

19 июня 1934 года прибыли в Москву. Состав подали к Белорусскому вокзалу, здесь нас встречал Куйбышев. Такого скопления людей никогда в жизни не видел. Милиционеры все в белых пробковых шлемах, в воздухе листовки летают, повсюду транспаранты с приветствиями. По живому люд-

скому коридору направились к Красной площади.

Когда нас построили — летчиков и руководителей экспедиции, — а челюскинцы расположились у подножия Мавзолея, из Никольских ворот вышли Сталин, Молотов, Ворошилов, Постышев, Чубарь, Орджоникидзе, Микоян и другие члены правительства. Подошли к нам, поздоровались с каждым. Сталин жестом пригласил пройти на трибуну Мавзолея. Мы запротестовали — вроде, мол, неудобно впереди вас. А он по плечу меня похлопал и говорит: «Ничего, мы каждый раз здесь стоим, и нас все видят и все знают, теперь пускай вас все видят и все знают». Так мы и стояли впереди правительства, пока проходила демонстрация.

Пришел Горький. Долго расспрашивал челюскинцев, трудно ли было на льдине, сморкался, вытирал слезы, брал девочек на руки, целовал их — очень расчувствовался. Потом поднялся к нам на трибуну, сказал: «Какие героические люди, сколько они пережили, какая прекрасная тема для романа...» Сталин заметил: «Вот ты и напиши его...» «Да нет», — ответил Горький, — мне уже поздно, не успею...»

Поселили нас в Москве в «Гранд-отеле», жил я в первом номере, как сейчас помню. Председателем Моссовета тогда был Булганин, он дал распоряжение, чтобы нас бесплатно кормили, оказывали прочие услуги... На 23 июня было назначено вручение наград. Собрались в Кремле. Секретарь президиума ЦИК СССР Енукидзе зачитал постановление: «за подвиги...» и так далее, как принято в таких случаях... присвоить звание Героя Советского Союза Ляпидевскому Анатолию Васильевичу... Михаил Иванович Калинин пригласил меня к столу, пожал руку и бросил такую фразу: «Начнем с вас, товарищ Ляпидевский...» Чуть позже я понял ее смысл. Потом подходили к столу мои товарищи, всех челюскинцев наградили орденом Красной Звезды. Нам прикрепили ордена Ленина, а Золотая Звезда была учреждена только в 1939 году.

Когда выходили из Кремля через Спасские ворота, Кренкель обратился ко мне: «Дай, Толя, посмотри, что за грамоты вам дали, может быть, я тоже буду Героем Советского Союза». «На, посмотри», — отвечаю, — чем черт не шутит, пока бог спит». Взял он грамоту, внимательно ее обследовал и говорит: «Вот видишь, потом много будет героев, сотни, тысячи, а у тебя, Толя, номер 001. Больше первого героя не будет...»

На следующий день в Георгиевском зале Кремля состоялся прием по случаю нашего награждения. Были все челюскинцы, родственники, без моего ведома привезли с Кубани мать и брата Александра. И здесь произошел такой эпизод. Наш стол стоял в центре, прямо напротив президиума. Первым поднялся Куйбышев. Он провозгласил тост в мою честь, «наговорил» мне много дифирамбов, все зааплодировали и выпили. Я поблагодарил, как полагаются... Сидим мы вместе с Васей Молоковым, я ему потихоньку говорю: «Мы потом выпьем у себя в «Гранд-отеле», а сейчас давай налегать на минеральную водичку, чтобы не дай бог конфуза не вышло...» Так мы и сделали.

Сидим, пьем воду и тут обратили внимание, что несколько хлебных шариков летят на наш стол. Вижу, Ворошилов строго пальцем грозит в мою сторону, но при этом улыбается. Думаю, что такое, в чем мы провинились?

И вдруг поднимается из-за стола Сталин и направляется прямо ко мне. В руках у него бутылка с вином и большой бокал. Подошел, остановился рядом. Мы, естественно, вскочили, вытянулись в струнку. А он говорит: «Раз торжество, так надо пить не нарзан, а вино... Пью за ваше здоровье!» Обернулся назад, сзади челюскинцы, все тянутся к нему чокнуться. А он стоит

с бутылкой в руках... Я забеспокоился: «Как же так, Иосиф Виссарионович, а вы из чего будете пить?» «Ничего, я из бутылки выпью...» И действительно, шутливо приложился к горлышку. Потом приблизился ко мне и с улыбкой говорит: «У вас, товарищ Ляпидевский, отец был поп, и у меня отец был поп... Если будет необходимость, обращайтесь непосредственно... к товарищу Сталину...» И пошел за стол правительства.

...Вот и ответ на вопрос, почему тогда, в 1933 году, Ляпидевский оказался на Дальнем Востоке. Мандатные комиссии 30-х годов работали въедливо и педантично. Кто-то, очевидно, засомневался, может ли быть военным летчиком сын учителя церковноприходской школы из кубанской станицы. Вот почему так неожиданно оборвалась его военная карьера.

А «звездный час» Анатолия Ляпидевского продолжался. В Ленинград героев-челюскинцев лично пригласил Киров. До конца своих дней Анатолий Васильевич вспоминал многотысячный митинг на Дворцовой площади, пламенную речь вожака питерского пролетариата, толпы людей на набережных Невы, гулянья по городу во время белых ночей... Запали навсегда в сердце задушевные беседы с Сергеем Мироновичем. Шел июнь 1934 года... До злодейского выстрела в Смольном оставалось пять месяцев.

Когда после всех торжеств его спросили, куда бы он хотел поехать отдыхать, Ляпидевский вспомнил, как в Севастополе, где он учился в школе морских летчиков, случайно подслушал разговор беспризорников: те жаловались, что в Крыму стало уже холодно и надо подаваться куда-то в более теплые края. Тогда же он узнал, что где-то на Кавказе есть такое место — Гагра. Название ему очень понравилось...

На Кавказ с путевкой в санаторий ехал инкогнито на верхней полке. Но уже перед Тулой по составу побежал уполномоченный, громко выкрикивая: «Телеграмма товарищу Ляпидевскому...» Раз пробежал, другой... Хотел не признаваться, но жалко стало человека. И понеслось... Снова митинги в Туле, Батайске, Ростове... В Гаграх попал в объятия самого председателя ЦИК Абхазии товарища Лакобы. Вкусил досады местного гостеприимства. В Москву вернулся скорее уставший, чем отдохнувший. Твердо про себя решил: хватит митинговать — надо учиться.

На поданном рапорте о приеме в Военно-воздушную инженерную академию им. Н. Е. Жуковского Ворошилов наложил резолюцию: «Проверить знания тов. Ляпидевского, если подготовлен — принять, если не подготовлен, подготовить и принять».

ПОСЛЕ БАЛА

Есть довоенный снимок Виктора Тёмина. На нем — пианист Яков Флиер, старейшая актриса МХАТа Ольга Леонардовна Книппер-Чехова, величественный Москвин, молодой лобастый Шолохов, мудрый Михоэлс и два летчика — Валерий Чкалов и Анатолий Ляпидевский. На лицах всех один свет — одухотворенность.

Ляпидевский был красивым, всесторонне одаренным человеком. Многие считают, что в его натуре странным образом уживались природная, несколько шумная артистичность и несуетная деловитость мастерового, которого хлебом не корми, только дай разобрать какой-нибудь мотор. Очевидно, впитанная с детства страсть к технике, о которой он любил рассказывать, предопределила его выбор инженерного факультета. Естественно, после окончания Академии пришлось оставить штурвал и целиком уйти в самолетостроение.

Его уважали выдающиеся авиаконструкторы нашего времени — Андрей Николаевич Туполев, Павел Осипович

Сухой, Артем Иванович Микоян. В нем они видели надежного инженера-практика, на личном опыте постигшего принципы воздухоплавания. К тому же ледовая школа Чукотки выдала ему в свое время аттестат человеческой прочности. Он был готов ко многому. В послужном списке Ляпидевского после окончания Академии сразу руководящие должности в наркомате авиационной промышленности, в знаменитом ЦАГИ — Центральном аэрогидродинамическом институте. В те годы молодой инженер назначается директором крупного авиационного завода.

Некоторое время назад мне довелось беседовать с генерал-лейтенантом медицинской службы Николаем Михайловичем Рудным, интересным человеком и собеседником. Судьба свела его с Ляпидевским в 1942 году на Карельском фронте — военврач боевого авиационного полка и начальник полевого ремонта 7-й воздушной армии жили на аэродроме в одной землянке, остались друзьями после войны.

— Он не умел быть иным, кроме как самим собой, — вспоминает военные годы Ляпидевского Николай Михайлович. — В этом было его обаяние. Мог с русской широтой распахнуть перед каждым душу, не потеряв при этом ни грана собственного достоинства, оставаясь ненавязчивым, сдержанным, предельно интеллигентным. Это был очень искренний человек и очень скромный. Тогда я был значительно моложе его. А что значит жить рядом с Героем Советского Союза, к тому же первым? Армия есть армия, субординацию никто не отменял. Но Анатолий Васильевич с первого дня дал понять: «Крылышек у меня за спиной нет, я не ангел, скорее наоборот... Так что обойдемся без лишнего крючкотворства».

— Воевал он старательно, до самозабвения, — продолжал генерал, — на его плечах лежала забота о «здоровье» сотен машин, готовых по первому сигналу тревоги ринуться в небо. А что такое ремонт сложной техники в условиях полевых аэродромов — может понять только искушенный в авиации. Кроме того, воевать приходилось в условиях Заполярья, но и здесь Анатолий Васильевич уже давно был с Севером на «ты». Гордился, когда в приказах Верховного отмечались наши летчики, которые поддерживали с воздуха войска, освобождавшие Петрозаводск, Медвежьегорск, громившие фашистов в северных районах Кольского полуострова.

...После войны к подъезду на Суворовском бульваре за ним подъезжает вальжный «ЗИС-110» — Ляпидевский растет по службе. Теперь он главный контролер Госконтроля СССР. А в феврале 1949 года назначается заместителем министра авиационной промышленности СССР. Все складывается лучшим образом, стрелка барометра его жизни твердо стоит на «ясно». К тому же подрастает сын Роберт. Свое имя он получил в честь известного поллярного путешественника адмирала Пири.

В это время отмечается еще одна приятная для него дата — 15-летие учреждения звания Героя Советского Союза. Домой к Ляпидевским приезжает фотокорреспондент «Огонька» Алексей Гостев. Чтобы сделать большой цветной снимок, требует парадного облачения. Анатолий Васильевич неохотно влезает в новый генеральский мундир, сшитый по установленному тогда образцу — широкий внахлест китель, высокий расшитый галунами стоячий ворот, крупные объемные пуговицы в виде герба, — и сразу становится неузнаваемым. Ляпидевский ворчит, пытается доказать, что подобная манера сниматься ему не свойственна, но в конце концов подчиняется — с прессой он всегда дисциплинирован.

16-й апрельский номер «Огонька» 1949 года выходит в конце месяца. На цветной вкладке — роскошный, не-

С Б. И. Россинским. 1970 г.

Асы из асов (слева направо) — Владимир Коккинаки, Анатолий Ляпидевский, Сигизмунд Леваневский (снимок начала 30-х годов).

сколько надменный генерал, весь увешанный орденами и медалями. Подпись под снимком гласит: «Герой Советского Союза, заместитель министра авиационной промышленности, генерал-майор авиации, получивший Золотую Звезду Героя № 1». И тут происходит что-то непонятное...

Вот как рассказывает об этом верный спутник по жизни Ляпидевского Ирина Александровна:

— 29 апреля Анатолий Васильевич должен был выступать на торжественном предмайском собрании в клубе авиационного завода. Обещали хороший праздничный концерт, и я решила поехать с ним. Когда уже заканчивали сборы, раздался неожиданный телефонный звонок. Звонил тогдашний министр авиационной промышленности М. В. Хруничев. Я видела, как лицо Ляпидевского побледнело и он тяжело опустился на стул. Мне стало известно содержание разговора. Министр сказал: «Ничего не могу понять, Анатолий Васильевич, но приказом вышестоящих инстанций ты снят с должности». Когда прошло минутное оцепенение, осторожно спрашиваю: «Толя, наверное, надо отложить выступление...» Помолчав, он ответил: «Зачем, Ира, портить людям праздник, меня же ждут...»

И мы поехали. О случившемся, очевидно, знали только несколько человек, и то на самом верху. Ляпидевского представляли как нового замминистра, ведь со времени вступления его в должность прошло всего чуть более двух месяцев, его поздравляли, приглашали отметить праздник. Я видела, с каким трудом ему это дается, но он был ровным, веселым, приветливым...

Что же произошло? Недоразумение исключалось... Поводом для снятия

его с работы, на которую назначили совсем недавно, мог бы быть только чрезвычайный случай. Но такого не было... Значит, каприз «Всевышнего»? Зная характер и нравы того человека, что решал тогда все, друзья могли предположить, что сильнейшим «раздражителем» для него мог стать как раз тот злополучный снимок в «Огоньке». Но, конечно, сейчас об этом можно только догадываться.

Анатолий Васильевич остро переживал случившееся. Два месяца не выходил из кабинета, никого не хотел видеть, не отвечал на телефонные звонки. Думал... Безусловно, он помнил пятнадцатилетней давности разрешение Сталина обращаться в случае чего непосредственно к нему. И в то же время прекрасно понимал, что вопрос об отстранении его от должности не мог решаться без Самого.

Когда немного отошел, еще находил силы слегка подшучивать над собой: «Ишь ты, ухватил бога за бороду...» Но в тот год в нем что-то надломилось. Во всяком случае, когда спустя несколько лет ему снова предложили достаточно высокую должность, он решительно отказался.

Ляпидевский перешел в другую отрасль, связанную с созданием новой оборонной техники, ушел с головой в работу, мотался в командировки по

дальним полигонам. Домашние помнят, что иногда возвращался с орденом — по солдатской привычке опускал его в стакан с водкой... В той отрасли награды вручались без лишнего шума. А ведь только в течение пятидесятих годов он был дважды награжден орденами Ленина.

И все-таки ему в жизни было суждено снова вернуться в авиацию. Весной 1962 года Анатолий Васильевич уволился в запас. И здесь поступило приглашение Артема Ивановича Микояна работать в его фирме. Ляпидевский согласился. Здесь до конца своих дней он ведущий конструктор.

Трудно предполагать, что все эти годы он занимался самой высокой конструкторской деятельностью, отвечавшей его масштабам. Более того, думаю, что в силу определенных сложившихся обстоятельств Анатолий Васильевич до конца не выработал свой жизненный потенциал. Может быть, его мучила та давняя обида, может быть, еще что-то... Но вот что рассказывает в прошлом заслуженный летчик-испытатель Герой Советского Союза, а ныне лауреат Ленинской премии Григорий Александрович Седов:

— Ляпидевский был неутомимый труженик, всегда максимально полезен, мог неожиданно вмешаться в какой-то сложный процесс, подсказать неожиданное решение... А как все его любили... Скольким людям он помог, во сколько принимал участие. И тем, что он у нас работал, гордились все — от вахтера до рабочего, от рядового инженера до Генерального конструктора.

С места работы Ляпидевский обычно шел домой пешком через весь город в любое время года. Приходил на Суворовский бульвар взмыленный, переодевался, принимал душ, спрашивал о здоровье внуков. Иногда с зятем забирались на кухню и пели вполголоса под гитару любимую: «Ваше благородие, госпожа удача...» Раз спросил у зятя, своего тезки: «Толя, как ты думаешь,

госпожа удача была ко мне добрая или «совсем иначе». И, не дожидаясь, сам ответил на свой вопрос: «Добрая, только добрая...»

Исполнитель главной роли в фильме «Белое солнце пустыни» народный артист РСФСР Анатолий Кузнецов — муж единственной дочери Ляпидевских Александры. По негласному уговору между домашними подробность эта не рекламировалась, о ней мало кто знал, хотя Анатолия-старшего и Анатолия-младшего связывала настоящая мужская дружба. Только однажды «секрет» случайно открыл летчик-космонавт Алексей Архипович Леонов. Приехав как-то после просмотра «Белого солнца пустыни» с режиссером Владимиром Мотылем на квартиру Анатолия, к тому времени они с Александрой давно жили отдельно от родителей, он, увидев большую фотографию Ляпидевского, спросил: «А ты его откуда знаешь?» «Это мой тесть». «Ну, ты и даешь», — буркнул Леонов, — а почему мы этого не знаем?»

Космонавты относились к Ляпидевскому с трогательным почитанием. Особенно Гагарин. Думаю, что в судьбах этих людей есть не только много общего, — их связывает нечто, освещенное смыслом исторической закономерности. Гагарин родился именно в тот год, когда Ляпидевский спасал челюскинцев. У обоих было суровое несytное детство, к тому же опаленное войной: Юра Гагарин босыми мальчишескими пятками протопал по оккупированной фашистами смоленской земле, одиннадцатилетний Толя Ляпидевский подавал пулеметную ленту матросам, отбивавшимся от налетевшей на станицу белогвардейской банды. Обоих вывела в люди Советская власть, обоим помогла обрести крылья. Оба всей своей жизнью были «заряжены» на подвиг во имя Родины. Оба его совершили, оба первыми. Память об обоих — святое достояние нашей истории.

Было бы наивно полагать, что и вокруг Гагарина не было недоброжелате-

лей и завистников. Так уж устроен мир, что рядом с красивым здоровым цветением обязательно гнездится колючая сорная трава. Но Гагарин был защищен от мелких интриг и дурных наветов не только силой своего великого человеческого таланта, не только поистине вселенским авторитетом, но и временем, в которое он жил. Ляпидевскому такой защиты не хватало.

— Его звезда за № 1 многим не давала покоя, — горячился в разговоре со мной известный полярный летчик Герой Советского Союза генерал Илья Павлович Мазурук, — бюрократы, далекие от неба, так и не поняли, что же такое он совершил. А ведь в 1935 году сенат Соединенных Штатов Америки после аварии Маттерна и гибели американского летчика Вилли Поста вынес решение запретить все попытки форсировать самолетами ледяные пространства Арктики, хотя американцы имели машины более надежные. Среди нас, дальневосточных авиаторов 30-х годов, Ляпидевский считался штучным (т. е. несерийным) летчиком, в авиацию был влюблен по-рыцарски, как Ромео в Джульетту. Уверен, что в нашей истории он заслуживает более достойной памяти. В конце концов надо вернуть Родине героев, имена которых постепенно предаются забвению.

Возможно, подобная точка зрения слишком категорична. Некоторые широко отпразднованные недавно юбилеи внушают определенное опасение обратных кренов и шараханий в иную сторону. Более того, при всей привлекательности личности Ляпидевского я не верю, что он был одет лишь в пурпурные одежды непогрешимости. Среди смертных так не бывает... Многим, знавшим его, я задавал один и тот же вопрос: «Какие черты его характера вам не нравились?» Странно, но объяснить что-то в этом роде никто не мог. Люди начинали вспоминать какие-то детали, но это было все не то. Образ генерала они не дорисовывали. Очевидно, присущие всем человеческие

слабости отступали на дальний план, они как бы размывались в героическом облике этого человека.

Никогда не забуду, как однажды вечером у меня дома раздался звонок. Звонил патриарх советской полярной авиации генерал-лейтенант Герой Советского Союза Марк Иванович Шевелев. «Я слышал, что вы пишете о Ляпидевском, — донесся слабый голос на том конце провода, — к сожалению, нахожусь в госпитале — вот еле доковылял до телефона. Но, знаете, ради Анатолия Васильевича готов на все... Нужно обязательно нужно сказать всю правду об этом замечательном человеке». Я подумал тогда, как высоко и прекрасно мужественное братство этих людей, пришедших в наше время из 30-х годов, они никогда не делили чинов и наград, а просто летали и радовались, ощущая локоть друг друга.

Говорят, что Ляпидевский громко смеялся... Тихой квартире на Суворовском бульваре явно не хватает его хрипловатого баритона, который я слышал, увы, только в магнитофонной записи. Рассказывают, что он никогда не пытался «занять площадку» — так в актерской среде называют тех, кто стремится во что бы то ни стало быть в центре внимания... Но «площадка» в конце концов всегда оставалась за ним. Он боготворил музыку. Шутил, как в юности играл сразу на нескольких музыкальных инструментах — днем подрабатывал на похоронах в духовом оркестре, а вечером спешил на репетицию в Народный дом аккомпанировать на скрипке. Он элегантно одевался, умел дарить женщинам цветы, был галантен в обращении с ними, он мог показаться бесечно-шумным, мог отрешенно уйти в себя... Сохранилась его любимая пластинка — вальс «Погасшие свечи» из фильма «Мост Ватерлоо».

Великий летчик и неистребимый романтик Сент-Экзюпери когда-то записал в своем блокноте: «Меня мучает, что в каждом человеке, быть может, убит Моцарт». В Ляпидевском Моцарт жил до самой последней минуты, до той самой поры, когда его внезапно настигла страшная болезнь.

Он не боялся смерти, он боялся того, что будет после нее. Будучи безнадежно больным, просил родных его кремировать, а прах отвезти и похоронить в Ейске, где была его первая летная школа, переведенная из Севастополя, где прошла его лихая молодость... Очевидно, думал, что так будет проще. Он помнил, сколько хлопот ему стоили похороны некоторых товарищей по челюскинскому подвигу — пробивать все было страшно сложно, далеко не у всех доходили руки до таких «сантиментов»... Он уходил из жизни в 1983 году последним из той «великолепной семерки».

...В тишине Новодевичьего кладбища прохожу мимо внушительных черных надгробий к более чем скромному бюсту Ляпидевского. Он печален и прост, этот бюст, что невольно ассоциируется в моей памяти с тем несовременным музейным монопланом, который также заметно проигрывает в окружении своих могучих сверхзвуковых собратьев. Всю жизнь Анатолий Васильевич был в тени — таким же остался за ее чертой... Но справедливо ли это?

Постановление ЦИК СССР от 20 апреля 1934 года за подписью М. Калинина и А. Енукидзе «О возведении монумента в память полярного похода «Челюскина» 1933—1934 годов в г. Москве» осталось невыполненным. Но хочется верить, что время исправит эту ошибку. Мысленно вижу памятник первому Герою Советского Союза и его товарищам на одной из главных площадей нашей страны как законную дань славной странице в истории Родины, открывшей летопись героизма. Думаю, что говорить об этом не только правомерно, но и своевременно. Ведь юбилейной даты, о которой сегодня речь, нет в календаре.

Владимир НАБОКОВ —
известный русский и американский писатель
(1899—1977).
Публикуем главу из книги его воспоминаний,
написанной по-английски в 1951
и переведенной автором в 1954.

ДРУГИЕ БЕРЕГА

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Предлагаемая читателю автобиография обнимает период почти в сорок лет — с первых годов века по май 1940 года, когда автор переселился из Европы в Соединенные Штаты. Ее цель — описать прошлое с предельной точностью и отыскать в нем полнозначные очертания, а именно: развитие и повторение тайных тем в явной судьбе. Я попытался дать Мнемозине не только волю, но и закон.

Основой и отчасти подлинником этой книги послужило ее американское издание, «Conclusive Evidence». Совершенно владея с младенчества и английским, и французским, я перешел бы для нужд сочинительства с русского на иностранный язык без труда, будь я, скажем, Джозеф Конрад, который, до того, как начал писать по-английски, никакого следа в родной (польской) литературе не оставил, а на избранном языке (английском)

искусно пользовался готовыми формулами. Когда, в 1940 году, я решил перейти на английский язык, беда моя заключалась в том, что перед тем, в течение пятнадцати с лишком лет, я писал по-русски и за эти годы наложил собственный отпечаток на свое орудие, на своего посредника. Переходя на другой язык, я отказывался таким образом не от языка Аввакума, Пушкина, Толстого — или Иванова, няни, русской публицистики — словом, не от общего языка, а от индивидуального, кровного наречия. Долголетняя привычка выражаться по-своему не позволяла довольствоваться на новоизбранном языке трафаретами, — и чудовищные трудности предстоящего перевоплощения, и ужас расставания с живым, ручным существом ввергли меня сначала в состояние, о котором нет надобности распространяться; скажу только, что ни один стоящий на определенном уровне писатель его не испытывал до меня.

Я вижу невыносимые недостатки в таких моих английских сочинениях, как, например, «The Real Life of Sebastian Knight»; есть кое-что удовлетворяющее меня в «Bend Sinister» и некоторых отдельных рассказах, печатавшихся время от времени в журнале «The New Yorker». Книга «Conclusive Evidence» писалась долго (1946—1950), с осо-

бенно мучительным трудом, ибо память была настроена на один лад — музыкально недоговоренный, русский, — а навязывался ей другой лад, английский и обстоятельный. В получившейся книге некоторые мелкие части механизма были сомнительной прочности, но мне казалось, что целое работает довольно исправно, покуда я не взялся за безумное дело перевода «Conclusive Evidence» на прежний, основной мой язык. Недостатки объявились такие, так отвратительно тарачилась иная фраза, так много было и пробалов и лишних пояснений, что точный перевод на русский язык был бы карикатурой Мнемозины. Удержав общий узор, я изменил и дополнил многое. Предлагаемая русская книга относится к английскому тексту, как прописные буквы к курсиву, или как относится к стилизованному профилю в упор глядящее лицо. «Позвольте представиться, — сказал попутчик мой без улыбки. — Моя фамилия N.». Мы разговорились. Незаметно пролетела дорожная ночь». «Так-то, сударь», — закончил он со вздохом. За окном вагона уже дымился ненастный день, мелькали печальные перелески, белело небо над каким-то пригородом, там и сям еще горели, или уже зажглись, окна в отдаленных домах...

Вот звон путевой ноты.

Я впервые увидел Тамару — выбираю ей псевдоним, окрашенный в цветочные тона ее настоящего имени, — когда ей было пятнадцать лет, а мне шестнадцать. Кругом, как ни в чем не бывало, сияло и зыблелось вырское лето. Второй год тянулась далекая война. Два-три годами позже, пресловутой переменой в государственном строе предстояло убрать знакомую, кроткую усадьбную обстановку — и уже погромывивал закулисный гром в стихах Александра Блока.

В начале того лета и в течение всего предыдущего имя «Тамара» появлялось (с той напускной наивностью, которая так свойственна повадке судьбы, приступающей к важному делу) в разных местах нашего имения. Я находил его написанным химическим карандашом на беленой калитке или начерченным палочкой на красноватом песке аллеи, или недовырезанным на спинке скамьи, точно сама природа, минуя нашего старого сторожа, вечно воевавшего с вторжением дачников в парк, таинственными знаками предвещала мне о приближении Тамары. В тот июльский день, когда я наконец увидел ее, стоящей совершенно неподвижно (двигались только зрачки) в изумрудном свете березовой рощи, она как бы зародилась среди пятен этих акварельных деревьев с беззвучной внезапностью и совершенством мифологического воплощения.

Дождавшись того, чтобы сел невидимый мне овод, она прихлопнула его и, довольная, сквозь ожившую и заигравшую рощу, пустилась догонять сестру и подругу, отчетливо звавших ее; немного позже, с заросшего дикой малиной старого кладбища, боком, как калека, сходявшего по крутому склону к реке, я увидел, как все три они шли через мост,

одинаково постукивая высокими каблучками, одинаково засунув руки в карманы темно-синих жакеток и, чтобы отогнать мух, одинаково встряхивая головами, убранными цветами и лентами. Очень скоро путем слежки я выяснил, где ее мать снимала дачку: ее скрывала рощица яблоней. Ежедневно, верхом или на велосипеде, я проезжал мимо — и на повороте той или другой дороги что-то ослепительно взрывалось под ложечкой, и я обгонял Тамару, с деятельно устремленным видом шедшую по обочине. Та же природная стихия, которая произвела ее в таком блеске березняка, тихонько убрала сперва ее подругу, а потом ее сестру; луч моей судьбы явно сосредоточился на темной голове то в венке васильков, то с большим бантом черного шелка, которым была подвязана на затылке вдвое сложенная каштановая коса; но только девятого августа по новому стилю я решился с ней заговорить.

Сквозь тщательно протертые стекла времени ее красота все так же близко и жарко горит, как горела бывало. Она была небольшого роста, с легкой склонностью к полноте, что, благодаря гибкости стана да тонким щиколоткам, не только не нарушало, но, напротив, подчеркивало ее живость и грацию. Примесью татарской или черкесской крови объяснялся, вероятно, особый разрез ее веселых, черных глаз и рдяная смуглота щек. Ее профиль на свет был обрисован тем драгоценным пушком, которым подернуты плоды фруктовых деревьев миндальной группы. Ее очаровательная шея была всегда обнажена, даже зимой, — каким-то образом она добилась разрешения не носить воротничка, который полагалось носить гимназисткам. У нее были всякие неожиданные прибавки и огромный запас второстепенных стихов — тут были и Жадовская, и Виктор Гофман, и К. Р., и Мережковский, и Мазуркевич, и Бог знает еще какие дамы и мужчины, на слова которых писались романсы, вроде «Ваш уголок я убрала цветами»

или «Христос воскрес, поют во храме». Сказав что-нибудь смешное или чересчур лирическое, она, сильно дохнув через ноздри, говорила иронически: «Вот как хорошо!». Ее юмор, чудный беспечный смешок, быстрота речи, картавость, блеск и скользкая гладкость зубов, волосы, влажные веки, нежная грудь, старые туфельки, нос с горбинкой, дешевые сладкие духи, все это, смешавшись, составило необыкновенную, восхитительную дымку, в которой совершенно потонули все мои чувства. «Что ж, мы мешаночки, мы ничего, значит, и не знаем», — говорила она с такой щелкающей усмешечкой, словно грызла семечки: но на самом деле она была и тоньше, и лучше, и умнее меня. Я очень смутно представлял себе ее семью: отец служил в другой губернии, у матери было отчество, как в пьесе Островского. Жизнь без Тамары казалась мне физической невозможностью, но, когда я говорил ей, что мы женимся, как только кончу гимназию, она твердила, что я очень ошибаюсь или нарочно говорю глупости.

Уже во второй половине августа пожелтели березы; сквозь рощи их тихо проплывали, едва взмахивая черным крылом, траурницы, большие бархатные бабочки с палевой каймой. Мы встречались за рекой, в парке соседнего имения, принадлежавшего моему дяде: в то лето он остался в Италии, — и мы с Тамарой безраздельно владели и просторным этим парком с его мхами и урнами, и осенней лазурью, и русой тенью шуршащих аллей, и садом, полным мясистых, розовых и багряных георгин, и беседками, и скамьями, и террасами запертого дома. Братний и мой гувернер, Волгин, которому по зрелости наших лет полагалось, конечно, ограничивать свое гувернерство лишь участием в теннисе да писанием за нас тех бесовских школьных сочинений, которые задавались на лето (их за него писал какой-то его родственник), пробовал спрятаться в кусты и чуть ли не за версту следить за мной и Тамарой при помощи громоздкого

телескопа, найденного им на чердаке вырского дома; дядин управляющий Евсей почтительно мне об этом доложил, и я пожаловался матери: она знала о Тамаре только по моим стихам, которыми я всегда с матерью делился, но, что бы она ни думала о наших с Тамарой свиданиях, куст и труба столь же оскорбили ее, как меня. Когда я по вечерам уезжал в сплошную черноту на верном моем Свифте, она только покачивала головой да велела лакею не забыть приготовить мне к возвращению простокваши и фруктов. В темноте журчал дождь. Я заряжал велосипедный фонарь магическими кусками карбида, защищал спичку от ветра и, заключив белое пламя в стекло, осторожно углублялся в мрак. Круг света выбирал влажный выглаженный край дороги между ртутным блеском луж посредине и сединой трав вдоль нее. Шатким призраком мой бледный луч вспрыгивал на глинистый скат у поворота и опять нащупывал дорогу, по которой, чуть слышно стреко-ча, я съезжал к реке. За мостом тропинка, отороченная мокрым жасмином, круто шла вверх; приходилось слезать с велосипеда и толкать его в гору, и капало на руку. Наверху мертвенный свет карбида мелькал по лоснящимся колоннам, образующим портик с задней стороны дядиного дома. Там, в уютном углу у закрытых ставен окна, под аркадой, ждала меня Тамара. Я гасил фонарик и ошупью поднимался по скользким ступеням. В беспокойной тьме ночи столетние липы скрипели и шумно накалились ветром. Из сточной трубы, сбоку от благосклонных колонн, суетливо и неутомимо бежала вода, как в горном ущелье. Иногда случайный добавочный шорох, перебивавший ритм дождя в листве при соприкосновении двух мощных ветвей, заставлял Тамару обращать лицо в сторону воображаемых шагов, и тогда я различал ее таинственные черты, как бы при собственной их фосфористости; но это подкрадывался только дождь, и, тихо выпустив задержан-

ное на мгновение дыхание, она опять закрывала глаза.

2

С наступлением зимы наш безрассудный роман был перенесен в городскую, гораздо менее участливую обстановку. Все то, что могло казаться — да и кажется многим — просто атрибутами классической поэзии, вроде «лесной сени», «уединенности», «сельской неги» и прочих пушкинских галлицизмов, внезапно приобрело весомость и значительность, когда мы в самом деле лишились нашего деревенского убежища. Меблированные комнаты, сомнительные, как говорится, гостиницы, отдельные кабинеты, весь трафарет французских влияний на родную словесность после Пушкина был, признаюсь, вне предела дерзаний шестнадцатилетнего тенишевца. Негласность свиданий, столь приятная и естественная в деревне, теперь обернулась против нас; и так как обоим нам была невыносима мысль встретиться у меня или у нее на дому, под неизбежным посторонним наблюдением, а лукавства у нас не хватало, чтобы предвидеть, как скоро мы бы с этим наблюдением справились, Тамара, в своей скромной серой шубке, и я, с кастетом в бархатном кармане пальто, принуждены были странствовать по улицам, по облепленным петербургским садам, по закоулкам, где как-то разваливалась набережная и где приходилось сталкиваться с хулиганьем, — и эти постоянные искания приюта порождали странное чувство бездомности: тут начинается тема бездомности — глухое предисловие к позднейшим, значительно более суровым блужданиям.

Мы пропускали школу: не помню, как устраивалась Тамара; я же подкупал нашего швейцара Устина, заведовавшего нижним телефоном (24-43), и Владимир Васильевич Гиппиус; часто звонивший из школы, чтобы справиться о моем пошатнувшемся здоровье, не видал меня в классе, скажем, с понедельника до пятницы, а во вторник я опять начинал болеть. Мы сидели на скамейках в Таврическом саду, сняв сначала ровную снежную попону с холодного сидения, а затем варежки с горячих рук. Мы посещали музеи. В будни по утрам там бывало дремотно и пусто, и климат был оранжевый по сравнению с тем, что происходило в восточном окне, где красное, как апельсин-королек, солнце низко висело в замерзшем синем небе. В этих музеях мы отыскивали самые отделенные, самые неказистые залы, с небольшими смуглыми голландскими видами конькобежных утех в тумане, с офортами, на которые никто не приходил смотреть, с палеографическими экспонатами, с тусклыми макетками, с моделями печатных станков и тому подобными бедными вещичками, среди которых посетителем забытая перчатка прямо дышала жизнью. Одной из лучших наших находок был незабвенный чулан, где сложены были лесенки, пустые рамы, щетки. В Эрмитаже, помнится, имелись кое-какие уголки. В одной из зал среди витрин с египетскими, прескверно стилизованными жуками, за саркофагом какого-то жреца по имени Нана. В музее Александра Третьего тридцатая и тридцать третья залы, где свято хранились такие академические никчемности, как, например, картины Шишкова и Харламова, — какая-нибудь Просека в бору или Голова Цыганенка (точнее не помню), — отличались закутами за высокими стеклянными шкапами с рисунками и оказывали нам подобие гостеприимства, — пока не ловил нас грубый инвалид. Постепенно из больших и знаменитых музеев мы переходили в маленькие, в Музей Суворова, например, где, в герметической тишине одной из небольших комнат, полной дряхлых доспехов и рваных шелковых знамен, восковые солдаты в ботфортах и зеленых мундирах держали почетный караул над нашей безумной неосторожностью. Но куда бы мы ни заходили, рано или поздно тот или другой седой сторож на замшевых подошвах присматривался к нам, что было нетрудно в этой глуши, — и приходилось опять переселяться куда-нибудь, в Педагогический музей, в Музей придворных карет и, наконец, в крохотное хранилище старинных географических карт — и оттуда опять на улицу, в вертикально падающий крупный снег Мира Искусства.

Под вечер мы часто скрывались в последний ряд одного из кинематографов на Невском, Пиккадилли или Паризиана. Фильмовая техника, несомненно, шла вперед. Уже тогда, в 1915 году, были попытки усовершенствовать иллюзию внесением красок и звуков: морские волны, окрашенные в нездоровый синий цвет, бежали и разбивались об ультрамариновую скалу, в которой я со странным чувством узнавал *Rocher de la Vierge*, Биарриц, прибой моего международного детства, и пока, как белье, полоскалось это море в синьке, специальная машина занималась звукоподражанием, издавая шипенье, которое почему-то никогда не могло остановиться одновременно с морской картиной, а всегда продолжалось еще две-три секунды, когда уже мигала следующая: бодренькие похороны под дождем в Париже или хилые

оборванные военнопленные с подчеркнуто нарядными нашими молодцами, захватившими их. Довольно часто почему-то названием боевика служила целая цитата, вроде «Отцвели уж давно хризантемы в саду» или «И сердцем, как куклой, играя, он сердце, как куклу, разбил», или еще «Не подходите к ней с вопросами» (причем начиналось с того, что двое слишком любознательных интеллигентов с накладными бородками вдруг вскакивали со скамьи на бульваре, имени Достоевского скорее, чем Блока, и, жестикулируя, теснили какую-то испуганную даму, подходя к ней, значит, с вопросами). В те годы у звезд женского пола были низкие лобики, роскошные брови, размашисто подведенные глаза. Одним из любимцев экрана был актер Мозжухин. Какою-то русское фильмовое общество приобрело нарядный загородный дом с белыми колоннами (несколько похожий на дядин, что трогало меня), и эта усадьба появлялась во всех картинах этого общества. По фотогеническому снегу к ней подъезжал на лихаче Мозжухин, в пальто с каракулевым воротником шалью, в каракулевом колпаке, и устремлял светлостальной взгляд из темно-свинцовой глазницы на горящее окно, между тем как знаменитый желвачок играл у него под тесной кожей скулы.

Когда прошли холода, мы много блуждали лунными вечерами по классическим пустыням Петербурга. На просторе дивной площади беззвучно возникали перед нами разные зодческие призраки: я держусь лексикона, нравившегося мне тогда. Мы глядели вверх на гладкий гранит столпов, отполированных когда-то рабами, их вновь полировала луна, и они, медленно вращаясь над нами в полированной пустоте ночи, уплывали в вышину, чтобы там подпереть таинственные округлости собора. Мы останавливались как бы на самом краю, — словно то была бездна, а не высота, — грозных каменных громад и в липутовом благоговении закидывали головы, встречая на пути все новые видения, — десяток атлантов или гигантскую урну у чугунной решетки, или тот столп, увенчанный черным ангелом, который в лунном сиянии безнадежно пытался дотянуться до подножия пушкинской строки.

Позднее, в редкие минуты уныния, Тамара говорила мне, что наша любовь как-то не справилась с той трудной петербургской порой и дала длинную тонкую трещину. В течение всех тех месяцев я не переставал писать стихи к ней, для нее, о ней — по две-три «пьески» в неделю; в 1916 году я напечатал сборник и был поражен, когда она мне указала, что большинство этих стихотворений — о разлуках и утратах, ибо странным образом начальные наши встречи в лирических аллеях, в деревенской глуши, под шорох листьев и шуршание дождя, нам уже казались в ту беспризорную зиму невозвратным раем, а эта зима — изгнанием. Спешу добавить, что первая эта моя книжечка стихов была исключительно плохая, и никогда бы не следовало ее издавать. Ее по заслугам немедленно растерзали те немногие рецензенты, которые заметили ее. Директор Тенишевского училища, В. В. Гиппиус, писавший (под псевдонимом Бестужев) стихи, мне тогда казавшиеся гениальными (да и теперь по спине проходит трепет от некоторых запомнившихся строк в его удивительной поэме о сыне), принес как-то экземпляр моего сборничка в класс и подробно его разнес при всеобщем, или почти всеобщем, смехе. Был он большой хищник, этот рыжебородый огненный господин, в странно узком двубортном жилете под всегда расстегнутым пиджаком, который как-то летал вокруг него, когда он стремительно шел по рекреационной зале, засунув одну руку в карман штанов и поднимая одно плечо. Его значительно более знаменитая, но менее талантливая кузина Зинаида, встретившись на заседании Литературного Фонда с моим отцом, который был, кажется, его председателем, сказала ему: «Пожалуйста, передайте вашему сыну, что он никогда писателем не будет», — своего пророчества она потом лет тридцать не могла мне забыть. Некто Л., журналист, человек хороший, нуждающийся и безграмотный; желая выразить свою благодарность моему отцу за какое-то пособие, написал восторженную статью о моих дрянных стихах, строк пятьсот, сочившихся приторными похвалами; отец успел перехватить ее и воспрепятствовать ее напечатанию, и я живо помню, как мы читали писарским почерком написанный манускрипт и производили звуки — смесь зубовного скрежета и тонкого стога, — которым у нас в семье полагалось частным образом реагировать на безвкусицу, неловкость, пошлый промах. Эта история навсегда излечила меня от всякого интереса к одновременной литературной славе и была, вероятно, причиной того почти патологического равнодушия к «рецензиям», дурным и хорошим, умным и глупым, которое в дальнейшем лишило меня многих острых переживаний, свойственных, говорят, авторским натурам.

Из всех моих петербургских весен та весна 16-го года представляется мне самой яркой, когда вспоминаю такие образы, как: золотисто-розовое лицо моей красивой, моей милой Тамары в незнакомой

мне большой белой шляпе среди зрителей футбольного состязания, во время которого редкая удача сопровождала мое голкиперство; вкрадчивый ветер и первую пчелу на первом одуванчике в двух шагах от сетки гола; гудение колоколов и темно-синюю рябь свободной Невы; пеструю от конфетти слякоть Конно-Гвардейского Бульвара на Вербной неделе, писк, хлопанье американских жителей, поднимающихся и опускающихся в сиреновом спирту в стеклянных трубках, вроде как лифты в прозрачных, насквозь освещенных небоскребах Нью-Йорка; бабочку-траурницу — ровесницу нашей любви, — вылетевшую после зимовки и гревшую в луче апрельского солнца на спинке скамьи в Таврическом саду свои поцарапанные черные крылья с выцветшим до белых кантов; и какую-то волнующую зыбь в воздухе, опьянение, слабость, нестерпимое желание опять увидеть лес и поле — в такие дни даже Северянин казался поэтом. Тамара и я всю зиму мечтали об этом возвращении, но только в конце мая, когда мы, т. е. Набоковы, уже переехали в Выру, мать Тамары наконец поддалась на ее уговоры и сняла опять дачку в наших краях, и при этом, помнится, было поставлено дочери одно условие, которое та приняла с кроткой твердостью андерсеновской русалочки. И немедленно по ее приезде нас упоительно обволокло молодое лето, и вот — вижу ее, привставшую на цыпочки, чтобы потянуть книзу ветку черемухи со сморщенными ягодами, и дерево, и небо, и жизнь играют у нее в смеющемся взоре, и от ее веселых усилий на жарком солнце расплывается темное пятно по желтой чесуче платья под ее поднятой рукой. Мы забирались очень далеко, в леса за Рождествено, в мистическую глубину бора, и купались в заветном затоне, и клялись в вечной любви, и собирали кольцовские цветы для венков, которые она, как всякая русская русалочка, так хорошо умела сплести, и в конце лета она вернулась в Петербург, чтобы поступить на службу (это и было условие, поставленное ей), а затем несколько месяцев я не видел ее вовсе, будучи поглощен по душевной нерасторопности и сердечной бездарности разнообразными похождениями, которыми, я считал, молодой литератор должен заниматься для приобретения опыта. Эти переживания и осложнения, эти женские тени и измены, и опять стихи, и неладные с легкими, и санатория в снегах, все это сейчас, при восстановлении прошлого, мне не только ни к чему, но еще создает какое-то смещение фокуса, и как ни тереблю винтов наставленной памяти, многое уже не могу различить и не знаю, например, как и где мы с Тамарой расстались. Впрочем, для этого помутнения есть и другая причина: в разгар встреч мы слишком много играли на струнах разлуки. В то последнее наше лето, как бы упражняясь в ней, мы расставались навеки после каждого свидания, еженощно, на пепельной тропе или на старом мосту, со сложенными на нем тенями перил, между небесным месяцем и речным, я целовал ее теплые, мокрые веки и свежее от дождя лицо и, отойдя, тотчас возвращался, чтобы проститься с нею еще раз, а потом долго въезжал вверх, по крутой горе, к Выре, согнувшись вдвое, вжимая педали в упругий, чудовищно мокрый мрак, принимавший символическое значение какого-то ужаса и горя, какой-то злое еще поднимавшейся силы, которую нельзя было растоптать.

С раздирающей душу угрюмой яркостью помню вечер в начале следующего лета, 1917-го года, при последних вспышках еще приемлемой России. После целой зимы необъяснимой разлуки, вдруг, в дачном поезде, я опять увидел Тамару. Всего несколько минут, между двумя станциями, мы простояли с ней рядом в тамбуре грохочущего вагона. Я был в состоянии никогда прежде не испытанного смятения! Меня душила смесь мучительной к ней любви, сожаления, удивления, стыда, и я нес фантастический вздор; она же спокойно ела шоколад, аккуратно отламывая квадратные дольки толстой плитки, и рассказывала про контору, где работала. С одной стороны полотна, над синеватым болотом, темный дым горящего торфа сливался с дотлевающими развалинами широкого оранжевого заката. Интересно, мог ли бы я доказать ссылкой на где-нибудь напечатанное свидетельство, что как раз в тот вечер Александр Блок отмечал в своем дневнике этот дым, эти краски. Всем известно, какие закаты стояли знаменьями в том году над дымной Россией, и впоследствии, в полуавтобиографической повести, я почувствовал себя вправе связать это с воспоминанием о Тамаре; но тогда мне было не до того; никакая поэзия не могла украсить страдание. Поезд на минуту остановился. Раздался протодушный свист кувальды — и, отвернувшись, Тамара опустила голову и сошла по ступеням вагона в жасмином насыщенную тьму.

ПРИТЧИ ЛАЗАРЯ ГАДАЕВА

Александр КАМЕНСКИЙ

С чего начинается новизна в искусстве? Чаще всего — с неведомых ранее тем. Или с непривычных стилевых концепций, за которыми стоит особое, заново сложившееся восприятие жизни. Ну а если появляется одновременно и то, и другое?

Будем откровенны: вовсе не всякий зритель радуется подобным новшествам. Ведь они зовут к душевной работе, к полету воображения. А многим куда как милее уютная и спокойная «узнаваемость», которая безошибочно срабатывает, если мастер лишь повторяет или варьирует что-то давно знакомое и признанное. Вся психология застоя в искусстве держалась на цепкой привязанности к неизменным эстетическим

стереотипам. Но, как очень точно сказано поэтом, «талант — единственная новость, которая всегда нова».

К таким драгоценным «единственным новостям» в нашем изобразительном искусстве последнего времени правомерно, на мой взгляд, отнести и произведения московского скульптора Лазаря Гадаева. Они не вызывают никаких аналогий и даже как-то обескураживают своей необычностью и непохожестью.

Гадаев родом из Северной Осетии. Его чувство мира, художественное сознание сформировались в этом горном крае. Переехав в Москву и получив здесь специальное образование, мастер остался сердечно верен своей родине, ее природе, мифологии, поэзии (которую, кстати сказать, переводит на русский язык). Однако пресловутая «экзотика» совершенно чужда скульптору. Он тактично использует национальные мотивы, сюжеты, лики, но с неременной целью — извлечь из них нечто глубокое

и масштабное, обладающее значимостью всеобщего плана.

Иногда это символика древних преданий. В композиции «Миф» два идола, мужского и женского облика, воплощают первородные силы жизни. Они застыли в немом созерцании между массивной скалой и изогнутым деревом, вечными деталями мироздания, его порождениями и свидетелями. Любопытно, что здесь и живые существа, и дерево, и скала в равной мере одушевлены, хотя наряду с этим как бы и отстранены от всего мимолетного, текущего.

Особая сила и ценность дарования Гадаева состоит в том, что он способен сугубо скульптурными средствами запечатлеть сложные явления жизни. В «Гибели птиц» прихотливые изгибы птичьих тел и крыльев, разметавшихся в пространстве, создают картину яростной, но безнадежной борьбы. Отчаяние этого птичьего трепета полно трагической красоты.

Иногда у Гадаева образная идея

Л. Т. ГАДАЕВ. Род. 1938.
ГИБЕЛЬ ПТИЦ. 1987.

и ее скульптурное решение просто сливаются, становясь чем-то нераздельным. Так, в «Памяти» спиралевидная основа композиции становится подобием хода времени, который не имеет ни истока, ни финала.

Конструктивность, безукоризненная завершенность скульптур Гадаева в определенном смысле связывают его с классической традицией. Но мастер трактует ее исключительно на современный лад. Такие произведения, как, например, «Грусть», «Горе», на первый взгляд могут показаться вариациями образцов старого искусства. Но при внимательном знакомстве с этими композициями убеждаешься, что вся их внутренняя структура основана на асимметрии, даже на какой-то нескладнице, из которой постепенно вырастает сложная гармония. Фигуры вывернуты в остро закрученном движении, к мощным телам примыкают хрупкие руки, все обычные пропорции сломаны и произвольно изменены, и в этой сумятице ощутимо тревожное душевное напряжение.

Суть творчества скульптора никак нельзя свести к узко понятому «современному стилю». Произведения Гадаева поистине «веют древними поверьями», как-то косвенно, но прочно связаны с фольклорным типом мышления, с языком легенд и сказаний. У мастера есть цикл работ, где в странных, причудливых со-

четаниях сопоставляются два неизменных персонажа: человек и птица. Разумеется, это не жанровые наброски и не анималистика. Перед нами длинная вереница символических образов. Птицы выступают в них как олицетворения природы, сил судьбы, отголосков прошлого, вестников будущего. Лежащий человек, размышляя, беседует с птицей, которая наделена даром пророческой мудрости. В другой композиции человек играет с птицей — это радостное общение с живой природой. Но вот скульптура, где появляется птица совсем иного свойства, — злоедающая, как черный ворон Эдгара По.

В каждом случае эти притчи наделены столь законченной и лапидарной выразительностью, что обретают характер скульптурного афоризма. К слову сказать, в этой редкой способности находить для выражения любой художественной идеи предельно простую и лаконичную форму также сказываются народные традиции — вспомним, как привычно для них уместить великое многообразие жизни в скупые строки присловий и поговорок! Вместе с тем подобное свойство может служить залогом успеха при создании монументальных работ. Гадаеву пока что не довелось их делать, это у него еще впереди.

Он избрал трудный путь, на котором каждый шаг, как в горах, требует усилия и напряжения. Прочно и глубоко соединить современность с народными и национальными истоками — что может быть сложнее для художника нашей эпохи?

В ПУТИ. 1984.

ГОРЕ. 1987.

ПОРТРЕТ СВОЕНРАВНОГО ЧЕЛОВЕКА

Окончание. Начало на стр. 16.

ра путь к его спектаклю приводит к познанию истины... Нет, конечно, истина тем и заразительна, что неуловима, но, вступив на путь Васильева, невозможно повернуть обратно в анемичное, выхолощенное искусство. «Для меня хороший актер — это прежде всего единомышленник, идейный соратник, иначе ничего не получится. А в таком спектакле, как, скажем, «Серсо», еще и близкий к судьбе его героев — сам человек на обочине, сам через это прошел...»

«Серсо»... Сколько нами было пережито на этом спектакле, который то закрывали, то открывали и который теперь негде играть, пока не будет у Васильева постоянного театра. Это был спектакль о моем поколении, о бывших шестидесятниках, которые так и не смогли объединиться, чтобы удержаться в своих руках слабые ростки оттепели. «Серые наступали, серые выигрывают» — это тоже из «Серсо». Как же точно он с самого начала спектакля передал наше еще совсем вчерашнее состояние!

...Приближаются — расходятся. Сталкиваются — отталкиваются. Вот-вот прикоснулись, зацепились и... назад, в сторону, вокруг да около. Как в детской игре в «ладошки»: прямо — вместе, наискосок — по одной, попали — не попали, хлопнули — разошлись. Так построены Васильевым мизансцены. Сколько их — не сосчитать, потому что никто в этой компании ни секунды (в первом акте) не стоит на месте. Они точно дотанцовывают танец, в который сорвались давно, в юности, и вот уже много лет не могут остановиться. И не сразу понимаешь (в этом спектакле все не сразу), что бег их на одном месте, что носятся по кругу, из которого не знают, как вырваться. Ходят, пританцовывая, каждый в своем ритме, в своей манере держаться. Близость на расстоянии. Необходимость партнера и почти болезненная потребность в нем. Бесконечная необходимость высказаться и бесконечная невозможность. Словесный блуд и девственный страх перед словами. И все это вместе крутится-вертится в безостановочной смене сцен-кадров, подхлестываемых какофонией цвета-света, углубленных обрывками мелодий их юности, растаявших в пространстве далекими раскатами грома и обволакивающей тишиной.

Мы понимаем, что встретились с ними на обочине, в тот самый момент их жизни, когда, кажется, еще шаг, и все — конец. Вот и пошли, не зная друг друга, за неким Петушком (но не за собой) в тишину первозданности (дача под Москвой), где птицы, тишина и можно взяться за руки... Рука к руке тянется, протягивается. Авось кто-нибудь что-нибудь да подаст: кому — дом, кому — мужа, кому — молодость вернет. Ну, а хвост лет? Что они там оставили — в рюкзаках, чемоданах, баулах и даже, когда без ничего, все равно захватили с собой?

В начале спектакля они долго отбивают доски закованного дома, освобождая его и себя от многолетней спячки, открывая свету и ветру, словно всем чертям назло. В этом разрушении-освобождении чувствуются вызов, свои счеты с прошлым, яростное желание оставить за порогом дома напрасно прожитые годы. Освобождение приходит не сразу. В последнем акте, а их три, и спектакль идет около четырех часов, они снова забивают дом, который опять, как это уже не раз бывало, не дал им пристанища, ибо они всегда ждали спасения извне, а оно — и в этом философия своенравного человека — в нас. Долго, словно гроб, забивают они дом, который обманул их ожидания, опять обманул. С каждым стуком молотка, с каждым отзвуком приближающейся смерти, они прожива-

ют ее в себе, в своих смертоносных исповедях, но тем и спасаются, хотя больше не делают никаких ставок и думают, что умирают: «Нет, так жить нельзя, невозможно! Нужно застрелиться!» Но именно тогда, когда все сказано, когда дошли «до дна», они освобождаются от страхов, от постоянной своей зависимости от обстоятельств. Именно в тот момент, когда гроб, кажется, совсем заколочен, откуда-то сверху пробивается светлая тема серсо — зов их юности, ее позывные. Когда, кажется, все кончено, мы понимаем, что это не конец, а начало неизвестно какой, необязательно счастливой, но новой жизни. И слышим то, что так давно хотели услышать сами от себя: «Мне показалось... я подумала... что именно сейчас мы вместе могли бы жить в этом доме...»

«...Я согласен, это пьеса про людей на обочине, но попавших туда не в силу каких-то особых обстоятельств, а дошедших до края внутри себя. Жизнь, одним словом. Нормальная жизнь. Да, обстоятельства помогали. Но прямого конфликта в привычном смысле слова, конечно же, нет. Но у каждого — с жизнью, а значит, и с самим собой. Это поток жизни, управлять которым я учился у Феллини, прежде всего у его «Сладкой жизни». Конфликт заложен в самом потоке, по ходу пьесы он претерпевает изменения. Люди, все мы, двигаемся навстречу космосу, но внутри этого потока. Так и в этом спектакле. Но в конце происходит взрыв, и перед тем, как сделать шаг в неведомое, в свой страшный день, они останавливаются, как перед краем пропасти... В таком спектакле самое трудное для актера — действовать, ибо и действия, в прямом смысле, как бы не происходит. Действовать в таком спектакле — значит уметь двигаться — задача чисто техническая, хотя на ее реализацию ушло больше трех лет. Куда труднее для актера было справиться с другой задачей — на протяжении всего спектакля быть поэтом, находиться над своей жизнью, то есть на ее подмостках».

Новая драматургия, которую, в частности, представляет постоянный автор Васильева — Виктор Славкин, — это жизнь во дворах, а не в высоких кабинетах, в конторе, а не в космическом центре, в тесной квартире панельного дома, а не в особняках. Люди рассматриваются в каждойдневной ситуации, а не в момент напряжения душевных и духовных сил. Понизить героя, но повысить к нему интерес. Чтобы не погрязнуть в бытовщине, не задыхнуться в мусоропроводе, не отравиться испарениями грязного белья — должна быть повышена точка исследования. Жизнь — низкая, точка исследования — высокая — это и есть главный принцип режиссерского метода Васильева.

Однажды я спросила его, можно ли назвать его спектакли авторскими, в смысле близости к собственной биографии, собственной в них исповеди. Он рассердился и сказал резко: «А может ли творчество быть не авторским? Побойсь бога, что ты говоришь? Для меня каждый спектакль — результат жизни на том этапе. Каждый — результат, и каждый раз я вроде бы начинаю все сначала».

Васильев Анатолий Александрович, год рождения... э, черт, не знаю, скорее всего сорок второй, надо не забыть спросить... Пошли дальше... Окончил Ростовский университет по курсу органической химии. Родители, национальность... Опять не знаю, надо обязательно спросить — или не надо... Работал во флоте (работал или был мобилизован? — надо спросить). Читаю в ка-

кой-то статье: «Он принадлежит к поколению шестидесятников...» Вот это уже знаю точно — он к нему НЕ принадлежит. Он — семидесятник, самый действующий, самый разъяренный представитель этого достаточно равнодушного, пассивного, выморочного поколения. Он и в эти годы простоя не стоял на одном месте, не ждал, когда обстоятельства изменятся. Работал (хоть и мешали), ни секунды не приспособиваясь ни к обществу, в том его состоянии, ни к прогрессистам, ни к регрессистам. Он не раз писал, что его учитель — Станиславский и Мейерхольд — это в теории. В жизни замечательные преподаватели театрального искусства — Мария Кнебель и Андрей Попов, он учился у них в ГИТИСе. Чему они его учили? «От Андрея Александровича Попова шли плодотворные токи, как бы утверждающие твое человеческое достоинство» (немало в те времена, когда мы жили под высоким напряжением, постоянно унижающим наше достоинство).

О Марии Осиповне Кнебель: «Она воспитывала не режиссера, а человека. Точнее, человека в театре. Еще точнее, человека в искусстве».

Впрочем, театр для Васильева начался гораздо раньше, когда он руководил в Ростовском университете студенческим театром. Вот туда приехал Витя Славкин, он был человеком из «Нашего дома» — известной тогда и очень популярной в Москве студии Марка Розовского. Тогда все бредили этим театром, и Васильев тоже. Последствия он принципиально (имеется в виду школа театра) с ним разошелся. История «Нашего дома» — это в какой-то степени история поколения шестидесятников: по чисто внешнему ходу. Был театр единомышленников. Было сообщество друзей, поиски общей жизни в искусстве, блистательные их результаты... Казалось, это навсегда. Потом все кончилось, но они еще долго верили, что можно начать все сначала. По-другому, с другими — да, но с ними уже никогда. А они собирались раз в год, на свой день рождения — поставившие мальчики и девочки шестидесятых, разыгрывали сцены из старых спектаклей, разыгрывались сами, и в эти минуты, прекрасные, надо сказать, минуты, верили, что они опять прежние в своем общем доме и все теперь пойдет, как раньше, само собой...

«Славкин приезжал в наш театр из того московского дома и сразу стал нашим. Его пьеса «Взрослая дочь молодого человека» не могла пройти мимо меня, я должен был поставить ее, прежде чем расстаться с нашей, своей молодостью, подвести, что ли, черту».

До «Взрослой дочери...» были еще «Соло для часов с боем», поставленное с мхатовскими стариками, и «Васса Железнова» Горького — первый вариант. Именно в «Вассе» были наглядно продемонстрированы основные принципы художественного метода Васильева, о которых можно уже писать книги, а можно попытаться выразить в нескольких словах. Правда в паузах. В коридорах — для состояний, для движения, для воздуха вокруг и внутри героев, чтобы все это успело овладеть зрителем, пробиться не к слуху его и к глазу, а глубже, дальше... Чтобы он думал, работал душой, этот пассивный, не привыкший к душевным нагрузкам зритель. На репетициях Толя постоянно повторяет: «Чистая идеология, чистая политика меня не интересует. Научитесь играть среду, играть атмосферу. Сама по себе атмосфера и есть идеология...»

Да, «Взрослая дочь...» — это пьеса о шестидесятниках, которые не удержали время вокруг себя, но удержали его в себе. И бывший стилиста Бэмс не забыл старую песенку про Чаттанугу. И не стало для него громом среди белого дня, что одурманившая их юность Чаттануга — всего-навсего маленький провинциальный город в Америке.

Песенка про Чаттанугу в исполнении оркестра Глена Миллера была для

Бэмса не зовом из зарубежной жизни, а знаком, символом свободы. В 50-х он чувствовал, что Пикассо — гений, а сегодня кого в этом нужно убеждать!

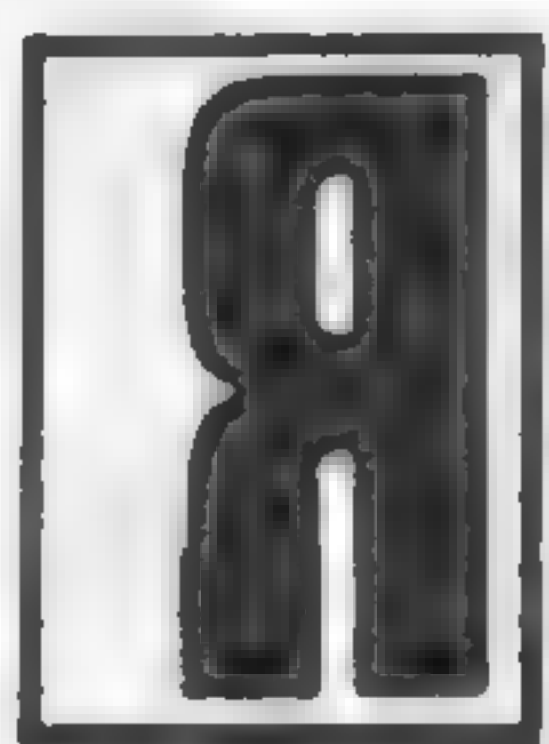
Грустная это была история про молодых стариков и стареющих юношей, про первый, скорее сентиментальный, конфликт поколений, когда молодые не хотят «брататься» со старшими, но и до ненависти еще не дошло. Ибо здесь взрослые — чистые и честные, бедные, но свободные. Смешные, но гордые. Самый популярный спектакль в Москве на протяжении четырех лет.

«Я попал в плен, жестокий плен. Успех? Вот именно, успех. Он не давал мне вырваться, проститься с тем, с чем необходимо было расстаться. Тогда Витя Славкин показал мне, точнее, рассказал замысел новой пьесы под названием «Мне сорок лет, но я молодо выгляжу». Я еще тогда подумал: это типичный сценарий — приезд, головокружение, разочарование... Потом появилась пьеса под названием «Серсо», и через два года я элементарно к ней вернулся. Почему элементарно? Да потому, что в театре имени Станиславского, где я проработал несколько лет, прервалось дело, прервалась жизнь... Чтобы выжить, надо было сделать резкий поворот от «Взрослой дочери...». Я стал заниматься Беккетом. Но умерла Мария Бабанова, я не успел закончить спектакль. По разным причинам оборвалась работа над «Королем Лиром» во МХАТе. Но опыт разбора этих пьес, бесконечные над ними раздумья и, конечно, опыт собственной жизни привели меня к другой режиссерской идеологии. И еще «Утиная охота» Вампилова, которую я разбирал и репетировал в ГИТИСе. Вампилов — это тот автор, который, что называется, «поставил» мне руку. Как играть Вампилова — загадка, сама знаешь, для всех режиссеров. Не воспроизводить, не переносить на сцену, а именно играть. Спектакль «Взрослая дочь...» — это был игровой театр в сочетании с психологическим. Пьеса «Серсо» давала возможности для чисто игрового театра, потому как все в ней игра — игра в жизнь, которую они разыгрывают, проигрывают и... Вот это «и» для меня самое главное, но к нему надо было прийти всем спектаклем. Это тот последний акт, которого нет на сцене, зритель сам должен дописать его, и у каждого будет свой вариант. Но он будет!»

Анатолий Васильев — не единственный художник, сумевший начать, когда начать, казалось бы, было невозможно. Но время отсутствия надежд все выражали по-разному. Обида, что не родились вовремя, что их молодость пришла не на оттепель и одних — в их творчестве — приводила к раздражению, другим — к тоске и отчаянию, третьих — к истерическому оптимизму или религиозному душеиспытанию. Для Васильева же главное — поиск крупиц свободы и достоинства (поиск на их развалинах), найдя которые человек неизменно приходит в противоречие со своим временем. Но в этом противоречии — сильнейший импульс для дальнейшего поиска. Отсюда и все его театральные открытия — воспитание в актере независимого, абсолютно раскрепощенного, достойного существования на сцене. Отсюда всегда игра, много игры, самой неожиданной, танцевальной, взрывчатой, вызывающе эпатажной, неожиданно свободной — столь неуместной в тупой серьезности семидесятых.

«Я хочу сказать слова благодарности тем, кто со мной шел, и тем, кто по своей ли воле, или по воле судьбы ушел, и тем, кто ставил и ставит преграды... Благодаря всем им я совершенствовался».

И это, поверьте, — не поза, не демонстрация загадочности русской души, которой и правда мутно, когда плохо, и уж совсем невмоготу, когда хорошо.

Я бесконечно признателен братьям Люмьер. Они изобрели кинематограф, и благодаря им у меня есть любимая профессия. Громкое «спасибо» я произношу в честь изобретателей телевидения. Благодаря им меня стали узнавать в лицо, чего обычно с кинорежиссерами не бывает. Так что, понятно, я обожаю телевидение!.. Ах, телевидение!.. Магнит, приманка, соблазн! За одну только передачу незанятое до сих пор лицо может стать известным или даже родным десяткам миллионов. Нет человека, который не мечтал бы попасть на голубой экран, запечатлеть себя, стать популярным, превратиться в телезвезду. И если кто-то скажет, что не желает сняться для телевидения, — не верьте ему, этот человек, скорее всего, лицемер! Короче, телевидение — властелин нашего века. Его могущество — безгранично, неотразимо, несокрушимо. И телевидение отлично осознает свою мощь, свое всеисилие и в связи с этим свою безнаказанность. А ведь чем безграничнее власть, тем безупречнее должен вести себя властитель, независимо от того, человек это или организация. Господствуя, надо проявлять деликатность, скромность, интеллигентность, даже не-

О том, что я испытал в те годы, работая в «Кинопанораме», снимая фильмы и делая разные передачи, я могу написать отдельную книгу. Что, я думаю, и сделаю! Но кое-чем не терпится поделиться сейчас. Помню, как Гостелерадио закрывало нам, буквально за две недели до начала съемок, сценарий «О бедном гусаре замолвите слово». В нашем с Григорием Гориним сценарии отрицательный герой майор Мерзляев трудился в небезызвестном «третьем отделении». Руководители телевидения (после того, как сценарий был уже утвержден) вдруг потребовали сделать Мерзляева лицом штатским, чтобы «не чернить» (!) это заведение. Господи! Мог ли представить себе шеф корпуса жандармов граф Александр Христофорович Бенкендорф, что через сто пятьдесят лет честь его ведомства будут защищать люди с партийными билетами, возглавляющие советское телевидение. Конечно, забота тогдашних лидеров «Экрана» была не в том, чтобы обелить «тайную канцелярию» времен Николая I. Они до смерти боялись огорчить нечто им современное. В своих мыслях телевизионщики проводили очень странные параллели. Ход рассуждений — невероятный! Воистину услужливый дурак опаснее врага. Если вдуматься, растлению перестраховщиков не было предела...

кризиса, и это результат совместных усилий Госкино и Союза кинематографистов.

Конечно, изменилось и телевидение. Появились новые интересные рубрики, возникли передачи с прямым эфиром, изредка можно даже услышать с телеэкрана что-то острое, резкое. Раскованность, которая была немыслима прежде, стала отличительным признаком многих программ. Телевидение порой вещает не только до, но и после полуночи. Короче говоря, внешних признаков обновления немало. Но в одном это могучее средство массовой информации осталось неизменным — оно зачастую всю свою работу, как и прежде, строит из желания угодить. Причем — увя! — не народу. Приношу извинения читателям, что примеры буду приводить из своей практики, но зато все это я знаю не понаслышке, а испытал на собственной шкуре. И не в мрачные застойные времена, а сейчас, в дни гласности и свободы.

В марте 1986 года была показана передача «В кругу друзей». Ее транслировали в субботу вечером, как развлекательную программу. И действительно, в концерте, который происходил в Центральном концертном зале, принимали участие мои друзья. Среди них были артисты Андрей Миронов, Алиса Фрейндлих, Олег Басилашвили, композиторы Андрей Петров и Микаэл Таривердиев, Татьяна и Сергей Никитины. Хотелось сделать остроумный и музыкальный вечер, повеселить зрителей, а заодно высмеять всякую нечисть.

Прежде чем программа идет в эфир для европейской части страны, ее показывают дважды по системе «Орбита» для Дальнего Востока и Сибири, так как там иные пояса времени. В ту злополучную субботу днем вдруг раздался тревожный звонок с телевидения: «После эфира по «Орбите» получено указание вырезать целый ряд реплик из выступления Григория Горина, Геннадия Хазанова, Александра Ширвиндта и Михаила Державина». Естественно, речь шла о репликах острых, язвительных, сатирических. Я пулей помчался на телевидение и начал сражение. Что-то удалось отбить и сохранить в передаче, что-то было вырезано немилосердной рукой. Далее на телеэкране происходило вот что: выступает, к примеру, Горин или Хазанов, звучат слова, предваряющие шутку, репризу, остроту, но главной, гвоздевой фразы-то нет, она удалена. И тут же показывают публику, которая дико хохочет, аплодирует, чуть ли не падает со стульев. И телезритель, не догадывающийся, что здесь произведена вивисекция, перестает что-либо соображать: почему так ликует и грохочет зрительный зал, когда, собственно, ничего смешного не произошло? Или это сборище недоумков, которые гогочут без причины, или же сам телезритель глуповат, лишен чувства юмора и не смог оценить чего-то смешного?

Почему же в пожарном порядке стали калечить веселую передачу? Могу только догадываться. Загодя ее посмотреть не успели, да это было и не так важно — ведь за Уралом не живет ни одного человека, кого бы они опасались. Поэтому что скажут там, за Уралом, как отзовется народ, не беспокоило лидеров телевидения. Они посмотрели передачу во время ее демонстрации по «Орбите» и, чтоб на всякий случай не раздражить нескольких телезрителей, живущих в европейской части страны, начали выдирать по живому.

Примечательно, что особое недовольство у телевизионного начальства вызвало не то, что они уродовали из-за перестраховки программу, а то, что нашелся «предатель», который сообщил Рязанову об этом. О «предателях» и «шпионах» возмущенно говорилось на летучке.

Следующая история — участие в передаче «До и после полуночи». Меня пригласили, чтобы я рассказал о новом фильме «Забятая мелодия для флейты» и показал бы фрагмент из нашей картины. Мое выступление было снято заранее, а не шло прямым эфиром. Я предупредил ведущего В. Молчанова, что если из моих высказываний что-нибудь вырежут, то я прошу выступления этого вообще не давать в эфир. Основания для подобного рода опасений у меня были, ведь говорил я, учитывая тематику «Флейты», о бюрократах, о том, что их восемнадцать миллионов, о странном предрасудке, что если у чиновника не черная «Волга», а какого-нибудь другого цвета, то он вроде как второсортный руководитель, о пайках, о специальных больницах и прочих привилегиях, о том, что аппарат — тяжелая гиря на ногах страны, рвущейся вперед, и т. д. Ни одного слова об этом в передаче не было ни до полуночи, ни после. Кто это вырезал — сам ли Молчанов, или он выдирал по указанию своего начальства, — не знаю. Во всяком случае, Молчанов мне не позвонил, «шпион» он не оказался, но и симпатии мои потерял. Парадокс заключался в том, что из моего выступления в этой передаче осталась практически одна фраза: «Забятая мелодия для флейты» — это первая в моей биографии картина, где ничего не было вырезано».

Эльдар РЯЗАНОВ,
секретарь правления
Союза
кинематографистов СССР

ПОЧЕМУ В ЭПОХУ ГЛАСНОСТИ Я УШЕЛ С ТЕЛЕВИДЕНИЯ?

которую застенчивость, изящество манер, безукоризненную вежливость — и тогда сразу выявляются ум и благородство, опять-таки не важно — ведомства ли, или же человеческой персоны.

В брежневские времена Центральное телевидение превратилось в своеобразную империю, которая всем своим существованием, всем гигантским штатом, всей современной заграничной техникой стремилась угодить одному человеку, его вкусам, взглядам, пристрастиям. Помню, я оказался в кабинете первого заместителя председателя Гостелерадио по какому-то делу. В кабинете в это время решался вопрос неимоверной важности. В развязывании этого гордиева узла принимало участие человек семь из редакции программ. Закавыка в данном случае заключалась в том, что два футбольных матча, в которых принимали участие ведущие клубы, были назначены в разных городах на один и тот же час. Было неизвестно, какой из этих матчей захочет посмотреть один болельщик по фамилии Брежнев. А вдруг он захочет поглядеть оба матча? А они идут в одно и то же время! Что тогда?! Позвонить и спросить Леонида Ильича, какой матч он предпочтет? Подобная мысль почему-то никому в голову не приходила. Впрочем, почему — понятно. После того, когда светлые головы не нашли никакого выхода, первый зампред позвонил в Ворошиловград (один из футбольных поединков с участием «Зари» должен был происходить в этом городе) секретарю Ворошиловградского обкома. Первый зампред попросил секретаря обкома перенести матч на другое время. Конечно, первый зампред понимал, что билеты на матч уже проданы. Но причина переноса была уж очень весомая, очень важная. И он объяснил, какая! Секретарь обкома понял значительность резона, и время матча было перенесено. Поэтому никаких проблем, какой матч смотреть, у Болельщика возникнуть не могло.

Сила была не на нашей стороне. И в фильме Мерзляев не служил в «третьем отделении». Мы вынуждены были сделать его штатским, сделать его действительным тайным советником, провokatом не по должности, а по вдохновению, по зову сердца.

Накануне премьеры «Гусара» по телевизору — 31 декабря 1980 года, — естественно, без моего ведома были сделаны две вырезки из готового фильма. При этом тогдашний председатель Гостелерадио сказал незабываемую фразу: «Не говорите об этом Рязанову. Не надо портить ему встречу Нового года». То, что на следующий день, первого января, во время демонстрации ленты я мог бы просто «хлопнуться» в инфаркте, — это в заботливую голову министра не пришло.

В те времена телевидение не представляло исключения. В кинематографе, на театре, в издательстве, в мире художников и графиков бушевала такая же демагогическая чиновничья вакханалия...

Наконец настали новые времена, долгожданные, очистительные, обнадеживающие, благотворные. Хотя проблем нерешенных еще много, тем не менее в кинематографе обстановка оздоровилась — выпущены на экраны арестованные прежде фильмы; запускаются в производство острые, интересные сценарии; законченные кинокартины принимаются нами самими без выдирок, вырезок, без купюр. Работать стало, как это ни парадоксально, трудней, но во много раз интересней. Началась подлинная художественная конкуренция, кто отразит жизнь полнокровнее, свежее, талантливей, своеобразнее, правдивее. Мы перестали испытывать холопскую зависимость от Госкино. Мы боремся за права создателей кинокартин и надеемся, что наше авторское достоинство будет защищено новым законом об авторском праве. Убежден — наше кино начинает выходить из

Вообще пишу я эту статью и испытываю сейчас двойственные чувства. Все ведь не так уж было однозначно, не так однозначно! И ко мне лично относились на телевидении с большой симпатией, я не могу этого отрицать. Например, показали в прошлом году фильм «Гараж» (хотя, впрочем, почему его нельзя было показывать?), потом разрешили — правда, после годовых просьб — сделать передачу о Высоцком (хотя, собственно, почему этого надо было добиваться целый год?). Больше того, в связи с тем, что мне должно было исполниться шестьдесят лет, позволили провести вечер встречи в Останкине. (Не всем же это позволяли!) Поэтому меня гложет чувство какой-то вины, что я в ответ на доброе отношение, на заботу плачу черной неблагодарностью. И в этих ощущениях, пожалуй, надо разобраться. Благодарности я телевидению за предоставленные мне возможности? Безусловно! Благодарен! И очены! Но почему же горечь так и лезет из всех моих строк? Потому что всякий раз радость осквернялась унижением, потому что во всех случаях дожимали, доставали, допекали так, что вспоминать этого не хочется...

В газете есть такое правило — человек, у которого идет материал, статья, интервью, должен поставить на нем свою визу, что он согласен с правкой, с сокращениями. Если же он не согласен, у него есть право не дать разрешения на публикацию своей работы.

И пресса обязана с этим считаться. Но ничего подобного не существует на телевидении. Сколько раз видел я на голубом экране людей, которых я знал лично как умных, талантливых, а их выступления казались мне пустыми, бессодержательными, порой глупыми. И я видел или слышал неуклюже сделанные стыки и понимал: вырезали что-то стоящее, острое, индивидуальное. Сколько людей наше телевидение благодаря перестраховочным вырезкам представило в превратном свете, а попросту говоря, дискредитировало. Необходимо ввести правовое защитное правило — без визы человека, который о чем-либо рассказывает на экране телевидения, редакция программы не имеет права на демонстрацию в эфире.

Мой вечер в Останкине резали, редактировали многократно. В результате я написал письмо руководству ЦТ, что протестую против показа вечера в подобном виде, что я не хочу выступать перед согражданами с отредактированной гражданской позицией. Я прошу НЕ ПОКАЗЫВАТЬ мою встречу и в данном случае не буду иметь к телевидению никаких претензий. Ответа я не получил. Через несколько дней я достал из почтового ящика телепрограмму «Говорит и показывает Москва» с указанием дня и часа демонстрации вечера в эфире.

Ненадолго отклонюсь от главной темы. По телевидению регулярно показывают старые киноленты. И правильно делают. Но в каком ужасном виде их демонстрируют! Я видел недавно «Бриллиантовую руку», «Кавказскую пленницу», «Гусарскую балладу». Каждый раз число телезрителей колебалось от 50 до 100 миллионов — невероятная, огромная цифра! И каждый раз показывали выцветшие, исцарапанные, с плохим звуком экземпляры. Неужели на телевидении не знают, что кинолента с годами выцветает, стареет, портится? Какое презрение к художнику и оператору фильма, которые пытались найти изобразительное решение картины, пластику, цветовую гамму, проявляется в подобном показе. Какое неуважение к своему народу, к многомиллионному зрителю демонстрирует такая публикация. Ведь людям всучивают вместо полноценного, качественного зрелища жалкий суррогат. Кстати, напечатать одну копию специально для телевизионного просмотра стоит примерно 500 рублей. Неужели нельзя изыскать эти средства, чтобы десятки миллионов зрителей увидели бы зрелище, ибо в основе кинематографа — визуальный ряд.

А может, такое происходит не от неуважения, а от некомпетентности. Во главе киоредакции поставлен Сергей Николаевич Кононыхин. В прошлом фигурист, потом судья по фигурному катанию, дальше — спортивный комментатор. Потом его выдвигают в партком всего Центрального телевидения. Должность солидная. Когда кончился срок его деятельности на этом посту, деятеля потребовалось трудоустроить. И трудоустроить, как понимаете, неплохо. Так судья по фигурному катанию стал Главным редактором Главной редакции кинопрограмм и начал судить о киноискусстве. Я не сомневаюсь, что он прекрасно разбирается в том, что такое тодес и чем двойной тулуп отличается от прыжка Кауфмана. Но боюсь, что в вопросах пластики кино, сценарного мастерства, особенностей киноязыка, знания, кто есть кто в киноискусстве, и прочих тонкостях, связанных с нашим делом, ориентируется похуже. Но такая уж у нас традиция...

И, наконец, последняя история — создание и выпуск в эфир четырехсерийной передачи о Владимире Высоцком. Я уже говорил, что больше года «пробивал» ее. Потом, когда все серии были готовы, передача лежала семь месяцев и ждала, когда же на-

нец у руководства найдется время, чтобы посмотреть ее и сделать свои замечания. Семь месяцев съемочная группа ждала, когда же наконец нас удостоит вниманием.

Потом начались придирки — на мой взгляд, мелкие, невалифицированные, перестраховочные. Три часа мне «выкручивали руки» в кабинете С. Н. Кононыхина — он сам и его заместитель Б. С. Каплан. У меня было ощущение, что машина времени перенесла меня на десять лет назад. Я на все отвечал: НЕТ! НЕТ! НЕТ! Но два должностных лица с методичностью и упорством, не реагируя на мои резкие слова в их адрес, дожимали меня. На все их замечания, предложения, покушения я, как по-пугай, твердил одно и то же:

— Я не согласен и не соглашусь никогда. НЕТ! НЕТ! НЕТ! Пленка в ваших руках. Но если вы вырежете то или это, предупреждаю: я объявлю вам войну. Я напишу статью «Почему в эпоху гласности я ушел с телевидения!» Я напишу письмо М. С. Горбачеву. — Я что-то говорил им о совести, чести, нравственности... Наконец я покинул кабинет. У меня было ощущение, что за эти три часа я потерял год жизни: я был разбит, смят, уничтожен.

Но что значат для чиновника гнев и угрозы работника искусств перед гипотетическим недовольством и неодобрением начальника. Творец, создатель произведения, не может, к примеру, снять чиновника с должности, а от Большого начальника могут последовать Большие неприятности. Могут, правда, и не последовать, но тут лучше перебить, чем недобить.

Понимая это, мы следили за тем, как передача будет идти в эфир. А надо сказать, что своим ослиным упрямством я кое-что отбил, и эпизод — главный предмет конфликта — находился в начале четвертой серии. Уже первые серии передачи пошли в эфир. Каждый вечер я перезванивался с режиссером и редактором, и те отвечали: «Пока ничего не вырезано».

И все же нас всех обвели вокруг пальца. Как же была проведена операция по кастрированию передачи? Из-за боязни, что режиссер или откажется делать вырезку, или поставит в известность меня (а я почему-то пользуюсь репутацией скандалиста), все было проведено в обстановке секретности. Ответственному выпускающему (в тот день работал Андрей Иванович Аверьянов) было дано указание вырезать в начале четвертой серии передачи о Высоцком семь с половиной минут полезного времени. Он безропотно выполнил распоряжение начальства. Посмел бы он возразить! Там это никому в голову не приходит. Четвертая серия пошла в эфир по первой «Орбите» буквально с полуслова, с придаточного предложения. Для того чтобы сделанная купюра не стала известна съемочной группе и тем самым мне, в часы показа передачи по «Орбите» мониторы в Останкине были отключены. Обычно передачу, идущую по «Орбите» днем, смотрят многие сотрудники, но в тот день экраны телевизоров ослепли. На вопросы членов съемочной группы: «В чем дело? Почему не работают мониторы?» — отвечали: «Профилактика аппаратуры!»...

Нет, полно! Все-таки не может быть, чтобы телевизионная сверхдержава принимала бы такие меры предосторожности. И против кого? У меня, несомненно, мания величия. Это же смешно... Наверняка было совпадение, и действительно в это время делалась профилактика. Но последующие исследования тем не менее показали, что так называемая «профилактика» почему-то проходила именно и только в те часы, когда в эфире шла передача о Высоцком. И до, и после мониторы исправно показывали все, что демонстрировалось по «Орбите».

И лишь за два часа до начала московского эфира из случайного разговора с одной из сотрудниц службы программ один из членов съемочной группы (секретность за секретность! Не хочется, чтобы на голову «осведомителя» обрушились бы административные санкции) узнал, что в начале четвертой серии была-таки сделана вырезка в семь с половиной минут. Мне сообщили об этом немедленно, и я тут же позвонил С. Н. Кононыхину. Ведь еще можно было что-то сделать! Воспроизвожу наш разговор почти дословно:

Рязанов. Скажите, кто дал распоряжение о вырезке и кто произвел эту операцию?

Кононыхин. Дело не в конкретных исполнителях. Решение мы приняли коллегиально.

Рязанов. Почему не поставили меня в известность?

Кононыхин. Мы не обязаны информировать вас. Это технологическая функция.

Рязанов. Кто непосредственно сделал купюру?

Кононыхин. У нас есть для этого специальные люди.

Рязанов. Почему тогда не поручили режиссеру? Хотя сделано было бы аккуратно.

Кононыхин. Не бойтесь! Это было сделано квалифицированно.

Рязанов. (Всплеск эмоций, крики, переходящие в грубые слова.)

Кононыхин. Я отказываюсь разговаривать с вами в таком тоне. Вы знаете, на каком высоком уровне было сказано, что мы должны выступать с ответственными, взвешенными передачами. И мы поставлены сюда для этого!

Я начал звонить по другим телефонам, более высоким начальникам, и там, буквально под копирку, происходило следующее. Сначала секретарша говорила: «Сейчас соединю!» Потом наступала длинная пауза. После двух-трех минут ожидания мне сообщалось: «Оказывается, Иван Иванович (или Петр Петрович) вышел. Его сейчас в кабинете нет. Позвоните, пожалуйста, позже».

Сделать я ничего не смог. Я проиграл битву. Передача пошла без важнейшего куска, где рассказывалось о судьбах Гумилева, Есенина, Маяковского, Мандельштама, Цветаевой, Пастернака, Ахматовой. Этот рассказ, как мне казалось, поднимал передачу на более высокую ступень, эмоционально усиливал — был ее идейным центром.

Но этой вырезкой дело не кончилось. На следующее утро в 9 часов шел повтор четвертой серии. А в этот день дежурил уже другой ответственный выпускающий — Александр Васильевич Сидорин. Ему было известно, что из четвертой серии от начала нужно вырезать семь с половиной минут. Он не потрудился проверить, взял уже обрезанный рулон и отчекрыжил еще семь с половиной минут.

Я хочу понять, кто дал право людям, занимающим должности, издаваться над нами? Кто вручил им мандат, что они большие патриоты, чем мы?

У них поразительное чутье на нестандартное, неутвержденное, острое, выходящее из рамок. И именно на эти места, которые-то и делают произведение предметом искусства, направлены их жала. Обычно они говорят: «Мы, мол, вырезали совсем немного, произведение ничего от этого не потеряло...» Кстати, чтобы из мужчины сделать евнуха, нужно тоже вырезать очень немного. Только почему-то после этого мужик начинает по-бабы писклявить.

Невозможно, читая в газетах о свободе, об отсутствии цензуры, о поощрении смелости, о необходимости критики, о любви к таланту, на деле сталкиваясь с трусостью, «какбычегоневышлизмом», с чиновничатством, секретностью и всеми прочими причинами прошлого периода. Не раз мне — и не только мне — казалось, что ветер перемен ударился о здание на улице Королева и разбился, внутрь не проник. Видимости перемен — еще не перемены. Нужны ли нам сегодня тихие омуты, где водятся черти, притом номенклатурные?

Мои предложения таковы:

1. Пора покончить с секретностью в кадровой политике телевидения. Ни одно назначение на руководящую должность в этой епархии не должно происходить без согласования и одобрения творческих Союзов. Это самый кардинальный вопрос.

Набирать людей надо гласно, с объяснением их способностей, биографий, с конкурсом. Главное, на эти должности необходимо брать не чиновников с послушно-кабинетным стажем, а творческие личности с художественным опытом и прогрессивным, современным мировоззрением.

2. В закон об авторском праве должны быть внесены пункты, защищающие авторов, режиссеров, телекомментаторов от бюрократического произвола, от вкусовых и перестраховочных вырезок. Необходимо ввести правило: без визы выступающего, интервьюируемого, ведущего передачи съемка не может идти в эфир.

3. В случае показа старой киноленты обязать телевидение печатать свежую копию специально для этой демонстрации.

4. Создать в творческих Союзах конфликтные комиссии для рассмотрения спорных вопросов. Необходимо лишить телевидение привилегии быть тайным судьей фильмов и передач. Любой запрет должен быть обсужден гласно. Ибо не может быть одной гласности для всего общества и отдельной для телевидения.

5. Необходимо создать кинотеатр-видеотеку «Вторного телевизионного фильма», где можно было бы показывать картины и передачи, которые по разным (в основном по цензурным) причинам не показываются много лет.

6. Не удержусь от личной просьбы: повторить показ четвертой серии передачи о Высоцком, вставив то, что было вырезано.

7. И последнее: управление телевидением должно быть, так же как и в кинематографе, общественно-государственным. А это значит, что буквально все, начиная от тематических планов редакций до обсуждения готовой продукции, должно осуществляться совместно с творческими Союзами, со зрителями, обсуждаться в открытую, может быть, даже в условиях «прямого эфира».

Я понимаю, делиться властью неприятно, но, боюсь, придется. Время сейчас такое! Хорошее время! Боевое!

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР

Рисунки
Геннадия
НОВОЖИЛОВА

В дождливый осенний день Морис Касл сидит один в доме и ждет ареста. Морис понимает, что разведслужба, сотрудником которой он является, может мстить за его действия жене и сыну. Поэтому Касл отправляет их к матери, давая понять окружающим, что они поссорились и разошлись. На самом же деле Морис и Сара любят друг друга. Семь лет назад, когда Касл работал в английском посольстве в ЮАР, он познакомился с африканкой, своей будущей женой. Она бежала за границу при содействии коммунистов, и потому Морис помогает им бороться с апартеидом, передавая секретную информацию о ЮАР. Руководители разведслужбы посылают полковника Дейнтри проверить, дома ли Касл и как он себя ведет. После разговора полковник уезжает. У Мориса не остается никаких надежд на спасение. Но именно в этот момент появляется связной и увозит его в аэропорт.

Сложно вести машину в такой сильный дождь, — пожаловался мистер Хэллiday, нарушив молчание. Смерть Буллера подействовала на обоих удручающе.

— Куда мы едем? В аэропорт Хитроу? Там, надо полагать, все службы уже давно оповещены.

— Я везу вас в гостиницу. Откройте отделение для перчаток, там лежит ключ. От номера четыреста двадцать три. Направляйтесь прямо к лифту, к регистрационной стойке не подходите и ждите в номере, пока за вами не зайдут.

— А если постучится горничная?..

— Повесьте на дверь табличку «Просьба не беспокоить».

— Ну, а потом?..

— Это мне неизвестно, сэр. Свои инструкции я выполнил полностью.

Касл подумал о том, как Сэм прореагирует на смерть Буллера. Он понимал, что Сэм ему этого никогда не простит. Затем спросил Хэллiday:

— А как, собственно, вы оказались втянутыми в это?

— Отнюдь, не втянутым, сэр. Я являюсь членом партии, не афишируя, правда, этого, с юношеских лет. Я пошел в армию семнадцати лет — добровольцем. Сказал, что старше. Надеюсь, что отправят во Францию, но меня послали в Архангельск. Четыре года я был в плену. За эти четыре года я многому научился, многое повидал.

— А как с вами там обращались?

— Было непросто, но молодым легче переносить невзгоды, потом всегда находился кто-то, на кого можно опереться. Я немного выучил русский и даже переводил. Когда не хватало продуктов, чтобы расчитаться со мной, давали книги.

— Коммунистическую литературу?

— Разумеется. Ну, а взять хотя бы миссионеров, они ведь тоже раздают всем библию.

— Значит, вы убежденный сторонник.

— Должен признать, что жил я уединенно. Понимаете, я не мог участвовать ни в митингах, ни в демонстрациях. Даже мой сын ничего об этом не знает. Меня иногда используют на подхвате, скажем, как в вашем случае, сэр. Я часто забираю ваши сообще-

ния из тайников. Какое удовольствие я получал, когда вы заходили ко мне в лавочку! Мне было не так одиноко.

— И вы всегда оставались верны своим убеждениям, мистер Хэллiday? Я имею в виду — несмотря на Сталина, Венгрию, Чехословакию?

— Я немало повидал: в России — еще юношей, и здесь, в Англии, — в годы депрессии, когда вернулся сюда. Я научился трезво смотреть на все перипетии.

— Перипетии?

— Простите меня, сэр, но вы несколько односторонне воспринимаете действительность. Могу, к примеру, напомнить вам о Гамбурге, Дрездене, Хиросиме. Разве ваша вера в то, что вы именуете демократией, так уж неколебима? Скорее всего да, иначе вы не находились бы сейчас здесь со мной.

— Но ведь тогда была война.

— Для нас война началась в 1917 году. Касл, хоть ему мешали работающие дворники, всмотрелся в окно, залитое дождем.

— Но вы все-таки везете меня в Хитроу.

— Не совсем. — Мистер Хэллiday легонько, словно осенний листок в остриджском лесу, коснулся Касла. — Не стоит беспокоиться, сэр. Обо всем позаботятся. Даже завидую вам. Побываете в Москве, не сомневаюсь.

— А вы сами там никогда не были?

— Никогда. Я находился в лагере для военнопленных под Архангельском. Вы когда-нибудь видели пьесу «Три сестры»? Я был на спектакле лишь раз, но навсегда запомнил слова одной из сестер. Я всегда повторяю их, когда ночью меня мучает бессонница: «Продать дом, покончить все здесь и — в Москву...»

— Вы наверняка нашли бы, что нынешняя Москва несколько отличается от Москвы времен Чехова.

— Другая сестра говорит: «Счастлив тот, кто не замечает, лето теперь или зима. Мне кажется, если бы я была в Москве, то относилась бы равнодушно к погоде...» Так вот, когда у меня неважное настроение, я успокаиваю себя тем, что Маркс тоже никогда не бывал в Москве. Я гляжу на свою Олд-Комптон-стрит и повторяю, что Маркс жил здесь, в Лондоне, в районе Сохо. И именно здесь впервые напечатал «Коммунистический манифест».

Неожиданно откуда-то из ночной мглы вырвался грузовик, чуть не врезался в них и преспокойно исчез из виду.

— Жуткие люди — эти водители грузовиков, — посетовал мистер Хэллiday. — Прекрасно знают, что с их глыбой металла ничего не случится. Следует предусмотреть более суровое наказание за создание таких вот опасных ситуаций. Мне кажется, сэр, то, что произошло в Венгрии и Чехословакии, было вызвано опасными ситуациями. Дубчек, по-моему, просто опасный водитель.

— Раньше я представлял себе все иначе и никогда не стремился попасть в итоге в Москву.

— Наверное, действительно несколько странно, что сейчас вы с нами, но волноваться не следует. Мне точно не известно, что вы сделали для нас, надо полагать, что-то очень важное, о вас позаботятся, можете мне поверить. Не удивлюсь, если вас наградят орденом Ленина или выпустят марку с вашим изображением, как в случае с Зорге.

— Зорге ведь был коммунистом.

— И я горжусь, что путь в Москву вы начали в моей старенькой машине.

— Если бы мы провели в этой машине целую вечность, вам бы все равно не удалось обратить меня в свою веру.

— И все же, надо полагать, вы немало сделали для нас.

— Я помогал в том, что касалось Африки, и только.

— Вот именно, сэр. Итак, вы в пути. Африка — это ваш тезис, как выразился бы Гегель. Вы же сами

принадлежите к антитезе — точнее, к ее активной части, и поэтому входите в число тех, кому доведется осуществлять синтез.

— Такая терминология не по мне. Я вообще далек от философии.

— Настоящий боец и не должен быть философом, а вы — настоящий боец.

— Да, но не за коммунизм. Теперь же я выбыл из строя.

— Ничего, в Москве вас подлечат.

— В какой-нибудь психиатрической лечебнице? Реплика заставила мистера Хэллiday замолчать. Обнаружил ли он некий изъян в диалектике Гегеля, или молчание означало, что старик переживал за судьбу Касла? Каслу не суждено было это выяснить, поскольку они подъехали к гостинице, огни которой мерцали сквозь дождь.

— Вам лучше выйти здесь, — обратился к нему Хэллiday. — Мне не стоит попадаться на глаза.

Они остановились; мимо длинной светящейся вереницей проезжали машины, и каждая фарами высвечивала ехавшие впереди автомобили. Где-то неподалеку с грохотом приземлился Боинг-707. Мистер Хэллiday взял что-то с заднего сиденья.

— Чуть не забыл, — сказал он и протянул Каслу пластиковый пакет, какие обычно дают в аэропорту, в магазинах, не подлежащих обложению таможенной пошлиной. — Переложите сюда вещи из вашего чемоданчика. На вас могут обратить внимание, если вы пройдете к лифтам с чемоданчиком.

— Но в этот пакет все мои вещи не войдут.

— Не страшно, оставите в машине, что не поместится.

Касл не стал возражать. После стольких лет работы в разведке он понял, что в критической ситуации, в которой они сейчас оказались, человек, которого еще юношей завербовали в Архангельске, проявил себя настоящим экспертом. Касл с неохотой выложил пиджаму, хотя в тюрьме наверняка выдадут новую, не взял он и свитер. Если он проделает намеченный путь, его, очевидно, обеспечат теплой одеждой.

— У меня для вас маленький подарок, — обратился к нему мистер Хэллiday. — Роман Троллопа, который вы мне заказывали. Второй экземпляр теперь не понадобится. Книга толстая, вам теперь часто придется коротать время. Как на войне. Роман называется «Как мы теперь живем».

— Который рекомендовал ваш сын?

— Видите ли, я вас тогда немного обманул. Троллопом увлекаюсь я, а не он. Он предпочитает читать Роббинза. Вы не должны сердиться на меня, мне хотелось, чтобы вы были о сыне лучшего мнения, несмотря на этот его магазинчик. Он у меня неплохой парень.

Касл пожал ему руку.

— Уверен, что он молодчина. Будем надеяться, у него все обойдется.

— Не забудьте. Идите прямо в четыреста двадцать третий номер и ждите там.

Касл направился к освещенному входу в гостиницу с пластиковым пакетом в руке. Он чувствовал себя так, словно навсегда уже распрощался со всем, что ему дорого в Англии, — Сара и Сэм недостижимы, находясь у матери, в доме, который никогда не казался ему родным. «Даже в Претории я чувствовал себя лучше, чем здесь», — подумал Касл. — Там у меня была работа. А теперь я практически остался без работы».

— Счастливого вам пути, сэр, — услышал Касл сквозь шум дождя напутствие Хэллiday. — И настоящей удачи.

Касл очень удивился, войдя в гостиницу. Он словно очутился на одном из курортов Карибского моря. Дождя здесь не было, рядом с бассейном зеленели пальмы, а под высоким сводом многочисленных лампы имитировали свет звезд. Теплый влажный воздух

напоминал об отпуске, который вскоре после войны Касл провел в тех краях. Кругом, как и везде на курортах Карибского моря, полно американцев. Можно не опасаться, что кто-то из клерков за регистрационной стойкой обратит на него внимание — они слишком заняты новым наплывом американских туристов, которых только что доставили сюда из аэропорта. А может, из Кингстона или Бриджтауна?

Официант-негр пронес мимо два пуншевых коктейля для молодой парочки, устроившейся у бассейна. Лифт был рядом, стоит только войти внутрь, но Касл немного задержался. Молодые люди потягивали коктейль через соломинку, наслаждаясь идиллией и блеском звезд. Касл даже вытянул вперед руку, чтобы убедиться, что нет дождя. Сзади кто-то окликнул его:

— Морис, неужели это ты? Какого черта ты здесь делаешь?

Касл опустил руку в карман и оглянулся. Не без удовлетворения он вспомнил, что уже избавился от револьвера.

Его окликнул некто по имени Блит, несколько лет назад Касл сталкивался с ним по службе. Тогда Блит работал в американском посольстве, но потом его перевели куда-то в Мексику, скорее всего потому, что он не знал испанского.

— Блит! — с наигранным восторгом воскликнул Касл, поскольку всегда так к нему обращался.

Блит с первого дня знакомства называл Касла на «ты» и по имени, Касл же не мог перешагнуть этот барьер и величал Блита по фамилии.

— Куда это ты собрался? — спросил Блит, однако не стал дожидаться ответа. Он всегда предпочитал говорить больше о самом себе. — Я вот лечу в Нью-Йорк. Надолго задерживается вылет. Придется провести ночь в отеле. А тут совсем недурно. Не хуже, чем на Виргинских островах. Жаль, что не захватил шорты, здесь онигодились бы.

— Мне казалось, вы работаете в Мексике.

— О, это длинная история. Теперь я снова в европейском отделе. А ты по-прежнему занимаешься самой черной Африкой?

— Да.

— Твой самолет тоже задерживается?

— Я тут кое-кого дожидаясь, — уклончиво ответил Касл, надеясь, что Блит не пристанет с расспросами.

— А как ты насчет «плантаторского» пунша? Мне говорили, их здесь чертовски здорово делают.

— Давайте встретимся через полчаса, — предложил Касл.

— Отлично. Тогда до встречи у бассейна.

— Хорошо, договорились.

Касл пошел в лифт, Блит последовал за ним.

— Вверх? Я тоже. Какой этаж?

— Четвертый.

— Нам по пути. За проезд деньги не беру.

Неужели и американцы установили за ним слежку? В данной ситуации ошибочно относить все лишь за счет простого стечения обстоятельств.

— Ужинать собираешься здесь?

— Еще не знаю. Видишь ли, как получится...

— Да, из тебя ничего особенного не выудишь, все

секретничаешь,— заметил Блит.— Молодец, старина Морис.

Они вместе пошли по коридору. Сначала поравнялись с четыреста двадцать третьим номером, Касл начал копаться с ключом, чтобы посмотреть, куда пойдет Блит. Тот остановился у номера четыреста двадцать семь или четыреста двадцать девять. Касл почувствовал себя намного спокойнее, захлопнув дверь с табличкой «Просьба не беспокоить».

Отопление в гостинице работало почти на полную мощность, и в номере было слишком тепло. Касл подошел к окну, выходившему в холл гостиницы. В центре зала находился бар, а сверху сияли искусственные звезды. Полная женщина с отливающими голубизной волосами, пьяно покачиваясь, подошла к бассейну,— видимо, слишком увлеклась фирменными коктейлями.

Касл внимательно изучил обстановку номера, предполагая, что все здесь каким-то образом связано с тем, что произойдет с ним в будущем. Накануне Касл не менее пристально осмотрел все у себя дома, но с другой целью — не оставить следов прошлого. В номере стояли две двухспальные кровати, кресло, платяной шкаф, комод, телевизор и письменный стол, на котором лежала папка с письменными принадлежностями. Ванная находилась у двери. Бумажная лента с надписью «стерилизовано» закрывала унитаз, зубные щетки упакованы в прозрачные пакетики. Касл вернулся в комнату, подошел к столу и открыл папку. На писчей бумаге проштампована эмблема гостиницы. Касл узнал, что находится в «Старфлайте». Был тут и список имеющихся в гостинице ресторанов и баров. Один из ресторанов с оркестром и дансингом красочно назывался «Пиззаро», здешний гриль именовался довольно сухо — «Диккенс», а кафе самообслуживания еще проще — «Оливер Твист». Или «о добавке позаботьтесь сами», пошутил про себя Касл. Еще один гостиничный проспект информировал клиентов о том, что автобусы отправляются в аэропорт Хитроу каждые полчаса.

В тумбочке под телевизором Касл обнаружил холодильник, заставленный маленькими бутылочками виски, джина, бренди, тоника, содовой, пива и даже шампанского. По привычке он выбрал «джей-энд-би» и, устроившись в кресле, стал ждать.

«Вам теперь часто придется как-то убивать время»,— предупредил мистер Хэллiday, подарив Каслу роман Тrolлопа. Касл, поскольку ничего другого не оставалось, принялся за чтение:

«Позвольте познакомить читателей с леди Карбюри, от поступков которой во многом зависит, понравится ли вам эта история. Леди сидит за письменным столом собственного дома на Уэлбек-стрит...»

Касл понял, что книга не в состоянии отвлечь его от мыслей, не дававших покоя.

Касл снова подошел к окну. Внизу суетился темнокожий официант, там появился уже и Блит и стал нетерпеливо оглядываться по сторонам. «Но ведь прошло не более десяти минут, никак не полчаса»,— успокаивал себя Касл. Блит не должен был его ждать. Касл выключил свет. Теперь если Блит и посмотрит вдруг в его сторону, то не сможет его разглядеть. Блит расположился у полукруглого бара и сделал заказ. Касл наблюдал, как бармен готовил Блиту «плантаторский» пунш, опустив в бокал дольку лимона и вишенку. Блит снял пиджак и остался в рубашке с короткими рукавами: он хорошо вписывался в пейзаж на фоне пальм, бассейна и звездного неба. Блит попросил бармена подвинуть к нему телефон и стал набирать какой-то номер. Показалось ли Каслу, что Блит пристально разглядывал окно четыреста двадцать третьего номера, разговаривая тем временем по телефону? Докладывал ли он что-то? И кому?

Касл услышал, как открыли дверь. Зажегся свет. Он быстро повернулся и в зеркале платяного шкафа увидел вошедшего мужчину небольшого роста, с маленькими черными усами, в темном костюме, с черным портфелем в руке.

— Меня несколько задержали обстоятельства.— Незнакомец старался четко выговаривать английские слова, но ошибок избежать ему все же не удалось.

— Вы пришли за мной?

— У нас мало времени. Нужно успеть на следующий автобус, который идет в аэропорт.

Незнакомец положил портфель на стол и начал вынимать оттуда вещи. Сначала он достал авиабилет, затем паспорт, бутылочку, в которой, судя по всему, был клей, пластиковый пакет, расческу, щетку для волос и бритву.

— У меня с собой есть все необходимое,— уточнил Касл, пытаясь сохранить спокойствие.

Мужчина оставил замечание без внимания.

— Ваш билет только до Парижа. Это я и хотел вам объяснить,— продолжил он.

— Но они наверняка следят за всеми рейсами.

— Особенно они будут следить за самолетом в Прагу, время отлета которого, кстати, совпадает с рейсом на Москву, а он задержан из-за неполадок с двигателем. Необычное стечение обстоятельств. Можно предположить, ожидают, что рейсом Аэрофлота полетит важный пассажир. Так что полиция будет весьма внимательна к рейсам на Прагу и Москву.

— Думаю, их люди расставлены и у паспортного контроля, а не только у трапа самолета.

— Об этом позаботятся. Вам нужно лишь пройти контроль — позвольте взглянуть на ваши часы — ровно через пятьдесят минут. Автобус отходит через полчаса. Вот ваш паспорт.

— Как мне вести себя в Париже, если удастся попасть туда?

— Вас встретят в аэропорту и дадут новый билет. Времени хватит, чтобы успеть на следующий рейс.

— В каком направлении?

— Я не в курсе. Вам сообщат это в Париже.

— Надо полагать, через Интерпол они предупредили уже французскую полицию.

— Вы не правы. Интерпол никогда не занимается политическими делами. Таковы их правила.

Касл открыл паспорт.

— Партридж¹,— произнес Касл.— Ну, что же, фамилию вы выбрали подходящую. Охотничий сезон еще не закончился.— Касл посмотрел на фотографию.— Сходства маловато.

— Вы правы. Постараемся, чтобы вы походили на этого человека.

Мужчина перенес все, что ему требовалось, в ванную и рядом со стаканчиками для зубных щеток поставил увеличенное фото из паспорта.

— Будьте добры, присядьте на стул.

Незнакомец начал аккуратно подравнивать Каслу брови, затем волосы. Мужчина на фотографии был подстрижен под «ежика». Касл наблюдал в зеркало, как «парикмахер» работал ножницами, и поразился тому, как новая прическа разительно изменила его лицо. Лучше стал виден большой лоб, даже выражение глаз и то, казалось, изменилось.

— Вы меня сделали моложе лет на десять,— прокомментировал Касл.

— Сидите, пожалуйста, спокойнее.

«Парикмахер» стал клеить Каслу тонкие усики, характерные для застенчивого, не уверенного в себе человека.

— Борода и густые усы всегда вызывают подозрение,— заметил «парикмахер».

Из зеркала на Касла смотрел незнакомый ему мужчина.

— Итак, с этим закончили.

«Парикмахер» прошел к столу и достал из портфеля белую складную трость.

— Вы — слепой, мистер Партридж. К вам все будут относиться с симпатией. Стюардессу с вашего рейса попросили подойти к гостиничному автобусу и провести вас через паспортный контроль к самому самолету. По прилете в Париж вас встретят и доставят в другой аэропорт — «Орли», где один из рейсов задержится по техническим причинам. Не исключено, что вы будете уже не мистером Партриджем, в машине вам сделают новый макияж, дадут новый паспорт. Ведь человеческую внешность можно менять до бесконечности — прекрасный аргумент для тех, кто отрицает значение наследственности. Мы рождаемся с похожими где-то личиками, но окружение меняет нас до неузнаваемости.

— Звучит вполне правдоподобно,— ответил Касл,— но получится ли?

— Думаем, да,— заметил мужчина, складывая портфель.— Вам пора. Не забывайте пользоваться тростью и, если вас окликнут, старайтесь не искать глазами человека, а просто поверните медленно голову. И еще, попробуйте не моргать.

Касл машинально взял роман Тrolлопа «Как мы теперь живем».

— Вот этого делать не стоит, мистер Партридж. Слепой вряд ли понесет с собой книгу. Да и весь пакет лучше оставить здесь.

— Тут только чистая рубашка, бритва...

— На чистой рубашке есть отметка вашей прачечной.

— А не покажется ли странным, что у меня вообще нет багажа?

— На паспортном контроле их это не волнует, правда, вас могут попросить показать билет.

— Вполне вероятно.

— Ничего особенного, вы возвращаетесь к себе домой. Вы живете в Париже. Адрес у вас в паспорте.

— А кто я теперь по профессии?

— Вы на пенсии.

— Это по крайней мере соответствует действительности,— пошутил Касл.

Он вышел из лифта и, постукивая тростью, направился к выходу, где стоял автобус. Проходя мимо бара и бассейна, Касл увидел Блита. Тот с явным нетерпением поглядывал на часы. Пожилая женщина взяла Касла под руку и спросила:

— Вам на автобус?

— Да.

— Мне тоже. Позвольте, я помогу вам.

Касл услышал, как кто-то окликнул его по имени: — Морис!

Касл медленно, поскольку женщина не могла идти быстрее, двигался к выходу.

— Морис, подожди!

— По-моему, кто-то зовет вас,— сказала женщина.

— Наверное, обознались.

Сзади послышались шаги. Касл медленно, как его учили, повернул голову. Он старался, не моргая, смотреть чуть в сторону. Блит же удивленно уставился на Касла.

— Извините, мне показалось...

— Водитель автобуса уже сигналил нам,— добавила пожилая женщина.— Лучше поторопиться.

Когда они устроились в автобусе, женщина выглянула в окно.

— Вы, должно быть, очень похожи на его друга,— сказала она.— Этот человек до сих пор стоит и смотрит в нашу сторону.

— Неудивительно. Говорят, у каждого есть свой двойник,— заметил Касл.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

Глава I

Сара оглянулась, но через заднее затемненное стекло такси ничего не смогла разглядеть. Морис, выкрикнув что-то на прощание, словно утонул в свинцовых водах озера. Сару лишили, причем безвозвратно, возможности видеть и слышать дорогого ей человека, она безглаголиво отвергла все, что ей сейчас предлагали. Так обычно поступают, когда мясник предлагает вам жалкий кусок мяса взамен обещанной вырезки, которую уже уступил более выгодному клиенту.

Обед был для Сары сплошной пыткой. Свекровь не могла отказать уже приглашенному гостю — священнослужителю со странной фамилией Боттомли. Хозяйка дома называла его Эзра. Гость оказался миссионером и только что вернулся из Африки. Сара ощущала себя неким наглядным пособием на одной из его возможных проповедей. Миссис Касл не стала, как положено, представлять ее гостю.

— Это Сара,— лишь сказала она, словно Сара была какой-то сиротой без рода и племени.

«Хотя ведь я и на самом деле сирота»,— подумала Сара.

Мистер Боттомли был довольно ласков с Сэмом, а к Саре отнесся с неким расчетливым интересом, как, скажем, к своей чернокожей прихожанке. Кош-ка, которая при виде их сразу куда-то спряталась, опасаясь, что приехал Буллер, вела себя теперь довольно дружелюбно и почесывалась в ногах у Сары.

— Расскажите мне, как там, в Соуэто, живетесь на самом деле? — попросил мистер Боттомли.— Понимаете, я занимался только Родезией. А английские газеты всегда все преувеличивают. Мы не такие уж черные расисты, какими нас обычно представляют,— добавил гость и тут же покраснел, поняв свою бестактность. Миссис Касл налила ему еще воды.

— Интересно услышать от вас,— продолжил миссионер,— можно ли там нормально воспитать ребенка? — Он пристально разглядывал мальчика, как бы высвечивая его лучом прожектора.

— Ну подумайте, Эзра, откуда Саре об этом знать? — возразила миссис Касл и с неохотой пояснила: — Ведь она — моя невестка.

От этих слов мистер Боттомли залился краской еще больше.

— О, значит, вы приехали сюда погостить?

— Сара побудет у меня некоторое время,— уточнила миссис Касл.— Мой сын никогда не жил в Соуэто. Он работал в нашем посольстве.

— Мальчик, наверно, доволен,— заметил мистер Боттомли,— что приехал навестить бабушку?

«Неужели меня здесь и дальше ожидают такие вот муки?» — про себя подумала Сара.

После ухода Боттомли миссис Касл заявила, что им нужно серьезно поговорить.

— Я позвонила Морису,— начала она,— но ничего вразумительного так и не добились.— Она повернулась к Сэму: — Дорогой, поиграй в садике.

— Но ведь идет дождь,— возразил Сэм.

— Извини, дорогой, я забыла. Тогда поднимись наверх и поиграй с кошкой.

— Хорошо, наверх я поднимусь,— ответил Сэм,— но с твоей кошкой играть не стану. Я дружу только с Буллером, а он знает, как поступать с ними.

¹ Партридж — дословно «куропатка».

Оставшись наедине, миссис Касл продолжила прерванный разговор:

— Морис заявил мне, что, если ты вернешься домой, он будет вынужден уехать. Что ты, Сара, натворила?

— Мне не хотелось бы говорить сейчас на эту тему. Морис просил меня приехать сюда, вот я и приехала.

— Кто же тогда из вас, как говорится, виновная сторона?

— А почему вы считаете, что всегда должна быть «виновная сторона»?

— Я позвоню ему еще раз.

— Остановить вас я не вправе, но это бесполезно.

Миссис Касл набрала номер, и Сара молила бога, в которого, кстати, не верила, хоть издали услышать голос Мориса. Но, дожидаясь, миссис Касл заметила:

— Никто не отвечает.

— Вероятно, он на работе.

— Это в субботу-то?

— У него ненормированный рабочий день.

— Мне всегда казалось, что в министерстве иностранных дел больше порядка.

Сара дождалась вечера, уложила Сэма спать и решила пройтись. Она зашла в бар «Краун» и заказала двойную порцию «джей-энд-би», думая о Морисе. Затем направилась к телефону-автомату. Сара хорошо помнила, что Морис просил ее не звонить. Если Касл дома, а телефон наверняка прослушивают, придется притвориться, что он негодует, и разыграть ссору, которой не было. Зато она сможет убедиться, что Морис дома, а не в полицейской камере и не скитается по Европе, где ей самой никогда не доводилось бывать. Сара долго ждала ответа и в конце концов повесила трубку, не сомневаясь, что своим звонком помогла им установить, откуда звонили. Если к ней заявятся из конторы, она тогда хоть что-то узнает о судьбе мужа. Сара вернулась к стойке бара и допила виски.

Дома миссис Касл передала Саре, что ее звал Сэм. Сара поднялась в комнату к мальчику.

— Чего тебе, Сэм?

— Как ты думаешь, с Буллером все в порядке?

— Конечно. Что с ним может случиться?

— Мне приснился сон.

— Ну и что ты видел?

— Не помню уже. Буллер будет скучать по мне. Жаль, что мы не смогли взять его с собой.

— Ты ведь знаешь, это невозможно. Рано или поздно он расправился бы с кошкой.

— А я не против.

Сара неохотно спустилась в гостиную. Миссис Касл смотрела телевизор.

— В последних новостях есть что-нибудь интересное? — спросила Сара.

— Я редко смотрю новости по телевизору, — ответила миссис Касл. — Предпочитаю узнавать их из «Таймс».

На следующее утро Сара не нашла в воскресных газетах ничего такого, что могло бы ее заинтересовать. Она вспомнила, что Морис никогда не работал по воскресеньям. Днем Сара снова дошла до «Краун» и позвонила домой. Она долго ждала, пока Морис подойдет к телефону. Может, он вышел в сад прогулять Буллера? В конце концов и от этого предположения пришлось отказаться. Она успокаивала себя тем, что, возможно, мужу все же удалось скрыться. Сара вновь и вновь ловила себя на мысли, что задерживать без предъявления обвинений имели право, если она не ошибалась, на три дня.

Миссис Касл пригласила к столу ровно в час дня, пригласив на обед жаркое.

— Может быть, послушаем новости? — предложила Сара.

— Пожалуй, Сэм, дорогой, не играй с кольцом для салфетки, — сказала миссис Касл. — Возьми салфетку, а колечко положи на стол рядом с тарелкой.

Сара настроила приемник на станцию «Радио-3».

— По воскресеньям, как правило, редко передают что-нибудь интересное, — прокомментировала миссис Касл.

И она, конечно, была права. Никогда воскресенье не тянулось так томительно. Дождик уже перестал, и робкие лучи солнца пытались пробиться сквозь облака. Сара вывела Сэма погулять в так называемом лесу, хотя трудно было понять, почему территорию, где нет никаких деревьев, лишь кое-где попадались кустарники да значительное место занимала площадка для игры в гольф, кто-то окрестил лесом.

— Мне в Остриджке нравится больше, — заявил Сэм. Чуть позже он добавил: — А гулять без Буллера — все равно, что вообще не гулять.

«Как долго все это будет продолжаться?» — мучилась в догадках Сара.

По дороге домой они срезали угол, пройдя по

краю площадки, где играли в гольф. Один из игроков, который, судя по всему, как следует выпил за обедом, прокричал, чтобы они отошли в сторону. Сара не сразу прореагировала на его окрик. Тогда разгоряченный игрок бросил ей вслед:

— Эй, ты, я к тебе обращаюсь, Топси.

Сара вспомнила, что так звали чернокожую девушку в одной из книг, которые давали ей читать методисты в детстве.

Вечером миссис Касл обратилась к Саре:

— Нам, дорогая, пора серьезно поговорить.

— О чем?

— И ты меня спрашиваешь! Неужели, Сара, непонятно, о чем? О тебе, разумеется, моем внуке и Морисе. Никто из вас мне так и не сказал, из-за чего вы, собственно, поругались. Имеются ли у тебя или у Мориса основания для развода?

— Видимо, имеются. Когда один человек оставляет другого — это ведь основание.

— Так кто же кого оставил? Сказать, что ты — трудно, ты ведь перебралась жить к свекрови. А Морис тоже тебя не бросил — он по-прежнему находится у себя дома.

— Его там уже нет.

— Так где же он тогда?

— Не знаю, поймите, не знаю, миссис Касл. Прошу вас какое-то время подождать и ничего не спрашивать.

— Но ведь это все-таки — мой дом, Сара. Мне хотелось бы выяснить, как долго вы собираетесь тут пробыть. Сэму надо ходить в школу.

— Обещаю, если вы только позволите остаться нам хотя бы на неделю...

— Я тебя, дорогая, не прогоняю. Я хочу, чтобы ты поступала, как подобает взрослому человеку. Мне кажется, тебе следует обратиться к адвокату и поговорить с ним, если ты отказываешься говорить со мной. Я могу позвонить завтра мистеру Бари. Он занимался моим завещанием.

— Прошу вас, миссис Касл, дать мне неделю.

Свекровь как-то предложила Саре называть ее «мамой», но была явно довольна тем, что Сара продолжала обращаться к ней «миссис Касл».

В понедельник утром Сара пошла с Сэмом в город и, оставив мальчика в магазине игрушек, заглянула в «Краун». Она позвонила мужу на работу, понимая, что это бессмысленно, поскольку если Морис по-прежнему в Лондоне и на свободе, то наверняка дал бы о себе знать. Сара никогда бы не пошла на такой необдуманный шаг, если бы находилась в Южной Африке, как когда-то давным-давно, и работала там с Морисом. Но в тихом провинциальном городке, который никогда не потрясали расовые беспорядки и где никто не врывался в дом по ночам, сама мысль об опасности казалась абсолютно нереальной.

Сара попросила к телефону секретаря мистера Касла и, когда ответил женский голос, спросила:

— Вы Синдра?

Сара знала, что так звали секретаршу мужа, однако никогда раньше не встречалась с ней и не разговаривала по телефону. Ей долго не отвечали — достаточно долго для того, чтобы подойти к параллельному телефону и прослушать беседу. Но представить себе нечто подобное, находясь в небольшом городке, где в основном жили пенсионеры, а напротив двое водителей грузовиков спокойно потягивали пиво, было выше ее сил.

— Синдры сегодня не будет, — ответили наконец писклявым голосом на другом конце провода.

— А когда ей можно позвонить?

— Затрудняюсь сказать.

— Попросите тогда самого мистера Касла.

— Простите, а кто его спрашивает?

Сара подумала, что чуть было не выдала Мориса, и положила трубку. Женщине казалось, что своим поступком она предала и свое собственное прошлое: тайные встречи, шифрованные донесения и то, как заботливо Морис инструктировал ее в Йоханнесбурге, чтобы не напали на их след. И после всего этого Мюллер приехал в Англию и сидел с ней за одним столом.

Вернувшись домой, Сара заметила перед входом незнакомую машину. Миссис Касл ждала ее в прихожей.

— К тебе пришли, Сара, — сказала она. — Я провела его в кабинет.

— Кто это?

— Думаю, полицейский, — понизив голос, несколько брезгливо ответила миссис Касл.

Мужчина нервно теребил густые бесцветные усы. Он вовсе не походил на полицейских, которых Сара привыкла видеть в юности. Ее несколько удивило, что миссис Касл так точно догадалась о профессии этого человека. Сама Сара скорее всего приняла бы незнакомца за мелкого торговца, который за долгие годы прекрасно изучил своих клиентов. Мужчина выглядел по-домашнему приветливо, под стать обстановке кабинета доктора Касла, отца Мориса, где

после его кончины все осталось на своих местах. На столе по-прежнему лежала подставка для трубок и стояла китайская пепельница. Как и раньше, здесь находилось кресло-качалка, занять которое незнакомец не решился. Он прислонился к шкафу, загромождавая собой яркие тома собраний сочинений классиков и зеленые переплеты одиннадцатого издания «Британской энциклопедии».

— Миссис Касл? — спросил он.

Сара чуть было не ответила: «Нет, вам следует обратиться к моей свекрови». Настолько чужой она себя чувствовала в этом доме.

— Слушаю вас, — ответила Сара. — По какому вы делу?

— Я — инспектор Батлер.

— Да?

— Мне позвонили из Лондона и попросили навестить вас и переговорить.

— О чем?

— Вы, вероятно, знаете, как связаться с вашим мужем?

Сара сразу почувствовала облегчение, значит, Морис не в тюрьме. Но тут же подумала, что это похоже на провокацию, поскольку напускная вежливость и обходительность инспектора Батлера может оказаться на самом деле ловушкой, одной из тех, которые так мастерски в свое время расставляла БОСС. Но в этой стране БОСС вроде не вершит и не правит.

— Нет, вряд ли я могу вам помочь, — ответила Сара. — Мне ничего не известно. В чем, собственно, дело?

— Видите ли, миссис Касл. Частично речь идет о вашей собаке.

— Буллере? — воскликнула Сара.

— Ну да... если ее так зовут.

— Да, конечно, так. Пожалуйста, скажите, что произошло.

— Вы владеете домом на Кингс-роуд в Беркампстеде. Верно?

— Да, так. — Сара с облегчением улыбнулась. — Неужели Буллер снова прикончил чью-нибудь кошку? Но мы ведь здесь, и я тут ни при чем. Вам следует обратиться к моему мужу, а не ко мне.

— Мы пытались, миссис Касл, но ничего у нас не вышло. На работе ответили, что он не появлялся. Очевидно, куда-то уехал и оставил собаку, хотя...

— Кошка была какая-то особенная?

— Дело не в кошке, миссис Касл. Ваши соседи жаловались, что вроде воет собака... Кто-то позвонил в полицию. Видите ли, в районе Боксмур стали отмечаться кражи. Послали полицейского, окно на кухне оказалось приоткрытым, злоумышленнику не пришлось ничего разбивать или взламывать... а собака...

— Буллер его искушал? Буллер раньше никого не кусал.

— Бедная собака уже не кусалась. Ее застрелили, причем довольно неуклюже. Боюсь, миссис Касл, что вашего пса пришлось прикончить самим полицейским.

— О боже, что же сказать теперь Сэму?

— Сэму?

— Моему сыну. Он так любил Буллера.

— Я сам люблю животных.

Двухминутное молчание, воцарившееся в кабинете, затянулось, словно минута скорби по жертвам первой мировой войны в день перемирия.

— Сожалею, что принес вам печальные вести, — добавил инспектор Батлер, вернув Сару к реальности.

— Что же мне сказать Сэму?

— Что собаку задавила машина, к примеру.

— Да, наверно, так будет лучше всего. Хотя я не могу обманывать ребенка.

— Но вы ведь знаете, существует просто ложь и ложь во спасение, — заметил инспектор Батлер.

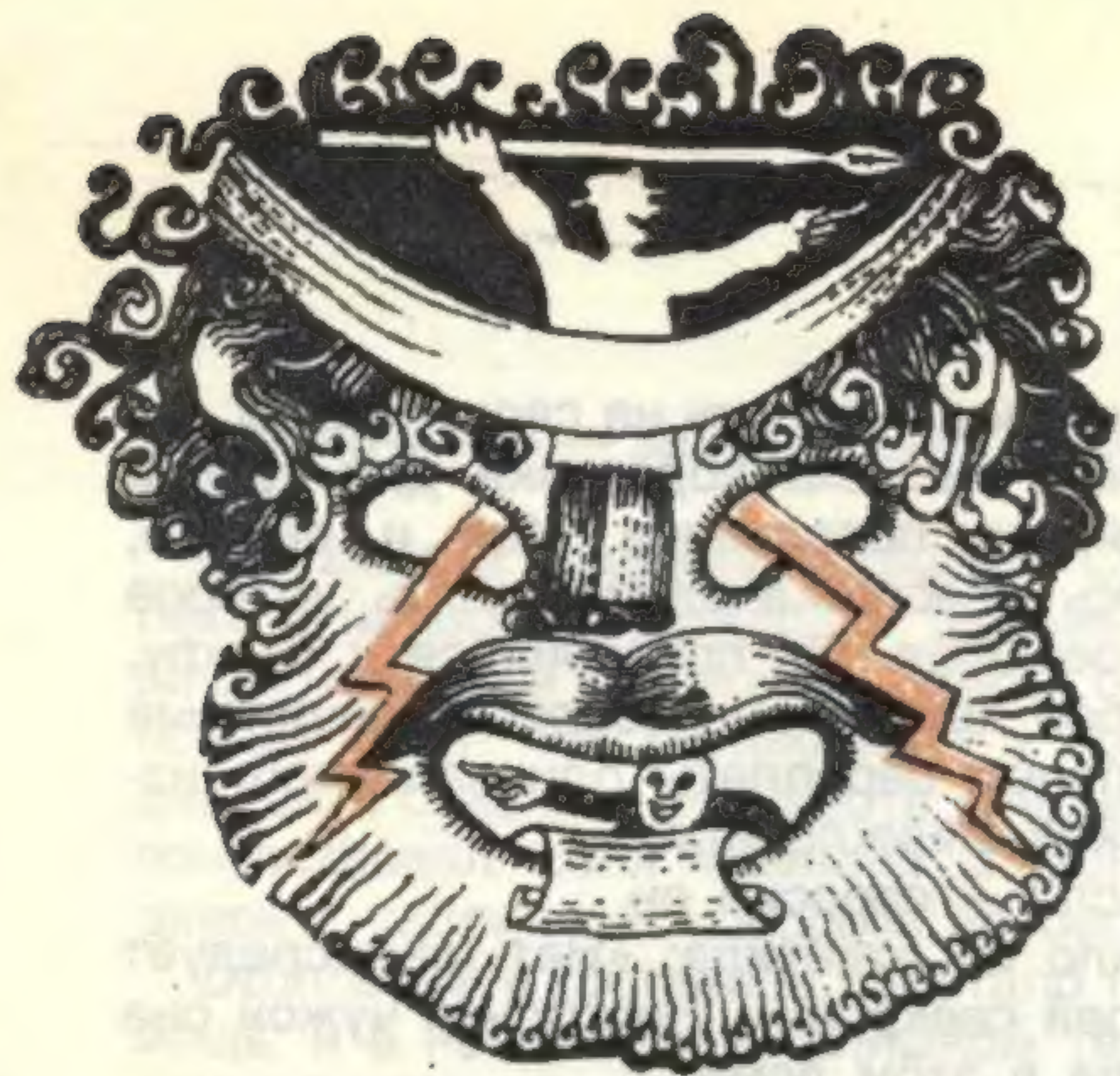
«Интересно, — подумала Сара, — говорить какую ложь он заставит меня?». Она внимательно посмотрела на пышные бесцветные усы инспектора, заглянула в добрые глаза, но так и не поняла, чего ради этот человек решил стать полицейским. Казалось, что лгать ему — все равно что лгать ребенку.

— Присаживайтесь, инспектор, — предложила Сара.

— Садитесь вы, миссис Касл. Я и так сегодня полдня провел в кабинете.

Перевела с английского
Мария ОСИНЦЕВА.

Окончание следует.

Павел ХМАРА

С ПЕРВОАПРЕЛЕМ!

Весь год, не соврав никому ни
на грош
Мы ждем, как небесную манну.
Тот день, когда можно удариться
в ложь.

Невинно предаться обману!
Набрав арсенал завиральных идей.
С кощунственным трепетом в теле
Мы ловим доверчивых честных
людей.

Забывших о первоапреле.
И мы их находим, смиренных ягнят.
Простежки развесивших уши.
И стрелы обмана со свистом летят
В их светлые, чистые души.
Но первоапрельский веселый
обман —

Сердечная наша потеха.
И стрелы не кровь высекают
из ран.

А добрые искорки смеха.
О, как же он весел и как же
хорош.
Пришедший на смену метелям.
Тот праздник.
во смех превращающий ложь!
Сотраждане, с первоапрелем!

ВО ВСЕХ ЖАНРАХ

Первоапрельские пародии

ОЧЕРК

ЗВУКИ ТРУДА

— Цып-цып-цып,— говорила на птицеферме Клавдия Петровна Силкина.

— Вжиг-вжиг-вжиг,— пела пила лесоруба Силантия Егоровича Силкина, мужа Клавдии Петровны.

— Пам-пам-пам,— брал аккорды пианист Евгений Силкин, сын Клавдии Петровны и Силантия Егоровича.

— Чирк-чирк-чирк,— проверяла тетради своих учеников педагог Светлана Силкина, жена Евгения.

— Констр-констр-констр,— собирал машину из детского конструктора Вася Силкин, сын Светланы и Евгения.

Славные традиции хранит и воспитывает трудовая династия Силкиных. Доброго вам пути!

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ОЧЕРК

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ПАРАДОКС

...Вот пример того, как любое тщательно не продуманное, даже на первый взгляд необходимое, вмешательство в природу вносит непоправимый экологический дисбаланс:

если каждый человек вырастит по одному баобабу, то это значительно оздоровит земную атмосферу;

если каждый человек вырастит по два баобаба, то население планеты будет обеспечено чистым воздухом вплоть до сорокового поколения;

если каждый человек вырастит по три баобаба, то вес Земли увеличится примерно на 50 млрд. тонн и она упадет вниз...

Игорь ИРТЕНЬЕВ

ВСТРЕЧА НА НЕДАЛЕКОМ МЕРИДИАНЕ

День весенний был погож и светел,
Шел себе я тихо, не спеша,
Вдруг американца я заметил,
Гражданина, значит, США.

Он стоял, слегка расставив ноги,
Глядя на меня почти в упор.
Как тут быть?

Уйти ли прочь с дороги?
Лечь пластом?
Нырнуть в ближайший двор?

Сотворить ли крестное знамение?
Словом, ситуация не мед.
Кто бывал в подобном положении,
Тот меня, я думаю, поймет.

Вихрем пронеслись перед глазами
Так, что не успел я и моргнуть,
Детство, школа,
выпускной экзамен,
Трудовой, а также ратный путь.

Вот уже совсем он недалеко —
Обитатель чуждых нам широт.
И тогда, расправив гордо плечи,
На него пошел я, как на дзот.

Сжав в руке газету, как гранату,
Шаг, другой — и выдерну кольцо.
Было мне, что НАТО, что СЕАТО —
Абсолютно на одно лицо.

Поблуднев от праведного гнева,
Размахнулся я, но в этот миг
Вдруг возникла в памяти Женева
И Рейкьявик вслед за ней возник.

Ощувив внезапное прозрение
И рассудком ярость победив,
Подавил я старого мышленья
Этот несомненный рецидив.

И пошел, вдыхая полной грудью
Запах ликующей весны...
Если б все так поступали люди,
Никогда бы не было войны.

Документ, который мы сегодня впервые публикуем, был создан в годы, именуемые ныне «эпохой застоя». В те поры было немало трудностей, которые приходилось преодолевать.

Известна неприятная история, происшедшая с руководителем, которого подвели подчиненные. Он просил их написать речь на полчаса, а читал час. Подчиненные, поставившие его в неловкое положение, объяснили слу-

шавшееся тем, что забыли второпях вытащить из папки второй экземпляр речи.

Во избежание подобных и иных казусов и был создан нижеприводимый документ — замечательное достижение своего времени, позволяющее любому докладчику не просто контролировать объем выступления, но и свободно импровизировать в ходе его.

Автор неизвестен. Слова можно считать народными.

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ КОД РЕЧЕЙ

Объединив произвольно часть фразы из столбца I с любой частью фразы последовательно из столбцов II, III, IV, получите универсальный текст. Количество комбинаций — 10 000, достаточно на 40 минут произнесения речи.

I	II	III	IV
Товарищи!	реализация намеченных плановых заданий	играет важную роль в формировании	существующих финансовых и административных условий
с другой стороны	рамки и место обучения кадров	требуют от нас анализа	дальнейших направлений развития
равным образом	постоянный количественный рост и сфера нашей активности	требуют определения и уточнения	системы массового участия
Не следует, однако, забывать, что	сложившаяся структура организации	способствует подготовке и реализации	позиций, занимаемых участниками в отношении поставленных задач
Таким образом	новая модель организационной деятельности	обеспечивает широкому кругу (специалистов) участие в формировании	новых предложений
Повседневная практика показывает, что	дальнейшее развитие различных форм деятельности	позволяет выполнить важные задания по разработке	направлений прогрессивного развития
Значимость этих проблем настолько очевидна, что	постоянное информационно-пропагандистское обеспечение нашей деятельности	в значительной степени обусловливает создание	системы обучения кадров, соответствующей насущным потребностям
Разнообразный и богатый опыт	укрепления и развития структуры	позволяет оценить значение	соответствующих условий активизации
Задача организации, в особенности же	консультация с широким активом	представляет собой интересный эксперимент проверки	модели развития
Идейные соображения высшего порядка, а также	начало повседневной работы по формированию позиции	влечет за собой процесс внедрения и модернизации	форм воздействия

Однажды Слон подошел к Ослу и сказал:
— Ответь мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты.
Осел ответил:
— Осел.
МОРАЛЬ: Вот так и ты, читатель, иной раз...

ХФ

Михаил УСПЕНСКИЙ
(Красноярск)

Одна женщина в роддоме № 4 взяла и родила мальчика Николая Афанасьевича Пермякова. Нетрудно догадаться, что эта женщина была его мама. Когда Николай Афанасьевич, тогда еще просто существо, принесли первый раз кормить, существо раскрыло глаза и посмотрело на свою мамку так, что у нее враз пропало молоко в груди. Одна старая женщина из подсобного медицинского персонала объяснила всем желающим, что у ребенка дурной глаз.

— Глазик у ребенка дурной, — говорила она.

А на вид глазик как глазик. И второй такой же. Хоть и говорят в народе «дурной глаз», а попробуй определи: левый дурной или правый дурной?

Покуда маму Пермякову не выписали, все в роддоме шло через пень-колоду. То батареи прорвет, то еще что-нибудь. А один мальчик, который лежал рядом с Николаем Афанасьевичем, вырос и стал вор и бандит, был посажен в тюрьму и расстрелян.

Дом у Пермяковых тоже стало не все благополучно. Афанасий Пермяков по случаю рождения сына первый раз в жизни выпил и пьет до сих пор. «Не напьется никак», — объясняет теща. У тещи, в свою очередь, сгорел свой дом в городе Барановичи Белорусской ССР. Мать помнила слово про дурной глаз и повела уже ходячего Николая к окулисту. Окулист долго смотрел в дурной глаз через специальный прибор. Никаких болезней не нашел. Посоветовал надевать черные очки, или, еще лучше, зеркальные.

Так и ходил Николай Афанасьевич — маленький, а в зеркальных очках, как цирковой артист-лилипуд. А этот окулист, Мовсесян Ваграпет Аршакович его фамилия, в тот день не пришел домой с работы, и никто не может его найти, хоть и объявили всесоюзный розыск. А не надо было через прибор в дурной глаз смотреть. Он же увеличивает, прибор.

Пришло число первое сентября. Надо идти в школу. Николаю дали портфель и цветы астры.

— Ой, нельзя ходить в школу в темных очках, — стала ругаться первая учительница Николая Афанасьевича. Фамилия учительницы была Бородун Аэлита Степановна. — Так только одни стилисты делают. Сейчас же снимай очки.

Николай очки-то и снял по требованию. Учительница посмотрела ему в глаза. У нее через неделю должна была быть свадьба. Куда там! Жених ее, известный в городе таксист Леха, полюбил вдруг не ее, а артистку эстрады на гастрольях. Он возил ее по городу, так как она за вечер три-четыре концерта пела, уехал за ней и ездит теперь сле-

дом за ней повсюду, кроме загранки. В загранку его не пускают.

Привыкли все-таки в школе к очкам. Сам Николай думал и говорил, что у него глазки болят. К другим окулистам мать его не водила, жалела их.

Пришла повестка в ряды армии. Конечно, на медкомиссии тоже был окулист — военный врач-офицер. Он признал, что глазки у Николая не больные, а нормальные, и надо служить. Вечером окулист пошел с одной знакомой в ресторан, выпил маленько, а запянул сильно, разбил витрину и многое другое. Пришлось ему отсидеть много дней на гауптвахте и заплатить очень много денег, а потом над ним еще был суд офицерской чести. В старые годы ему пришлось бы от стыда застрелиться, а нынче ничего, обошлось, только звездочка одна и полетела.

Николая привезли в армию, и прапорщик Огурной повел его мыть с друзьями новобранцами в баню. Пермяков и в баню пошел в очках, хоть и голышом.

— Очки, брат, на гражданке оставь! — сказал ему прапорщик и снял с него очки. Поскольку полке, полетел вниз, там поломал руки-ноги.

Солдату в темных очках быть не положено, если не дембель. Так что в этой самой войсковой части стали твориться всякие дела: то солдат домой убежит, то дизентерия какая-нибудь. За полтора года трех командиров сменили с разжалованием. Только когда Николай стал старослужащим солдатом — дембелем, он пошел в солдатский магазин «Военторг» и купил себе подтяжки и темные очки. Надел Николай очки, и часть мигом стала ходить в отличных.

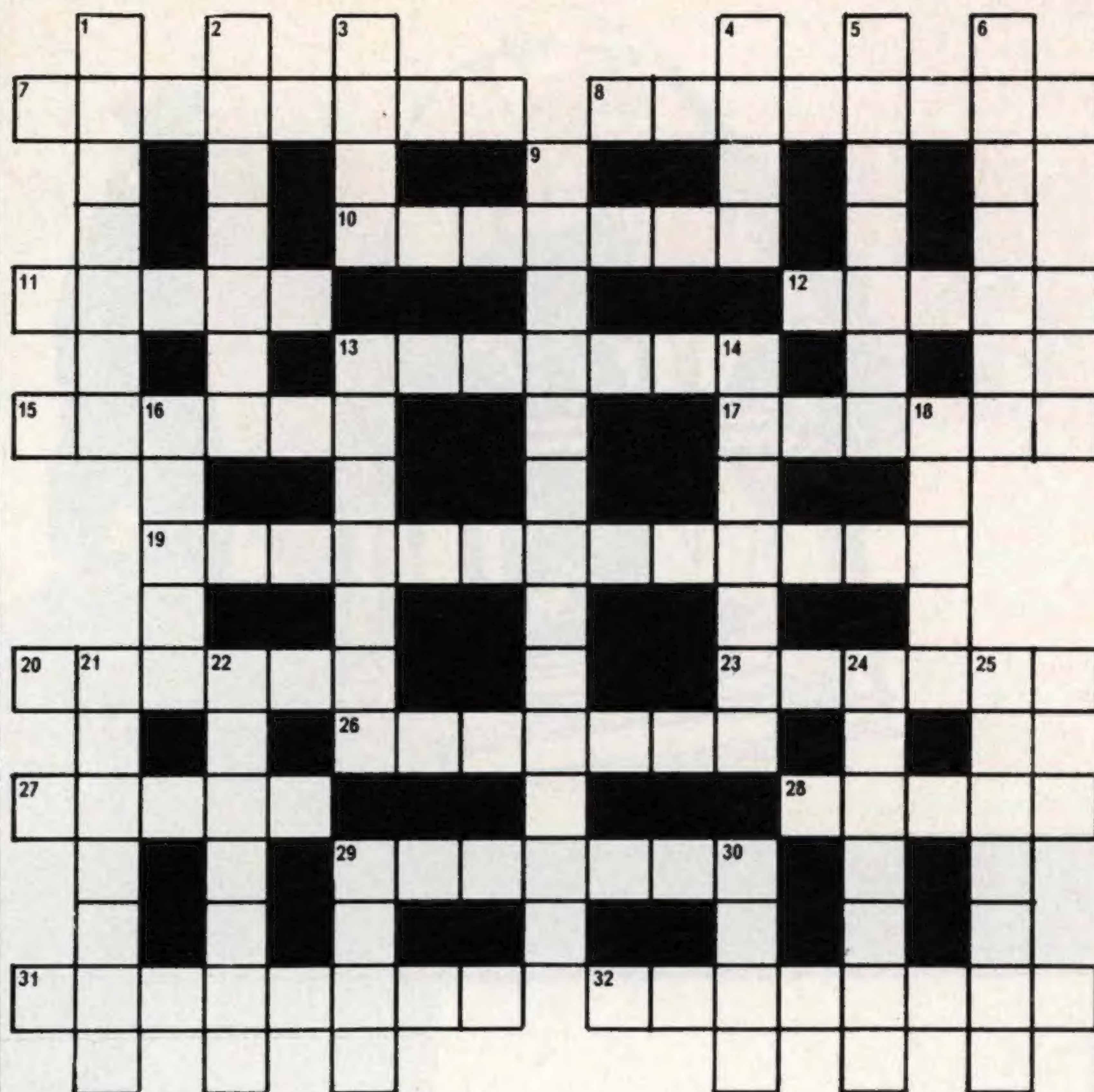
Отслужив как положено, Николай домой не вернулся, а поехал жить в большой город. Там он поступил в один институт. Он все еще не знал, что у него за глазки такие. Он-то думал, просто больные они у него, а врачи не верят, вредничают. Не нашлось на него старой женщины, чтобы сказать:

— Глазик у вас дурной, Николай Афанасьевич!

Одни только цыганки, когда Николай Афанасьевич снимает очки на улице с целью протереть, шарахаются от него, как от милиционера. Цыганки знают, что почем.

Очки он снимает только перед сном и еще иногда на работе. А где работает Николай Афанасьевич, все люди знают, потому что видят его каждый день да через день. Причем без очков. У него такой приятный голос: «Здравствуйте, товарищи. Начинаем передачи Центрального телевидения».

Теперь вам понятно, почему от вас ушла жена, почему сын растет лоботрясом, почему все дела из рук валятся?..

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Русский минералог и химик, академик. 8. Зимний сорт яблок. 10. Советский композитор, автор песни «Мы за мир». 11. Дикая африканская лошадь. 12. Обод, набиваемый на бочку, кадку. 13. Рулевое колесо судна, самолета. 15. Тяжелотелетический снаряд. 17. Древнегреческий математик. 19. Советский геолог, академик. 20. Многолетний режим погоды той или иной местности. 23. Промысловая пресноводная рыба. 26. Часть света. 27. Узбекский и таджикский бубен. 28. Шар. 29. Итальянский композитор XIX века. 31. Русский живописец, один из создателей Товарищества передвижников. 32. Баллада В. А. Жуковского.

По вертикали: 1. Часть круга. 2. Главное действующее лицо романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». 3. Полудрагоценный камень. 4. Город в Ростовской области. 5. Соленое озеро в Казахстане. 6. Приток Миссисипи. 9. Роман М. С. Шагинян. 13. Река на западе Франции. 14. Словарный состав языка. 16. Семья итальянских мастеров смычковых инструментов. 18. Порода охотничьих, ездовых собак. 21. Героиня оперы Л. Бетховена «Фиделио». 22. Значимая часть слова. 24. Опера А. С. Аренского. 25. Воинское звание. 29. Столица союзной советской республики. 30. Мысль, замысел, намерение.

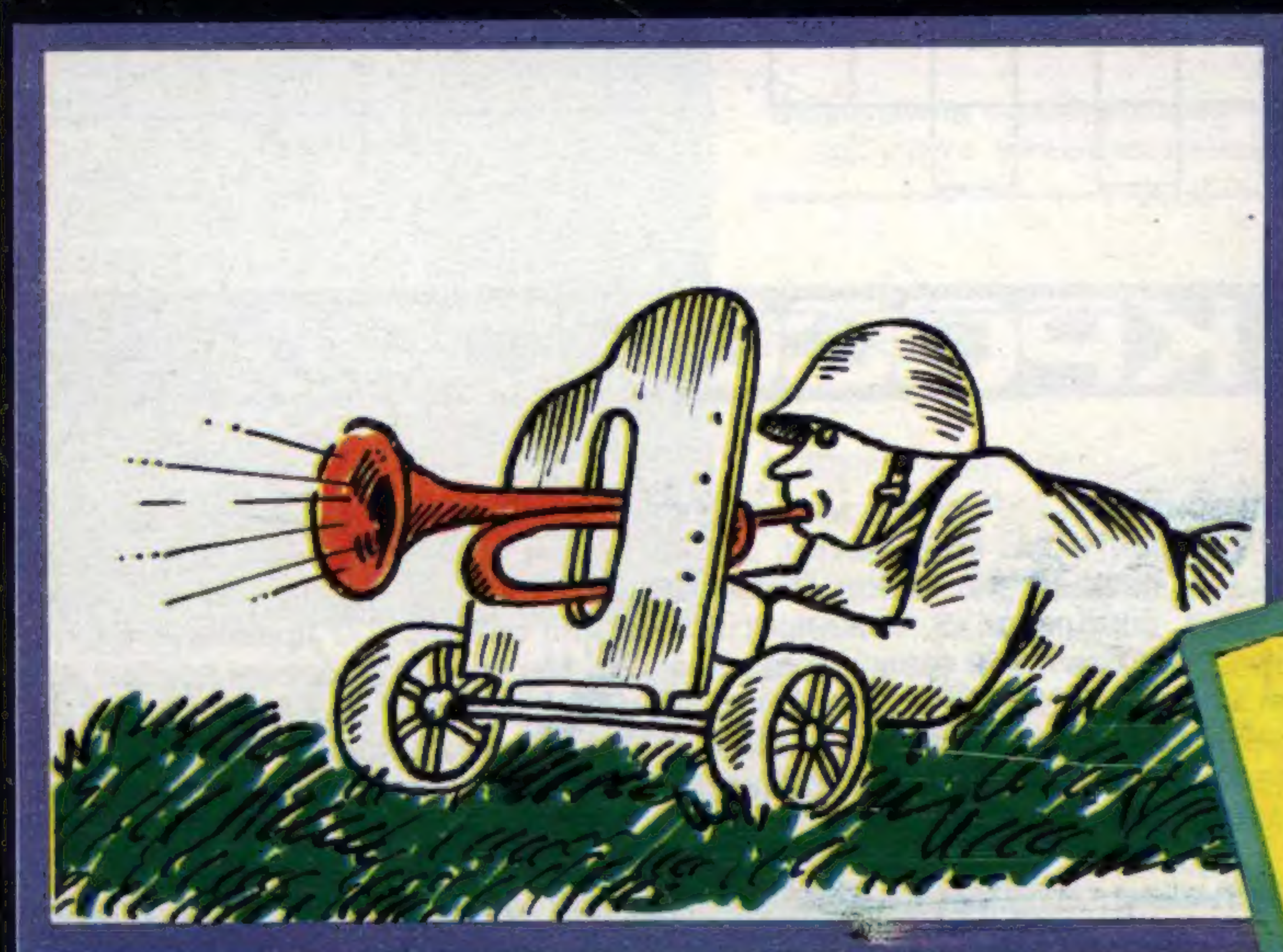
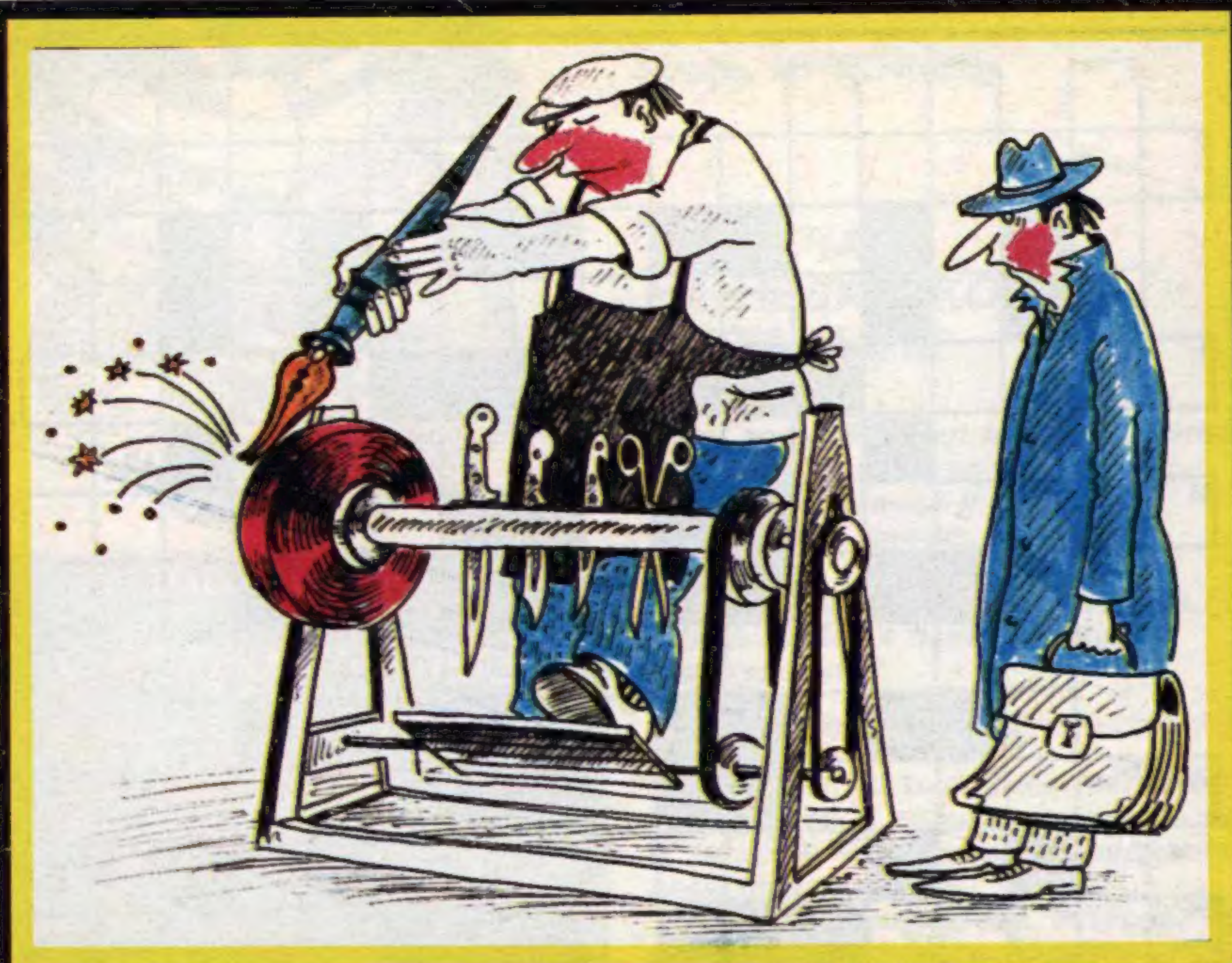
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 13

По горизонтали: 7. «Ледоход». 8. Сусанин. 9. Ложа. 10. Шадр. 11. Простакова. 15. Гитара. 16. Аптека. 17. Колонитут. 19. Крокировка. 21. Митинг. 23. Тирада. 24. Типография. 25. Фарс. 27. «Баня». 28. Лемешев. 29. Милютин.

По вертикали: 1. «Летопись». 2. Тома. 3. Домбра. 4. Дулова. 5. Марш. 6. Гиндукуш. 11. Практикант. 12. Суровикино. 13. Калибровка. 14. Аппликация. 18. Скиталец. 20. Каденция. 22. Гильен. 23. Тихвин. 26. Сцеп. 27. Блюз.

СКОРО В «ОГОНЬКЕ»

Через все свое творчество
народный артист СССР
Георгий Жженов
пронес одну тему —
любовь к человеку, глубокое убеждение в его силе,
способность выстоять
под любыми ударами судьбы.
Жженов, как никто
другой, имеет внутреннее
право на такой разговор:
по шаблонному обвинению «враг народа»
он провел в тюрьмах и лагерях многие годы.
Воспоминания Г. С. Жженова об этом периоде
«Огонек» публикует в следующем номере.

Наступило 1 апреля...
К нам пришли какие-то
люди, назвались
художниками
(им, конечно,
не поверили),
предложили опубликовать
свои карикатуры
(их, естественно, осмеяли),
утверждали,
что говорят серьезно
(над ними, как полагается,
смеялись до слез).
И вдруг — напечатали.
Вот и не верь после этого
людям 1 апреля!
Остается добавить,
что в первоапрельском
розыгрыше
вакантных мест
на нашей обложке
участвовали художники-
карикатуристы:
В. ДУБОВ,
Е. МИЛУТКА,
А. ЦЫКУН,
О. ТЕСЛЕР
и А. ИЛЬИН.